

«ДЛЯ ЦЕЛИ МЫ ВЫСОКОЙ СОЗДАНЫ...»

ПОЭЗИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки
И — лишь оковы обрели.

А. И. Одоевский

«Для цели мы высокой созданы...» Поэзия декабристов

Владимир Федосеевич Раевский, Кондратий Федорович Рылеев, Федор Николаевич Глинка, Павел Александрович Катенин, Николай Алексеевич Чижов, Александр Александрович Бестужев-Марлинский, Александр Сергеевич Пушкин, Вильгельм Карлович Кюхельбекер, Валерия Андоскина

Аннотация
«Для цели мы высокой созданы...». Поэзия декабристов
А. А. Бестужев (Марлинский)
«Близ стана юноша прекрасный...»
Саатырь. (Якутская баллада)
⟨Надпись над могилой Михалевых в Якутском монастыре⟩
Череп
Юность. (Подражание Гёте)
Финляндия. (А. А. З⟨акревско⟩му)

Тост
В день именин. Ал. Ив. М…й
Е. И. Б(улгари)ной. (В альбом)
Часы
Сон
К облаку
Дождь
Оживление
«Еще ко гробу шаг – и, может быть, порой…»
Шебутуй. (Водопад Станового хребта)
Осень
Приписка к богатому надгробию в бедности умершего поэта
«Я за морем синим, за синею далью…»
Адлерская песня. (На голос «Как по камешкам чиста реченька течет…»)
А. И. Одоевский
Луна
Бал
Воскресенье
Утро
«Что мы, о Боже? В дом небесный…»
Сон поэта
Умирающий художник
«Струн вещих пламенные звуки…»
Последняя надежда

Элегия на смерть А. С. Грибоедова
Кн. М. Н. Волконской
Зосима. Новогородская святопись
«На грозном приступе, в пылу…»
Два образа
«Недви́жимы, как мертвые в гробах…»
«По дороге столбовой…»
«Что за кочевья чернеются…»
Сен-Бернар
Колыбельная песнь
Мой непробудный сон
«Тебя уж нет, но я тобою…»
«Из детских всех воспоминаний…»
«Как недвижи́мы волны гор…»
«Ты знаешь их, кого я так любил…»
«Как сладок первый день среди полей…»
«Куда несетесь вы, крылатые станицы…»
«Я разлучился в колыбели…»
П. А. Катенин
Ночь. Из Гесснера
Смерть Приама. Подражание Вергилию
Грусть на корабле
Певец. Из Гёте
Наташа
Ольга. Из Бюргера
Любовь

Кавказские горы. Сонет
Предложение
Сонет
Ф. Н. Глинка
Песнь сторожевого воина перед Бородинскою битвою
Партизан Давыдов
К Пушкину
Опыты священной поэзии
Плач плененных иудеев
Блаженство праведного
Тщета суемудрия
Опыты иносказательных описаний в стихах
Сон
Море
Старец
Сон русского на чужбине
Завеянные следы
Буря
Гром
Луна
Повсеместный свет
Песнь узника
Вздох
К Богу
Призвание

Рождение арфы. Древнее финское стихотворение, написанное размером подлинника, с изустного перевода проф. Шегрена
Листок и человек. (Басня)
Олонецкая песня
Грусть в тишине
К почтовому колокольчику
Ранняя весна на родине
Неизвестность
Москва
В защиту поэта
Два я
Н. А. Чижов
Воздушная дева. Якутская фантазия
Ну́ча. Якутский рассказ
Журавли
Сибирские цветы
Русская песня
В. Ф. Раевский
Песнь воинов перед сраженьем
Песнь
Послание Г. С. Батенькову
Осень. Идиллия
Плач негра
«Пришлец! здесь родина твоя…»
Картина бури

Песнь невольника
Певец в темнице
На смерть моего скворца
Послание к К…ву
«Она одна казалась мне мила…»
«Когда ты был младенцем в колыбели…»
«Не с болию, но с радостью душевной…»
Дума
Предсмертная дума
«Мой милый друг, твой час пробил…»
В. К. Кюхельбекер
Отчизна
К Пушкину и Дельвигу. Из Царского Села
Греческая песнь
Грибоедову
К Пушкину
⟨Вяземскому⟩
Тень Рылеева
Ночь
Луна
Смерть
Ветер
Памяти Грибоедова
Брату
Сонеты
1. Рождество

2. Пасхальный первый
3. Пасхальный второй
4. Магдалина у Гроба Господня
5. Вознесение
Измена вдохновения
Возврат вдохновения
Море сна
Родство со стихиями
Он есть
Росинка. (Притча)
19 октября
Тени Пушкина
Брату
Аргунь
Марии Николаевне Волхонской
Участь русских поэтов
⟨Святому Димитрию Ростовскому⟩
Усталость
Слепота
Сонет
«Да! ровно через год мы свиделись с тобою…»
«Счастливицы вольные птицы…»
К. Ф. Рылеев
К временщику. Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»
Видение. Ода на день тезоименитства Его

императорского высочества великого князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 года
Гражданское мужество. Ода
Думы
Олег Вещий
Ольга при могиле Игоря
Боян
Михаил Тверской
Димитрий Донской
Смерть Ермака
Иван Сусанин
Наталия Долгорукова
Державин
Воспоминания. Элегия
⟨На смерть сына⟩
«Я ль буду в роковое время…»
Стансы. (К А. Б⟨естуже⟩ву)
Элегия
К N. N.
К N. N
⟨Посвященье А. А. Бестужеву из поэмы «Войнаровский»⟩
Бестужеву
⟨Князю Е. П. Оболенскому⟩
А. С. Пушкин
И. И. Пущину

«Во глубине сибирских руд...»
Арион
Краткие сведения об авторах
Словарь устаревших слов
Краткий словарь мифологических имен

Аннотация

Среди декабристов было немало поэтов. Для одних творчество было высоким служением согражданам и государству, напоминанием об уроках прошлого и вечных истинах. Для других – исповедью, выражением сокровенных переживаний и мыслей, утешением в превратностях жизни. Наследие поэтов-декабристов богато и разнообразно – это не только гражданская, но и любовная, пейзажная, философская лирика.

В книгу включены сочинения поэтов-декабристов (К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, А. И. Одоевского и других), а также стихотворения А. С. Пушкина, посвященные декабристам. Большая часть этих произведений не переиздавалась более шестидесяти лет.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

«Для цели мы высокой созданы…»
Поэзия декабристов

© ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и РГАЛИ, 2025
© Государственный исторический музей, 2025
© Состав. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

А. А. Бестужев (Марлинский)

«Близ стана юноша прекрасный…»

Близ стана юноша прекрасный
Стоял, склонившись над рекой,
На воды взор вперивши ясный,
На лук опершися стальной.

Его волнистыми власами
Вечерний ветерок играл,
Свет солнца с запада лучами
В щите багряном погасал.

Он пел: «Вы, ветерки, летите
К странам отцов, к драгой моей,
Что верен был всегда, скажите,
Отчизне, славе, чести, ей.

Отечество и образ милой
В боях меня воспламенят,
Они своей чудесной силой
Мне в грудь геройства дух вселят.

Когда ж венец побед лавровый
Повергну я к стопам драгим,

Любовь мне будет славой новой,
Блаженство, коль еще любим.

Но, может, завтра ж роковая
Меня в сраженьи ждет стрела,
Паду и сам, других сражая,
Во прах на мертвые тела.

Тогда вы, ветерки, летите
К любезной сердцу с вестью сей,
Что за отчизну пал, скажите,
Для славы, для драгой моей».

Умолк! Лишь лука тетивою
Вечерний ветерок звучал,
И уж над станом и рекою
Луны печальный свет блистал.

До 1818(?)

Саатырь[1]
(Якутская баллада)

Не ветер вздыхает в ущелье горы,
Не камень слезится росою —
То плачет якут до полночной поры,
Склонясь над женой молодою.
Уж пятую зорю томится она,
Любви и веселья подруга,
Без капли воды, без целебного сна
На жаркой постели недуга;
С румянцем ланит луч надежды погас,
Как ворон, над нею – погибели час.

Умолкните, чар и моления вой
И бубнов плачевные звуки![2]
С одра Саатырь поднялась головой,

---

[1] Примечания: 1

Содержание этой баллады взято из якутской сказки. *Саатырь* — значит «игривая». *(Примеч. А. А. Бестужева.)*

[2] Примечания: 2

Якуты до сих пор не кинули обычая при болезнях призывать шаманов, которые гаданья, леченья и мольбы свои сопровождают воплями и звуками бубна *(дюгюрь). (Примеч. А. А. Бестужева.)*

Простерла поблеклые руки;
И так, как под снегом роптанье ручья,
Как звон колокольчика дальный[3],
Струится по воздуху голос ея.
Внемлите вы речи прощальной.
Священ для живых передсмертный завет:
У гробных дверей лицемерия нет!

«О други! Уйдет ли журавль от орла?
От пуль – быстроногие козы?
Коль смертная тень мне на сердце легла,
Прильют ли дыхания слезы?
О муж мой! Не плачь: нам судьба изрекла
И в браке разлучную долю.
По воле твоей я доселе жила,
Исполни теперь мою волю:
Покой и завет нерушимо храня,
На горном холме схорони ты меня!

---

[3] Примечания: 3

Якутские узды нередко увешиваются позвонками. *(Примеч. А. А. Бестужева.)*

Не вешай мой гроб на лесной вышине[4]
Духам, непогодам забавой;
В родимой земле рой могилу ты мне
И кровлей замкни величавой.
Вот слово еще, роковое оно:
Едва я дышать перестану,
Сей перстень возьми и ступи в стремено:
Отдай его князь Буйдукану.
Разгадки ж к тому не желай, не следи —
Тайна эта в моей погребется груди!..»

И смерть осенила больную крылом,
Сомкнулись тяжелые вежды;
Казалось, она забывается сном
В объятиях сладкой надежды;
С дыханием уст замирали слова,
И жизнь улетела со звуком;
Отринув стрелу, так звенит тетива,
Могучим расторгнута луком.

---

[4] Примечания: 4

В старину они вешали гробы свои на деревьях или ставили их на подрубленных пнях. *(Примеч. А. А. Бестужева.)*

Родных поразил изумляющий страх…
На сердце тоска, и слеза на очах.

Убрали. Поднизки подобием струй
Текут на богатые шубы[5].
Но грусти печать – от родных поцелуй
Не сходит на бледные губы[6];
Лишь смело к одру подходил Буйдукан
Один, и стопою незыбкой;
Он обнял ее, не смущен и румян,
И вышел с надменной улыбкой.
И чудилось им – Саатыри чело,
Как северным блеском, на миг рассвело!..

Наутро, где Лена меж башнями гор
Течет под завесой туманов
И ветер, будя истлевающий бор,

---

[5] Примечания: 5

Серебряные украшения женские, сделанные довольно искусно из цепочек и пластинок, весьма широких. *(Примеч. А. А. Бестужева.)*

[6] Примечания: 6

Якуты боятся прикосновения к мертвым. *(Примеч. А. А. Бестужева.)*

Качает гробами шаманов[7],
При клике родных Саатырь принесли
В красивой колоде кедровой[8],
И тихо разверстое лоно земли
Сомкнулось над жертвою новой.
И девы и жены, и старый и млад
В улус потекли, озираясь назад.

Вскипели котлы, задымилася кровь
Коней, украшения стада,
И брызжет кумыс от широких краев,
Он – счастья и горя услада;
И шумно кругом, упоенья кумир,
Аях пробегает бездонный[9]*;*
Уж вянет заря. Поминательный пир

---

[7] Примечания: 7

Шаманы более прочих пользовались правом воздушного погребения. Еще и теперь в диких местах можно видеть гробы их. *(Примеч. А. А. Бестужева.)*

[8] Примечания: 8

Колода, пустая в середине и расколотая пополам, — якутский гроб. *(Примеч. А. А. Бестужева.)*

[9] Примечания: 9

Аях — огромный деревянный кубок; в него входит ведра полтора, но я видел удальцов, которые осушали его сразу. Прожорство якутов на праздниках *(исых)* невероятно: в моих глазах один из них выпил 30 фунтов растопленного масла. *(Примеч. А. А. Бестужева.)*

Затих. У чувала[10] *склоненный*
Круг сонных гостей возлежит недвижим,
Лишь в юрте, синея, волнуется дым.

Осыпаны кудри цветных тальников
Росинками ночи осенней,
И вышита зелень холмов и лугов
Узором изменчивых теней;
Вот месяц над теменем сумрачных скал
Вспрянул кабаргой златорогой,
И луч одинокий по Лене упал
Виденьям блестящей дорогой:
По мхам, по тропам заповедных полян
Мелькают они сквозь прозрачный туман.

Что крикнул испуганный вран на скале,
Блюститель безмолвия ночи?
Что искрами сыплют и меркнут во мгле

---

[10] Примечания: 10

Чувал — камин, очаг, он стоит посредине юрты, спинкою ко входу. Якуты не знают иных печей. *(Примеч. А. А. Бестужева.)*

Огнистые филина очи?
Не адский ли по лесу рыщет ездок
Заглохшей шаманскою тропкой?
Как бубен звуча, отражаемый скок
Гудит по окрестности робкой…
Вот кто-то примчался – он бледен лицом,
Как идол, стоит на холме гробовом.

И прянул на землю; удар топора
Раздвинул затвор над могилой,
И молвит он мертвой: «Подруга, пора!
Жених дожидается милой!
Воскресни для новых веселия дней,
Для жизни и счастия. Кони
Умчат нас далеко, и ветер степей
Завеет следы от погони.
Притворной кончиною вольная вновь,
Со мной ты найдешь и покой, и любовь».

«Ты ль это? О милый! о князь Буйдукан!
Как вечно казалось мне время!
Как душно и страшно мне было! Обман

На сердце налег, будто бремя!..
Роса мне катилась слезами родных,
На ветре – их стон безотрадный!
И черви наместо перстней золотых
Вились – и так смело, так жадно!..
Вся кровь моя стынет… А близок ли путь?
О милый, согрей мне в объятиях грудь!»

И вот поцелуев таинственный звук
Под кровом могильной святыни,
И сладкие речи… Но вдруг и вокруг
Слетелися духи пустыни,
И трупы шаманов свились в хоровод,
Ударили в бубны и в чаши…[11]
Внимая, трепещут любовники. Вот
Им вопят: «Вы наши, вы наши!
Не выдаст могила схороненный клад;
Преступников духи карают, казнят!»

---

[11] Примечания: 11

Суеверия всех народов сходны. Якуты верят, что колдуны их покидают ночью гробы свои, пляшут, бьют в бубны, стараются вредить живым и тому подобное. *(Примеч. А. А. Бестужева.)*

И падают звезды, и прыщет огонь…
Испуганный адскою ловлей,
Храпит и кидается бешеный конь
На кровлю – и рухнула кровля!
Вдали огласился раздавленных стон…
Погибли. Но тень Саатыри
Доныне пугает изменчивых жен
По тундрам Восточной Сибири.
И ловчий, когда разливается тьма,
В боязни бежит рокового холма…

1828
Якутск

⟨Надпись над могилой Михалевых в Якутском монастыре⟩

Неумолимая, холодная могила
Здесь седины отца и сына цвет сокрыла.
Один под вечер дней, другой в полудни лет
К пределам вечности нашли незримый след.
Счастливцы! Здесь и там не знали вы разлуки,
Не знали пережить родных тяжелой муки.
Любовью родственной горевшие сердца
Покой вкусили вдруг для общего венца.
Мы плачем; но вдали утешный голос веет.
Под горестной слезой зерно спасенья зреет,
И все мы свидимся в объятиях Творца.

1828
Якутск

Череп

Was grinsest du mir, hohler Schädel, her?
Als dass dein Hirn, wie meines, einst verwirret
Den leichten Tag gesucht und in der Dämmrung schwer,
Mit Lust nach Wahrheit, jämmerlich geirret.
***Goethe's Faust*[12]**

Кончины памятник безгробной!

Скиталец-череп, возвести:

В отраду ль сердцу ты повержен на пути

Или уму загадкой злобной?

Не ты ли – мост, не ты ли – первый след

По океану правды зыбкой?

Привет ли мне иль горестный завет

---

[12] Примечания: 12

Что скалишь зубы на меня, пустой череп? Не хочешь ли сказать, что некогда твой мозг, подобно моему, в смятении искал радостных дней и в тяжких сумерках, жадно стремясь к истине, печально заблуждался? «Фауст» Гёте *(нем.).*

Мерцает под твоей ужасною улыбкой?

Где утаен твой заповедный ключ,
Замок бессмертных дум и тленья?
В тебе угас ответный луч,
Окрест меня туман сомненья.

Ты жизнию кипел, как праздничный фиал,
Теперь лежишь разбитой урной;
Венок мышления увял,
И прах ума развеял вихорь бурный!

Здесь думы в творческой тиши
Роилися, как звезды в поднебесной.
И молния страстей сверкала из души,
И радуга фантазии прелестной.

Здесь нежный слух вкушал воздушный пир,
Восхи́щен звуков стройным хором;
Здесь отражался пышный мир,
Бездонным поглощенный взором.

Где ж знак твоих божественных страстей,

И сил, и замыслов, грань мира облетевших?

Здесь только след презрительных червей,

Храм запустения презревших!

Где ж доблести? Отдай мне гроба дань,

Познаний светлых темный вестник!

Ты ль бытия таинственная грань?

Иль дух мой – вечности ровесник?

Молчишь! Но мысль, как вдохновенный сон,

Летает над своей покинутой отчизной,

И путник, в грустное мечтанье погружен,

Дарит тебя земле мирительною тризной.

1828

Юность
(Подражание Гёте)

Реют ласточки весною
По долам и по водам;
Так мечтанья за мечтою
Вдаль и вкруг, и там и сям;
Новость манит в испытанье,
Сердце ноет взором дев;
Грусть для юноши – питанье,
Слезы – счастия припев.

1828

Финляндия
(А. А. З⟨акревско⟩му)

Я видел вас, граниты вековые,
Финляндии угрюмое чело,
Где юное творение впервые
Нетленною развалиной взошло.
Стряхнув с рамен балтические воды,
Возникли вы, как остовы природы!

Там рыщет волк, от глада свирепея,
На черепе там коршун точит клёв,
Печальный мох мерцает следом змея,
Трепещет ель пролетом облаков;
Туманы там – утесов неизменней
И дышат век прохладою осенней.

Не смущены долины жизни шумом;
Истлением седеет дальний бор;
Уснула тень в величии угрюмом
На зеркале незыблемых озер;
И с крутизны в пустынные заливы,
Как радуги, бегут ключи игривы.

Там силой вод пробитые громады
Задвинули порогом пенный ад,
И в бездну их крутятся водопады,
Гремучие, как воющий набат;
Им вторит гул, жилец пещеры дальней,
Как тяжкий млат по адской наковальне.

Я видел вас! Бушующее море
Вздымалося в губительный потоп
И, мощное в неодолимом споре,
Дробилося о крепость ваших стоп;
Вам жаркие и влажные перуны
Нарезали чуть видимые руны.

Я понял их: на западе сияло
Светило дня, златя ступени скал,
И океан, как вечности зерцало,
Его огнем живительным пылал,
И древних гор заветные скрижали
Мне дивные пророчества роптали!

16 января 1829

Тост

Вам, семейство милых братий,
Вам, созвездие друзей,
Жар приветственных объятий
И цветы моих речей!
Вы со мной – и лед сомненья
Растопил отрадный луч,
И невольно песнопенья
Из души пробился ключ!
В благовонном дыме трубок,
Как звезда, несется кубок,
Влажной искрою горя
Жемчуга и янтаря;
В нем, играя и светлея,
Дышит пламень Прометея,
Как бессмертия заря!
Раздавайся ж, клик заздравный,
Благоденствие, живи
На Руси перводержавной,
В лоне правды и любви!

И слезами винограда
Из чистейшего сребра
Да прольется ей услада
Просвещенья и добра!
Гряньте в чашу звонкой чашей.
Небу взор и другу длань,
Вознесем беседы нашей
Умилительную дань!
Да не будет чужестранцем
Между нами бог ланит,
И улыбкой, и румянцем
Нас здоровье озарит;
И предмет всемирной ловли,
Счастье резвое, тайком
Да слетит на наши кровли
Сизокрылым голубком!
Чтоб мы грозные печали
Незаметно промечтали,
Возбуждаемы порой,
На веселье и покой!
Да из нас пылает каждый,
Упитав наукой ум,

Вдохновительною жаждой
Правых дел и светлых дум,
Вечно страху неприступен,
Вечно златом неподкупен,
Безответно горделив
На прельстительный призыв!
Да украсят наши сабли
Эту молнию побед,
Крови пламенные капли
И боев зубчатый след!
Но, подобно чаше пирной
В свежих розанах венца,
Будут искренностью мирной
Наши повиты сердца!
И в сердцах – восторга искры,
Умиления слеза,
И на доблесть чувства быстры,
И порочному – гроза!
Пусть любви могучий гений
Даст нам радости цветы
И перуны вдохновений
В поцелуе красоты!

Пусть он будет, вестник рая,
Нашей молодости брат,
В пламень жизни подливая
Свой бесценный аромат,
Чтобы с нектаром забвенья
В тихий час отдохновенья
Позабыть у милых ног
Меч, и кубок, и венок.

Февраль 1829

В день именин
Ал. Ив. М…й

Невольный гость в краю чужбины,
Забывший свет, забывший лесть,
Желал бы вам на именины
Цветов прелестнейших поднесть:
Они – дыханию услада,
Они – веселие очей.
При них бы мне писать не надо
Вам поздравительных речей:
Желанье счастья без печали
В цветах вы сами б угадали…
Но ах! – якутская весна
Не зелена и не красна!
И здешний май, холодный, дикой,
Одной подснежною брусникой,
А не жасминами богат.
Природа спит, и в поле целом
Я разжился одним пострелом,
А я слыхал, такой наряд

На именины не дарят.
Итак, по воле и неволе
Пришлось приняться за перо,
Хоть я забыл в угрюмой доле
Писать забавно и пестро.
Примите ж это благосклонно,
И в шуме праздничного дня
Не осудите вы меня
За мой привет простой и сонный.
В нем правда – каждая черта;
Притом же ваша доброта
По слуху, по сердцу и дома
И вчуже страннику знакома…
Когда про наши все грехи
Едва не пели петухи,
Когда решил собор соседов,
Что мы опасны, как чума,
Что мы без сердца, без ума,
Вы очень смирных людоедов
И обласкали, и нашли
В изгнанниках родной земли.
В краю зимы и дружбы зимной

Поверьте, только вы одне,
Ваш разговор гостеприимный
Напоминал друзьям и мне
О незабвенной стороне.
О, будь же добродетель та же
И с нею брат ее – покой,
Как неизменный часовой,
У сердца вашего на страже.
Да никогда печали тень
Не хмурит тихий свет забавы,
И, проводив веселый день,
Поутру встанете вы здравы…
Да будут ясны ваши сны,
Как небо южныя весны,
И необманчивы надежды,
И перед вами все невежды
По крайней мере хоть скромны;
Совет подруги чист и верен,
Знакомых круг нелицемерен,
Неутомителен бостон,
Ни бальных скрипок рев и стон!
Когда ж на берега великой,

На берега моей Невы,
Покинув край морозов дикой,
Стрелою полетите вы,
Да встретят путницу родные,
Беспечной юности друзья,
И все по сердцу не чужие,
И вся родимая семья
Благополучны и здоровы,
И пылки, и разлукой новы,
И смех, и радость, и расспрос,
И сладкий дождь свиданья слез!!
Зачем же, искра упованья —
Дожить до сладкого свиданья, —
В груди моей погасла ты!
Но я ступил из-за черты
Сорокаверстного посланья.
И мне, и вам унять пора
Болтливость моего пера,
Но знайте: это все с начала
По пунктам истина скрепляла,
Хоть неподкупна и строга;
Тут не сплетал из лести кружев

Ваш всепокорнейший слуга
Пустынник Александр Бестужев.

18 мая 1829
Якутск

Е. И. Б⟨улгари⟩ной
(В альбом)

Зачем меня в тяжелом сне
Тревожат лестные веленья?
Нет, не поминок обо мне,
Я жажду струй самозабвенья!
Мое любимое давно
Во прахе лет погребено.
Минувших дней змеиный свиток
Хранит лишь дней моих избыток
И радостей, которых нет,
Неизменимо-хладный след.
Зачем, зачем же вы желали
Мне сердце пробудить опять,
В свои летучие скрижали
Мою кручину записать?
Зачем? Вам будут непонятны
Страстей мятежных письмена,
И воли грозная волна,
И прихоть думы коловратной,

Которой сила, как стрела,
Сквозь ад и небо протекла.

Но дайте года два терпенья,
И, может быть, как важный гусь,
И я по озеру смиренья
Бесстрастно плавать научусь.
Когда с порой мечтанья минет
Вся поэтическая дурь
И на душе моей застынет
Кипучий след минувших бурь,
Тогда, поэт благоразумный,
Беспечно сидя на мели,
Я налюбуюсь издали
На треволненье жизни шумной;
Тогда премилый ваш альбом
Я испещрю своим пером.
И опишу отменно точно,
Что я случайно иль нарочно
Изведал на своем веку:
Печалей терны, счастья розы,
Разлуки знойную тоску,
И неги сладостные слезы,

И свод небес, и ропот струй,
И вечно первый поцелуй.
Тогда, покорен вашей воле,
На арзерумского пашу
В пятнадцать песен, даже боле,
Я эпопею напишу.
Зато позвольте мне дотоле,
Скрепив измученную грудь,
От рифм и горя отдохнуть.

1829

Часы

И дум, и дел земных цари,
Часы, ваш лик сияет страшен,
В короне пламенной зари,
На высоте могучих башен,
И взор блюстительный в меди́
Горит, неотразимо верный,
И сердце времени в бесчувственной груди
Чуть зыблется приливом силы мерной.
Оживлены чугунною стрелой
На вас таинственные роки,
И оглашает вещий бой
Земле небесные уроки.
Но блеск, но голос ваш для ветреных племен
Звучит и озаряет даром
Подобно молнии неведомых письмен,

Начертанных пред Валтасаром[13].
«Летучее мгновение лови, —
Поет любимцу голос лести, —
В нем золото и ароматы чести,
Последний пир, свидания любви
И наслажденья тайной мести».
И в думе нет, что упований прах
Дыханье времени уносит,
Что каждый маятника взмах
Цветы неверной жизни косит.
Заботно времени шаги считает он
И бой, к веселию призывный;
Еще не смолк металла звон,
А где же ты, мечты поклонник дивный
Окован ли безбрежный океан
Венцом валов – минутной пеной?

---

[13] Примечания: 13

По библейскому рассказу, царь Валтасар устроил пир и приказал всем гостям пить из священных сосудов, похищенных из Иерусалимского храма. Во время пира на стене дворца появились слова «Мене мене текел фарес», написанные таинственной рукой. Объяснить их значение смог только пророк Даниил: «Мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; Текел — ты взвешен на весах и найден очень легким; Фарес — разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5: 26–28). В ту же ночь Валтасар был убит, а Вавилон, захваченный персами, пал. *(Примеч. ред.)*

Детям ли дней дался победный сан
Над волей века неизменной?
Безумен клик «хочу – могу».
Вознес Наполеон строптивую десницу,
Сдержать мечтая на бегу
Стремимую веками колесницу…
Она промчалась! Где ж твой меч,
Где прах твой, полубог гордыни?
Твоя молва – оркан пустыни,
Твой след – поля напрасных сеч.
Возникли светлые народов поколенья
И внемлют о тебе сомнительную речь
С улыбкой хладного презренья.

1829

Сон

Зачем зарницею без гула
Исчезла ты, любви пора,
И птичкой юность упорхнула
В невозвратимое «вчера»?
Давно ль на юношу, давно ли,
Обетом счастия горя,
Цветами радости и воли
Дождила светлая заря?
Давно ль с родимого порога
Сманила жизнь на пышный пир
И, как безгранная дорога,
Передо мной открылся мир?
И случай, преклоняя темя,
Держал мне золотое стремя,
И, гордо бросив повода,
Я поскакал туда, туда!..
Летим – сорвал бразды шелковы
Неукротимый конь судьбы,
И брызжут пламенем подковы,

Гремя о плиты и гробы.
Я обезумел, воздух свищет —
Все вдаль и вдаль, надежда прочь.
И вот на нас упала ночь,
И под скалою бездна прыщет,
Над головой расшибся гром,
И конь, и всадник, прянув с края,
Кусты и глыбы отрывая,
В пучину ринулись кольцом.
Замлело сердце! Вихрь кончины
Мне обуял и взор, и ум.
Раздавлен на брегу пучины,
Едва я слышу рев и шум.
Вот набегают грозно, жадно
За валом вал наперерыв;
Уж мой отчаянный призыв
Стихает, залит пеной хладной…
И вдруг с утеса на утес,
Как зверь, поток меня понес.
. . . . . .
Очнулся я от страшной грезы,
Но все душа тоски полна,

И мнилось, гнут меня железы
К веслу убогого челна.
Вдаль отуманенным потоком
Меж сокрушающихся льдин,
Заботно озираясь оком,
Плыву я грустен и один.
На чуждом небе тьма ночная;
Как сон, бежит далекий брег,
И, шуму жизни чуть внимая,
Стремлю туда невольный бег,
Где вечен лед, и вечны тучи,
И вечносеемая мгла,
Где жизнь, зачахнув, умерла
Среди пустынь и тундр зыбучих,
Где небо, степь и лоно вод
В безрадостный слияны свод,
Где в пустоте блуждают взоры
И даже нет стопе опоры!
Плыву. На тихом сердце хлад,
Дремотой лени тяжки вежды,
И звезды искрами надежды
В угрюмом небе не горят.

Забвенья ток меня лелеет,
Мечта уснула над веслом,
И время в тихий парус веет
Своим мирительным крылом.
Все мертво у меня кругом…
И близко бездна океана
Белеет саваном тумана.

1829

К облаку

Куда столь быстро и легко,
И гордо, и прелестно
Ты пролетаешь, облачко,
Скиталец поднебесный?

Земли бездомное дитя,
Игралище погоды,
Напрасно, радугой блестя,
Ты, радостью природы!

Завоет вихрь, взметая прах, —
И ты из лона звездна
Дождем растаешь на степях
Бесславно, бесполезно!..

Блести, лети на ветерке
Подобно нашей доле —
И я погибну вдалеке
От родины и воли!

1829
Якутск

Дождь

Провиденья перст незримый,
Облаков летучих вождь,
Ниве, жаждою томимой,
Посылает шумный дождь.
Звучно, благостью обильный,
Брызнул ток живой воды,
Освежая злаки пыльны
И замершие плоды.
Вот и радуга завета
Капли светлые зажгла:
То улыбка бога света —
Сень бессмертного чела.

1829

Оживление

Чуть крылатая весна
Радостью повеет,
Оживает старина,
Сердце молодеет;
Присмирелые мечты
Рвут долой оковы,
Словно юные цветы
Рядятся в обновы,
И любви златые сны,
Осеняя вежды,
Вновь и вновь озарены
Радугой надежды.

1829

«Еще ко гробу шаг – и, может быть, порой…»

Еще ко гробу шаг – и, может быть, порой,
Под кровом лар родных, увидя сии строки,
Ты с мыслью обо мне воспомнишь край далекий,
Где, брошен жизни сей бушующей волной,
Ты взора не сводил с звезды своей вожатой
И средь пустынь нагих, презревши бури стон,
Любви и истины искал святой закон
И в мир гармонии парил мечтой крылатой.

1829

Шебутуй
(Водопад Станового хребта)

Стенай, шуми, поток пустынный,
Неизмеримый Шебутуй,
Сверкай от высоты стремнинной
И кудри пенные волнуй!

Туманы, тучи и метели
На лоне тающих громад,
В гранитной зыбля колыбели,
Тебя перунами поят.

Но, пробужденный, ты, затворы
Льдяных пелен преодолев,
Играя, скачешь с гор на горы,
Как на ловитве юный лев.

Как летопад из вечной урны,
Как неба звездомлечный путь,
Ты низвергаешь волны бурны
На халцедоновую грудь;

И над тобой краса природы,

Блестя, как райской птицы хвост,
Склоняет радужные своды
Полувоздушных перлов мост.

Орел на громовой дороге
Купает в радуге крыле,
И серна, преклоняя роги,
Глядится в зеркальной скале.

А ты, клубя волною шибкой,
Потока юности быстрей,
То блещешь солнечной улыбкой,
То меркнешь грустию теней.

Катись под роковою силой,
Неукротимый Шебутуй!
Твое роптанье – голос милой;
Твой ливень – братний поцелуй!

Когда громам твоим внимаю
И в кудри льется брызгов пыль —
Невольно я припоминаю
Свою таинственную быль…

Тебе подобно, гордый, шумный,
От высоты родимых скал

Влекомый страстию безумной,
Я в бездну гибели упал!

Зачем же моего паденья,
Как твоего паденья дым,
Дуга небесного прощенья
Не озарит лучом своим!

О жребий! Если в этой жизни
Не знать мне радости венца —
Хоть поздней памятью обрызни
Могилу тихую певца.

Май 1829

Осень

Пал туман на море синее,
Листопада первенéц,
И горит в алмазах инея
Гор безлиственный венец.

Тяжко ходят волны хладные,
Буйно ветр шумит крылом.
Только вьются чайки жадные
На помории пустом.

Только блещет за туманами,
Как созвездие морей,
Над сыпучими полянами
Стая поздних лебедей.

Только с хищностью упорною
Их медлительный отлет
Над твердынею подзорною
Дикий беркут стережет.

Все безжизненно, безрадостно
В померкающей дали,

Но страдальцу как-то сладостно
Увядание земли.

Как осеннее дыхание
Красоту с ее чела,
Так с души моей сияние
Длань судьбины сорвала.

В полдень сумраки вечерние —
Взору томному покой,
Общей грустью тупит терние
Память родины святой!

Вей же песней усыпительной,
Перелетная метель,
Хлад забвения мирительный
Сердца тлеющего цель!

Между мною и любимого
Безнадежное «прости!»
Не призвать невозвратимого,
Дважды сердцу не цвести.

Хоть порой улыбка нежная
Озарит мои черты,
Это – радуга наснежная

На могильные цветы!

⟨***1831***⟩
Дагестан

Приписка к богатому надгробию в бедности умершего поэта

Не спас от нищеты полет орлиных крыл,
Ни песней дар, ни сердца пламень!
Жестокие! У вас он хлеба лишь просил,
Вы дали – камень.

⟨***1831***⟩

«Я за морем синим, за синею далью...»

Я за морем синим, за синею далью
Сердце свое схоронил.
Я тоской о былом ледовитой печалью,
Словно двойной нерушимою сталью,
Грудь от людей заградил.

И крепок мой сон. Не разбит, не расколот
Щит мой. Но во мраке ночей
Мнится порой, расступился мой холод,
И снова я ожил, и снова я молод
Взглядом прелестных очей.

1834

Адлерская песня
(На голос «Как по камешкам чиста реченька течет...»)

Плывет по морю стена кораблей,
Словно стадо лебедей, лебедей.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Словно стадо лебедей, лебедей.

Волны по морю кипят и шумят,
Меж собою таку речь говорят —
Ай, жги, жги, жги, говори —
Меж собою таку речь говорят:

«Уж зачем это наши корабли,
Как щетиною, штыками поросли?
Ай, жги, жги, жги, говори,
Как щетиною, штыками поросли?

Уж не будет ли турецкая кровь
Нас румянить по-старому вновь?
Ай, жги, жги, жги, говори,
Нас румянить по-старому вновь?»

Тучи по небу летят и шумят,
Меж собой они речь говорят —
Ай, жги, жги, жги, говори —
Меж собой они речь говорят:

«Для чего полны солдат корабли,
У орудий курятся фитили?
Ай, жги, жги, жги, говори,
У орудий курятся фитили?

Уж недаром слетаются орлы,
Как на пир, на черкесские скалы.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Как на пир, на черкесские скалы».

Паруса надуваются, шумят,
Что на палубах солдатушки сидят.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Что на палубах солдатушки сидят.

Им ефрейторы делают наряд,
Усачи молодым говорят —
Ай, жги, жги, жги, говори —
Усачи молодым говорят:

«Ей вы, гой еси кавказцы-молодцы,

Удальцы, государевы стрельцы!
Ай, жги, жги, жги, говори,
Удальцы, государевы стрельцы!

Посмотрите, Адлер-мыс недалеко,
Нам его забрать славно и легко.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Нам его забрать славно и легко.

Каждый гоголем встряхнись, встрепенись,
Осмотри ружье да в шлюпочки садись.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Осмотри ружье да в шлюпочки садись.

С кораблей врагам пару поддадут,
Через головы там ядра заревут.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Через головы там ядра заревут.

А чуть на мель, мы вперед, усачи,
Сумы в зубы, в воду по пояс скачи!
Ай, жги, жги, жги, говори,
Сумы в зубы, в воду по пояс скачи!

Вражьих пуль не считай, не зевай,

Мигом стройся да команды ожидай.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Мигом стройся да команды ожидай.

И придет вам потешиться пора —
Дрогнет Адлер от солдатского ура.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Дрогнет Адлер от солдатского ура.

Беглым шагом на завал, на завал,
Тому честь и крест, кто прежде добежал.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Тому честь и крест, кто прежде добежал.

В рукопашную пали и коли,
И вали, и усами шевели.
Ай, жги, жги, жги, говори,
И вали, и усами шевели.

Нам похвально, гренадеры, егеря,
Молодцами умирать за царя.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Молодцами умирать за царя.

Нам не диво, гренадеры, егеря,
Пить победную чару за царя.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Пить победную чару за царя».

5 июня 1837
На 44-пушечном фрегате «Анна»

А. И. Одоевский

Луна

Встал ветер с запада; седыми облаками
Покрыл небес потухший океан.
Сквозь тонкий видишь ли туман,
Как, увлекаемый волнами,
Челнок летает золотой?
Вот он исчез… блеснул… вот скрылся за волной,
Вот снова он и выплыл, и сияет,
И ангел светлых звезд кормилом управляет.

1824
Стрельна

Бал

Открылся бал. Кружась, летели
Четы младые за четой;
Одежды роскошью блестели,
А лица – свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся,
И, жаркую склоня главу,
К окну в раздумье прислонился,
И загляделся на Неву.
Она покоилась, дремала
В своих гранитных берегах,
И в тихих, сребряных водах
Луна, купаясь, трепетала.
Стоял я долго. Зал гремел…
Вдруг без размера полетел
За звуком звук. Я оглянулся,
Вперил глаза – весь содрогнулся,
Мороз по телу пробежал.
Свет меркнул… Весь огромный зал
Был полон остовов… Четами

Сплетясь, толпясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по полу стуча,
Они зал быстро облетали.
Лиц прелесть, станов красота —
С костей их все покровы спали.
Одно осталось: их уста,
Как прежде, всё еще смеялись;
Но одинаков был у всех
Широких уст безгласный смех.
Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались…
Плясало сборище костей.

1825

Воскресенье

Пробила полночь… Грянул гром,
И грохот радостный раздался;
От звона воздух колебался,
От пушек, в сумраке ночном,
По небу зарева бежали
И, разлетаясь во тьме,
Меня, забытого в тюрьме,
Багровым светом освещали.
Я, на коленях стоя, пел;
С любовью к небесам свободный взор летел…
И серафимов тьмы внезапно запылали
В надзвездной вышине;
Их песни слышалися мне.
С их гласом все миры гармонию сливали,
Средь горних сил Спаситель наш стоял,
И день, блестящий день сиял
Над сумраками ночи;

Стоял он радостный средь волн небесных сил

И полные любви, божественные очи

На мир спасенный низводил.

И славу Вышнего, и на земле спасенье

Я тихим гласом воспевал,

И мой, мой также глас к Воскресшему взлетал:

Из гроба пел я воскресенье.

18 апреля 1826
Петропавловская крепость

Утро

Рассвело, щебечут птицы
Под окном моей темницы;
Как на воле любо им!
Пред тюрьмой поют, порхают,
Ясный воздух рассекают
Резвым крылышком своим.
Птицы! Как вам петь не стыдно,
Вы смеетесь надо мной.
Ах! теперь мне все завидно,
Даже то завидно мне,
Что и снег на сей стене,
Застилая камень мшистый,
Не совсем его покрыл.
Кто ж меня всего зарыл?
Выду ли на воздух чистый —
Я, как дышат им, забыл.

Начало 1826(?)

«Что мы, о Боже? В дом небесный…»

Что мы, о Боже? В дом небесный,
Где сын твой ждет земных гостей,
Ты нас ведешь дорогой тесной,
Путем томительных скорбей,
Сквозь огнь несбыточных желаний!
Мы все приемлем час страданий
Как испытание твое;
Но для чего, о бесконечный!
Вложил ты мысль разлуки вечной
В одноночно́е бытие?

1826

Сон поэта

Таится звук в безмолвной лире,
Как искра в темных облаках;
И песнь, незнаемую в мире,
Я вылью в огненных словах.
В темнице есть певец народный.
Но – не поет для суеты:
Срывает он душой свободной
Небес бессмертные цветы;
Но, похвалой не обольщенный,
Не ищет раннего венца.
Почтите сон его священный,
Как пред борьбою сон борца.

⟨***1826–1827***⟩

Умирающий художник

Все впечатленья в звук и цвет
И слово стройное теснились,
И музы юношей гордились
И говорили: «Он поэт!..»
Но нет, – едва лучи денницы
Моей коснулися зеницы —
И свет во взорах потемнел;
Плод жизни свеян недоспелый!
Нет! Снов небесных кистью смелой
Одушевить я не успел;
Глас песни, мною недопетой,
Недозвучит в земных струнах,
И я – в нетление одетый —
Ее дослышу в небесах.
Но на земле, где в чистый пламень
Огня души я не излил,
Я умер весь… И грубый камень,
Обычный кров немых могил,
На череп мой остывший ляжет

И соплеменнику не скажет,
Что рано выпала из рук
Едва настроенная лира,
И не успел я в стройный звук
Излить красу и стройность мира.

1828
Чита

«Струн вещих пламенные звуки…»

Струн вещих пламенные звуки[14]
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки
И – лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард! – цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,

---

[14] Примечания: 14

Ответ А. С. Пушкину на его послание «Во глубине сибирских руд…». *(Примеч. ред.)*

И радостно вздохнут народы!

⟨***1828–1829(?)***⟩

Последняя надежда

Промелькнул за годом год,
И за цепью дней минувших
Улетел надежд блеснувших
Лучезарный хоровод.
Лишь одна из дев воздушных
Запоздала. Сладкий взор,
Легкий шепот уст радушных,
Твой небесный разговор
Внятны мне. Тебе охотно
Я вверяюсь всей душой!
Тихо плавай надо мной,
Плавай, друг мой неотлетный!
Все исчезли. Ты одна
Наяву, во время сна
Навеваешь утешенье.
Ты в залог осталась мне,
Заверяя, что оне
Не случайное виденье,
Что приснятся и другим

И зажгут лучом своим
Дум высоких вдохновенье!

1829
Чита

Элегия на смерть А. С. Грибоедова

Где он? Кого о нем спросить?
Где дух? Где прах?.. В краю далеком!
О, дайте горьких слез потоком
Его могилу оросить,
Ее согреть моим дыханьем;
Я с ненасытимым страданьем
Вопьюсь очами в прах его,
Исполнюсь весь моей утратой
И горсть земли, с могилы взятой,
Прижму – как друга моего!
Как друга!.. Он смешался с нею,
И вся она родная мне.
Я там один с тоской моею,
В ненарушимой тишине,
Предамся всей порывной силе
Моей любви, любви святой,
И прирасту к его могиле,
Могилы памятник живой...

Но под иными небесами

Он и погиб, и погребен;
А я – в темнице! Из-за стен
Напрасно рвуся я мечтами:
Они меня не унесут,
И капли слез с горячей вежды
К нему на дерн не упадут.
Я в узах был, но тень надежды
Взглянуть на взор его очей,
Взглянуть, сжать руку, звук речей
Услышать на одно мгновенье —
Живило грудь, как вдохновенье,
Восторгом полнило меня!
Не изменилось заточенье;
Но от надежд, как от огня,
Остались только – дым и тленье;
Они – мне огнь: уже давно
Всё жгут, к чему ни прикоснутся;
Что год, что день, то связи рвутся,
И мне, мне даже не дано
В темнице призраки лелеять,
Забыться миг веселым сном
И грусть сердечную развеять

Мечтанья радужным крылом.

1829
Чита

Кн. М. Н. Волконской

Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край, где розовых зарей
Луч радостный, на небе том рожденный,
Не услаждал страдальческих очей;
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кров светлый докучал,
И весь обзор, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывал.

Вдруг ангелы с лазури низлетели
С отрадою к страдальцам той страны,
Но прежде свой небесный дух одели
В прозрачные земные пелены.
И вестники благие провиденья
Явилися, как дочери земли,
И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесные уста
По капле им точили мед отрады…
С тех пор лились в темнице дни, лета;
В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

25 декабря 1829
Чита

Зосима
Новогородская святопись[15]

1

У Борецкой[16]*, у посадницы,*
Гости сходятся на пир.
Вот бояре новогóродские
Сели за дубовый стол,
Стол, накрытый браной скатертью.
Носят брашна; зашипя,
Поседело пиво черное;
Следом золотистый мед
Вон из кубков шумно просится.
Разгулялся пир как пир:
Очи светлые заискрились, —
По краям ли звонких чаш

---

[15] Примечания: 15

Сюжет стихотворения заимствован из жития преподобного Зосимы Соловецкого (? — 1478). *(Примеч. ред.)*

[16] Примечания: 16

Марфа Борецкая (Марфа-посадница) — жена новгородского посадника, в 1470-х гг. возглавившая сопротивление Новгорода Ивану III. *(Примеч. ред.)*

Ходит пена искрометная? —
На устах душа кипит
И теснится в слово красное.
Кто моложе – слова ждет,
А заводят речь – старейшие
Про святый Софии дом:
«Кто на Бога, кто на Новгород?» —
Речь бежала вдоль стола.
«Пусть идет на вольный Новгород
Вся могучая Москва:
Наших сил она отведает! —
Вече воями шумит
И горит заморским золотом. —
Крепки наши рамена,
А глава у нас – посадница,
Новогóродца жена.
Много лет вдове Борецкого!
Слава Марфе! Много лет
С нами жить тебе да здравствовать!»
Марфа, кланяясь гостям,
Целый пир обводит взором,
Все встают и отдают

Ей поклон с радушной важностью.
За столом сидел чернец.
Он, привстав, рукою медленной,
Цепенеющим перстом
На пирующих указывал,
Избирал их и бледнел.
Перстьми грозный остановится —
Побледнеет светлый гость.
Все уста горят вопросами,
Очи в инока впились;
Но в ответ чернец задумался
И склонил свое чело.

2

По народной Новгородской площади
Шел белец с монахом,
А на башне, заливаясь, колокол
Созывал на вече.
«Отчего, – спросил белец у инока, —
На пиру Борецкой
На бояр рукою ты указывал
И бледнел от страха?

Что, Зосима, видел ты за трапезой?»
У отца святого
Запылали очи, прорицанием
Излетело слово.

3

«Скоро их замолкнут ликованья,
Сменят пир иные пированья,
Пированья в их гробах.
Трупы видел я безглавые,
Топора следы кровавые
Мне виднелись на челах.
Колокол, на вече призывающий!
Я услышу гул твой умирающий,
Не воскреснет он в веках.
Поднялась Москва престольная,
И тебя, столица вольная,
Заметет развалин прах».

1829 или 1830(?)

«На грозном приступе, в пылу…»

На грозном приступе, в пылу кровавой битвы
Он нежной матери нигде не забывал;
Он имя сладкое сливал
Со словом искренней молитвы…
Опять увидеть взор очей,
Услышать радостные звуки,
Прижать к устам уста и руки
Любимой матери своей —
Вот были все его желанья.
Уже минули дни страданья!
Ее опять увидел он;
Но дни минутные свиданья,
Но их взаимно-сладкий сон
Едва приснился им… и снова
Из-под семейственного крова
Он в край восточный полетел;
Восторгом взор еще горел;
Еще от сладкого волненья

Вздымалась радостная грудь;
И, не докончив сновиденья,
Уже он кончил жизни путь…
Когда в последний час из уст теснился дух,
Он вспомнил с горестью глубокой
О нежной матери, об узнице далекой, —
И с третьим именем потух.

1830(?)

Два образа

Мне в ранней юности два образа предстали
И, вечно ясные, над сумрачным путем
Слились в созвездие, светились сквозь печали
И согревали дух живительным лучом.

Я возносился к ним с молитвой благодарной,
Следил их мирный свет и жаждал их огня,
И каждая черта красы их светозарной
Запала в душу мне и врезалась в меня.

Я мира не узнал в отливе их сиянья —
Казалось, предо мной открылся мир чудес;
Он их лучами цвел; и блеск всего созданья
Был отсвет образов, светивших мне с небес.

И жаждал я на всё пролить их вдохновенье,

Блестящий ими путь сквозь бури провести…

Я в море бросился, и бурное волненье

Пловца умчало вдаль по шумному пути.

Светились две звезды, я видел их сквозь тучи;

Я ими взор поил; но встал девятый вал,

На влажную главу подъял меня могучий,

Меня, недвижного, понес он и примчал, —

И с пеной выбросил в могильную пустыню…

Что шаг – то гроб, на жизнь – ответной жизни нет;

Но я еще хранил души моей святыню,

Заветных образов небесный огнь и свет!

Что искрилось в душе, что из души теснилось, —

Все было их огнем! их луч меня живил;
Но небо надо мной померкло и спустилось —
И пали две звезды на камни двух могил...

Они рассыпались! они смешались с прахом!
Где образы? Их нет! Я каждую черту
Ловлю, храню в душе и с нежностью и страхом,
Но не могу их слить в живую полноту.

Кто силу воскресит потухших впечатлений
И в образы сведет несвязные черты?
Ловлю все призраки летучих сновидений —
Но в них божественной не блещет красоты.

И только в памяти, как на плитах могилы,
Два имени горят! Когда я их прочту,
Как струны задрожат все жизненные силы

И вспомню я сквозь сон всю мира красоту!

1830(?)

«Недви́жимы, как мертвые в гробах...»

Недви́жимы, как мертвые в гробах,
Невольно мы в болезненных сердцах
Хороним чувств привычные порывы;
Но их объял еще не вечный сон,
Еще струна издаст бывалый звон,
Она дрожит – еще мы живы![17]

Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков
И вздрогнули в сердцах живые струны, —
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны!

И в ком оно от чувств не задрожит?
Вы слышите: на Висле брань кипит! —
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой

---

[17] Примечания: 17
Стихотворение, посвященное Польскому восстанию 1830–1831 гг., написано в годовщину казни декабристов. *(Примеч. ред.)*

Несчастных жертв, проливших луч святой

В спасенье русскому народу[18].

Мы братья их!.. Святые имена

Еще горят в душе: она полна

Их образов, и мыслей, и страданий.

В их имени таится чудный звук:

В нас будит он всю грусть минувших мук,

Всю цепь возвышенных мечтаний.

Нет! В нас еще не гаснут их мечты.

У нас в сердца их врезаны черты,

Как имена в надгробный камень.

Лишь вспыхнет огнь во глубине сердец,

Пять жертв встают пред нами; как венец,

Вкруг выи вьется синий пламень.

Сей огнь пожжет чело их палачей,

Когда пред суд властителя царей

И палачи и жертвы станут рядом…

---

[18] Примечания: 18

Во время Польского восстания 1830–1831 гг. в Варшаве отслужили торжественную панихиду по казненным декабристам. *(Примеч. ред.)*

Да судит Бог!.. А нас, мои друзья,
Пускай утешит мирная кутья
Своим таинственным обрядом.

13 июля 1831
Петровский завод

«По дороге столбовой...»

По дороге столбовой
Колокольчик заливается;
Что не парень удалой
Чистым снегом опушается?
Нет, а ласточка летит —
По дороге красна девица.
Мчатся кони... От копыт
Вьется легкая метелица.

Кроясь в пухе соболей,
Вся душою в даль уносится;
Из задумчивых очей
Капля слез за каплей просится:
Грустно ей... Родная мать
Тужит тугою сердечною;
Больно душу оторвать
От души разлукой вечною.

Сердцу горе суждено,
Сердце надвое не делится, —

Разрывается оно…
Дальний путь пред нею стелется.
Но зачем в степную даль
Свет-душа стремится взорами?
Ждет и там ее печаль
За железными затворами.

«С другом любо и в тюрьме! —
В думе мыслит красна девица. —
Свет он мне в могильной тьме…
Встань, неси меня, метелица!
Занеси в его тюрьму…
Пусть, как птичка домовитая,
Прилечу я – и к нему
Притаюсь, людьми забытая!»

Сентябрь 1831(?)
Петровский завод

«Что за кочевья чернеются...»

Что за кочевья чернеются
Средь пылающих огней? —
Идут под затворы молодцы
За святую Русь.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава!
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Дикие кони стреножены,
Дремлет дикий их пастух;
В юртах засыпая, узники
Видят Русь во сне.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава!
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Шепчут деревья над юртами,
Стража окликает страж, —

Вещий голос сонным слышится
С родины святой.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава!
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Зыблется, светом объятая,
Сосен цепь над рядом юрт.
Звезды светлы, как видения,
Под навесом юрт.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава!
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Спите, равнины угрюмые!
Вы забыли, как поют.
Пробудитесь! Песни вольные
Оглашают вас.
Славим нашу Русь, в неволе поем
Вольность святую.
Весело ляжем живые

В могилу за святую Русь.

1830

Сен-Бернар[19]

Во льдя́ных шлемах великаны
Стоят, теряясь в небесах,
И молний полные колчаны
Гремят на крепких раменах;
Туманы зыбкими грядами,
Как пояс, стан их облегли,
И расступилась грудь земли
Под их гранитными стопами.

Храните благодатный юг,
Соединясь в заветный полукруг,
Вы, чада пламени, о Альпы-исполины!
Храните вы из века в век
Источники вечно шумящих рек
И нежно-злачные Ломбардии долины.

---

[19] Примечания: 19

В стихотворении описывается переход через перевал Большой Сен-Бернар в Альпах тридцатитысячной армией Наполеона в 1800 г., предпринятый вскоре после Египетского похода и Переворота 18 брюмера. Переход завершился битвой при селении Маренго, в которой Наполеон одержал решительную победу над австрийскими войсками. *(Примеч. ред.)*

Кто мчится к Альпам? Кто летит
На огненном питомце Нила?
В очах покойных взор горит,
Души неодолимой сила!
В нем зреет новая борьба,
Грядущий ряд побед летучих;
И неизбежны, как судьба,
Решенья дум его могучих.

С коня сошел он. Чуя бой,
Воскликнул Сен-Бернар: «Кто мой покой
Нарушить смел?» Он рек – и шумная лавина
Ниспала и зарыла дол;
Протяжно вслед за гулом гул пошел,
И Альпы слили в гром глаголы исполина:

«Я узнаю тебя! Ты с нильских пирамид
Слетел ко мне, орел неутомимый!
Тебя, бессмертный вождь, мучительно томит
Победы глад неутолимый!

И имя, как самум на пламенных песках,

Шумящее губительной грозою,

Ты хочешь впечатлеть железною стопою

В моих нетающих снегах!

Нет, нет! Италии не уступлю без боя!» —

«Вперед!» – ответ могучий прозвучал…

Уже над безднами висит стезя героя,

И вверх по ребрам голых скал,

Где нет когтей следов, где гнезд не вьют орлицы,

Идут полки с доверьем за вождем;

Всходя, цепляются бесстрашных вереницы

И в медных жерлах взносят гром.

Мрачнеет Сен-Бернар; одеян бурной мглою,

Вдруг с треском рушится, то вновь стоит скалою;

Сто уст, сто бездн раскрыв со всех сторон,

Всем мразом смерти дышит он.
«Вперед!» – воскликнул вождь. «Вперед!» – промчались клики.

Редеет мгла, и небо рассвело…
И гордую стопу уже занес Великий
На исполинское чело.

«Италия – твоя! мой чудный победитель!
В лучах блестит Маренго! Цепь побед
По миру прогремит… но встанет крепкий мститель,
И ты на свой наступишь след.
Свершая замыслы всемирного похода,
Ты помни: твой предтеча Аннибал
С юнеющей судьбой могучего народа
В борьбе неравной шумно пал.

Страшись! уже на клик отечества и славы
Встает народ: он грань твоих путей!..
Всходящая звезда мужающей державы
Уже грозит звезде твоей!..
В полночной мгле, в снегах, есть конь и

всадник медный…

Ударит конь копытами в гранит

И, кинув огнь в сердца, он искрою победной

Твой грозный лавр испепелит!»

1831(?)

Колыбельная песнь

Спи, мой младенец,
Милый мой Атий[20],
Сладко усни!
Пусть к изголовью
Ангел-хранитель
Тихо слетит.
Вот он, незримый,
Люльку качает,
Крылышком мирный
Сон навевает.
Атий, мой Атий
Веянье крыльев
Слышит сквозь сон;
Сладко он дышит,
Сладкой улыбкой
Вскрылись уста.
Ангел-хранитель

---

[20] Примечания: 20

Атий — сокращенное имя Кондратия, второго сына друга Одоевского А. Е. Розена. *(Примеч. ред.)*

Люльку качает,
Крылышком тихо
Сон навевает.

Когда же ты, младенец, возъюнеешь,
Окрепнешь телом и душой
И вступишь в мир и мыслию созреешь,
Блеснешь взмужавшей красотой, —
Тогда к тебе сойдет другой хранитель,
Твой соименный в небесах!
Сей сын земли был вечный небожитель!
Он сводит небо в чудных снах!
С любовью на тебя свой ясный взор он склонит,
И на тебя дохнет, и в душу огнь заронит!
И очи с трепетом увидят, как в венец
Вкруг выи синий пламень вьется,
И вспомнишь ты земной его конец,
И грудь твоя невольно содрогнется!
Но он, даруя цель земному бытию,
По верному пути стопы твои напра-

вит,

Благословит на жизнь, и нет – не смерть свою,

Но только жизнь в завет тебе оставит.

2 июля 1832
Петровский завод

Мой непробудный сон

Еще твой образ светлоокой
Стоит и дышит предо мной;
Как в душу он запал глубоко!
Тревожит он ее покой.

Я помню грустную разлуку:
Ты мне на мой далекий путь,
Как старый друг, пожала руку
И мне сказала: «Не забудь!»

Тебя я встретил на мгновенье,
Навек расстался я с тобой!
И все – как сон! Ужель виденье —
Мечта души моей больной?

Но если только сновиденье
Играет бедною душой,
Кто даст мне сон без пробужденья?
Нет, лучше смерть и образ твой!

Между 1827 и 1833(?)

«Тебя уж нет, но я тобою...»

Тебя уж нет, но я тобою
Еще дышу;
Туда, в лазурь, я за тобою
Спешу, спешу!
Когда же ласточкой взовьюсь я
В тот лучший мир,
Растаю и с тобой сольюсь я
В один эфир,
Чтоб с неба пасть росой жемчужной,
Алмазом слез
На бедный мир, где крест я дружно
С тобою нес.
Но на земле, блеснув слезами,
Взовьюсь я вновь
Туда, где вечными зарями
Блестит любовь.

Между 1828 и 1835(?)

«Из детских всех воспоминаний…»

Из детских всех воспоминаний
Одно во мне свежее всех,
Я в нем ищу в часы страданий
Душе младенческих утех.

Я помню липу, нераздельно
Я с нею жил; и листьев шум
Мне веял песней колыбельной,
Всей негой первых детских дум.

Как ветви сладостно шептали!
Как отвечал им лепет мой!
Мы будто вместе песнь слагали
С любовью, с радостью одной.

Давно я с липой разлучился;
Она, как прежде, зелена,
А я? Как стар! Как изменился!
Не молодит меня весна!

Увижу ль липу я родную?
Там мог бы сердце я согреть

И песнь младенчески простую
С тобой, мой добрый друг, запеть.

Ты стар, но листья молодеют,
А люди, люди! Что мне в них?
Чем старей – больше всё черствеют
И чувств стыдятся молодых!

Между 1832 и 1835(?)

«Как недвижи́мы волны гор…»

Как недвижи́мы волны гор,
Обнявших тесно мой обзор
Непроницаемою гранью!
За ними – полный жизни мир,
А здесь – я одинок и сир,
Отдал всю жизнь воспоминанью.

Всю жизнь, остаток прежних сил,
Теперь в одно я чувство слил,
В любовь к тебе, отец мой нежный,
Чье сердце так еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снежной.

Проснется ль тайный свод небес,
Заговорит ли дальний лес
Иль золотой зашепчет колос —
В луне, в туманной выси гор,
Везде мне видится твой взор,
Везде мне слышится твой голос.

Когда ж об отчий твой порог
Пыль чуждую с иссохших ног
Стрясет твой первенец-изгнанник,
Войдет, растает весь в любовь,
И небо в душу примет вновь,
И на земле не будет странник?

Нет, не входить мне в отчий дом
И не молиться мне с отцом
Перед домашнею иконой;
Не утешать его седин,
Не быть мне от забот, кручин
Его младенцев обороной!

Меня чужбины вихрь умчал
И бросил на девятый вал
Мой челн, скользивший без кормила;
Очнулся я в степи глухой,
Где мне не кровною рукой,
Но вьюгой вырыта могила.

С тех пор, займется ли заря,
Молю я солнышко-царя
И нашу светлую царицу:

Меня, о солнце, воскреси,
И дай мне на святой Руси
Увидеть хоть одну деннщу!

Взнеси опять мой бедный челн,
Игралище безумных волн,
На океан твоей державы,
С небес мне кроткий луч пролей
И грешной юности моей
Не помяни ты в царстве славы!

14 апреля 1836
Елань

«Ты знаешь их, кого я так любил…»

Ты знаешь их, кого я так любил[21],
С кем черную годину я делил…
Ты знаешь их!.. Как я, ты жал им руку
И передал мне дружный разговор,
Душе моей знакомый с давних пор.
И я опять внимал родному звуку,
Казалось, был на родине моей,
Опять в кругу соузников-друзей.

Так путники идут на богомолье
Сквозь огненно-песчаный океан,
И пальмы тень, студеных вод приволье
Манят их вдаль… Лишь сладостный обман
Чарует их; но их бодреют силы,
И далее проходит караван,

---

[21] Примечания: 21

Стихотворение обращено к польскому революционеру Адольфу Янушкевичу (1803–1857), с которым А. И. Одоевский познакомился в Ишиме; Янушкевич передал Одоевскому привет от заточенных в Кургане декабристов, с которыми поэт не виделся со дня перевода на поселение. *(Примеч. ред.)*

Забыв про зной пылающей могилы.

1836

«Как сладок первый день среди полей...»

Как сладок первый день среди полей отчизны,

На берегах излучистой Усьмы!

Опять блеснул нам луч давно минувшей жизни

И вывел нас из долгой скорбной тьмы...

Мы ожили! Наш взор тонул в зеленом море

Родных полей, и рощей, и холмов.

Там горы тянутся, тут в живописном споре

С лазурью струй сень пышная лесов.

Усьма то скроется в лесу, то вновь проглянет,

Одета, как невеста, в блеск небес,

В объятья кинется, а там опять обманет

Склоненный к ней, в нее влюбленный лес.

Тут, как дитя, шалит: то с мельницей играет

И резвится, как белка с колесом,

То остров срядит и, его объемля, засыпает,

Как мысль любви, застигнутая сном;

И сладкий сон ее сияет небесами,

Всей прелестью осенних ясных дней,

Пока она опять разгульными струями

Не побежит вдоль рощей и полей.

И может ли что быть милее и привольней

Обзора мирного приятных этих мест,

Где издали блестит на белой колокольне,

Манит, как жизни цель, отрадный Спасов крест?

Сентябрь 1837

«Куда несетесь вы, крылатые станицы…»

Куда несетесь вы, крылатые станицы?
В страну ль, где на горах шумит лавровый лес,
Где реют радостно могучие орлицы
И тонут в синеве пылающих небес?
И мы – на юг! Туда, где яхонт неба рдеет
И где гнездо из роз себе природа вьет,
И нас, и нас далекий путь влечет…
Но солнце там души не отогреет
И свежий мирт[22] *чела не обовьет.*

Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Не тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что нас не севера угрюмая сосна,

---

[22] Примечания: 22

Мирт — южное растение; в древнегреческой поэзии венок из мирта — символ тишины, мира и наслаждений. *(Примеч. ред.)*

А южный кипарис своей покроет тенью?

И что не мерзлый ров, не снеговой увал

Нас мирно подарят последним новосельем,

Но кровью жаркою обрызганный чакал[23]

Гостей бездомных прах разбросит по ущельям.

1837

[23] Примечания: 23
То есть шакал. *(Примеч. ред.)*

«Я разлучился в колыбели…»

Я разлучился в колыбели
С отцом и матерью моей,
И люди грустно песнь запели
О бесприютности моей.

Но жалость их – огонь бесплодный,
Жжет укоризненной слезой;
Лишь дева, ангел земнородный,
Простерла крылья надо мной.

Мне, сирому, ты заменила
Отца и мать, вдали от них,
И вполовину облегчила
Печаль родителей моих.

С отцом и матерью родною
Теперь увиделся я вновь,
Чтоб ввек меж ними и тобою
Делить сыновнюю любовь.

22 июня 1838
Пятигорск

П. А. Катенин

Ночь
Из Гесснера[24]

Ночь тихая! меня приятно ты застала
На камне мшистом сем, где сладко я уснул.
Румяная заря все небо устилала,
И солнца из-за гор последний луч блеснул.

Зарделись облака вечерние, златые,
Весь запад воспылал сияющим огнем;
Вдали же темный лес и рощицы густые
Казались розовым обложены венцом.

Вечерняя звезда долину осветила,
По гнездам парами пернатые легли,
Тень длинная с горы высокой нисходила,
И медленно глаза сомкнулися мои.

Ты ль, звучный соловей, ты ль песнию

---

[24] Примечания: 24

Подражание стихотворению в прозе «Die Nacht» немецкого поэта Соломона Гесснера (1730–1788). *(Примеч. ред.)*

игривой

Сон усладительный согнал с моих очей

Иль быстрый в роще бег дриады боязливой

От фавна резвого, гонящегось за ней?

Приятство новое душа моя вкушает,

И новую красу мой взор прельщенный зрит:

Природа вкруг меня вся тихо засыпает,

Лишь роща ветвями зеленая шумит.

Здесь месяц на луга блеск рассыпает чистый,

Густые сучья там дробят его лучи,

Тут переливом их горит ручей сребристый,

А там светло как днем сияет холм в ночи.

Куренья сладкие вечернею порою

Возносятся с цветов, сокрытых меж травы.

Мой тщетно ищет взор под тенью вас густою,

Но запах нежный ваш укажет мне, где вы.

Вдали видна гора, обросшая кустами;
Там ивы древние сплелися над водой,
Распространяя тень кудрявыми верхами,
Клонящимись к земле под листьев тяготой.

Оттоле быстрый ток в равнину истекает;
Я слышу шум его: он катится, журчит,
О камни мшистые струй влагу разбивает
И пену белую с собою в дол крутит.

Вот облако нашло: завесою прозрачной
Задернут бледный зрак задумчивой луны.
Постой, блестящая! – рассей тень ночи мрачной
И освети мой путь с лазурной вышины.

Пойду на злачный холм, где виноградны лозы

И хмель вьющийся сгибают темный свод,

Соплетшись, где растут с малиной дики розы

И льется с говором поток хрустальных вод.

С друзьями часто там, увенчанный цветами,

За чашей круговой я Вакха величал,

И глас мой, съединив любезных с голосами,

Песнь радостную в честь бессмертному певал.

Всесильный бог вина сам холм сей посещает;

Чаш звонких сребряных здесь часто слышен стук,

И путник ужасом священным замирает,

Внимая громкий смех и плеск веселых рук.

Беседка тихая! под тень твою густую

Прими меня и сном прохладным успо-

кой:

Пусть деву хоть во сне увижу дорогую
И счастлив буду сей прелестною мечтой.

1809, конец 1820-х

Смерть Приама
Подражание Вергилию

Уже стесненные ахейскими полками,

Чертога царского толпяся пред вратами,

Трояне, гнанные жестокостью богов,

С трудом спасалися от яростных врагов,

И бедственный Приам, прозрев свою кончину,

Готовился как царь на лютую судьбину:

Он, ветхий шлем прияв, и щит, и ржавый меч,

Явился воружен, чтоб мертв во брани лечь.

Тогда Гекуба, зря на смерть его идуща,

«Куда стремишься ты? – рекла, слез ток лиюща, —

Надежды боле нет, и Гектор ныне сам

Из ночи гробовой предстал бы тщетно

нам;

Приближься к олтарю, он будет нам защитой».

Рекла, и Трои царь, сединами покрытый,

Призывным тем словам супруги вняв своей,

Сложил тяжелый шлем и стал среди детей.

«О боги! – рек Приам, несчастный, со слезами, —

Довольно ли гоним на старости я вами?

Но для себя от вас я милости не жду:

Спасите чад моих – и с миром в гроб сойду».

Вдруг младший сын его, от Пирра пораженный,

Полит, при сих словах бежит окровавленный

И, сил лишась, падет к подножью олтаря.

Гекуба, пред собой сей труп кровавый зря,

В объятья дочерей без чувствий упадает,

И с ними весь чертог отчаянно рыдает,

Один Приам без слез, но, к Пирру обратясь:

«Неистовый, – он рек, – богов не убоясь,

Ты сына кровию покрыл мою седи́ну.

Да боги отомстят Политову кончину!

Ты не Ахиллов сын: он жалобам внимал,

Он тело Гектора мне, скорбному, отдал;

Но ты, о лютый зверь, ты кровию несытый,

Убийство чтил одно за подвиг знаменитый.

О, сколь, узрев тебя, стыдился бы Ахилл!»

Скончал и копие во Пирра устремил;

Но старческой удар направлен был рукою,

Ослабло острие пред медною бронею,

Блестящий лишь доспех, сотрясшись, зазвенел.

Тогда у Пирра гнев жестокий воскипел:

«Иди, – он отвечал, – во мрачную могилу

И там поведай ты великому Ахиллу,

Что сына гнусного сей породил герой;

Но прежде смерть прими…» и зверскою рукой

Взяв старцевы власы, другою меч взнесенный,

Сразил и из груди извлек окровавленный.

Приам же с твердостью, достойною царя,

Длань бледную с трудом подъяв до олтаря

И тщась его обнять слабеющей рукою,

Со вздохом пал, воззрев на рдеющую Трою.

1810

Грусть на корабле

Ветр нам противен, и якорь тяжелый
Ко́ дну морскому корабль приковал.
Грустно мне, грустно, тоскую день целый;
Знать, невеселый денек мне настал.

Скоро минуло отрадное время;
Смерть все пресе́кла, наш не́званый гость;
Пала на сердце кручина, как бремя:
Может ли буре противиться трость?

С жизненной бурей борюсь я три года,
Три года милых не видел в глаза.
Рано с утра поднялась непогода:
Смолкни хоть к полдню, лихая гроза!

Что ж! может, сча́стливей буду, чем прежде,
С матерью свидясь, обнявши друзей.
Полно же, сердце, вернися к надежде;

Чур, ретивóе, себя не убей.

1814

Певец
Из Гёте

В стольном Киеве великом
Князь Владимир пировал;
Окружен блестящим ликом,
В светлой гридне заседал.
Всех бояр своих премудрых,
Всех красавиц лепокудрых,
Сильных всех богатырей
Звал он к трапезе своей.

За дубовый стол саха́рных
Сорок яств принесены;
Меду сладкого янтарных
Сорок чаш опразднены —
Всех живит веселье ново;
Изронил златое слово
Князь к гостям: «Пошлем гонца, —
Грустен пир, где нет певца».

Молвил князь; гонец поспешный
Скоро в путь, скорей – назад,

И, певец на пир утешный,
Вдохновенный с ним Услад.
Вещий перст живые струны
Всколебал; гремят перуны:
Зверем рыщет он в леса,
Вьется птицей в небеса.

Бодры юноши внимали,
Быстрый взор в певца вперя;
Девы красные вздыхали,
Робким оком долу зря.
Князь, чудясь искусству дивну,
Повелел златую гривну
С цепью бисерной принесть —
Песней сладких в мзду и честь.

«Не дари меня ты златом,
Цепью редкой не дари.
Пусть в наряде сем богатом
В брань текут богатыри;
Им бояр укрась почтенных,
Власти бременем стягченных:
Воин – меч, а судия —

Щит державы твоея.

Я пою, как птица в поле,
Оживленная весной;
Я пою: чего мне боле?
Песнь от сердца – дар драгой.
Если ж хочешь, князь, награду
По желанью дать Усладу, —
Пусть почтит меня княжна
Кубком светлого вина».

Налит кубок: «Будьте здравы,
Гости честные, всегда;
Обо мне во дни забавы
Вспомяните иногда.
Дом ваш полон всем, и сами
Вы любимы небесами:
Благодарны ж будьте им,
Сколько гость ваш вам самим».

1814

Наташа

Ах! жила-была Наташа,
Свет Наташа красота.
Что так рано, радость наша,
Ты исчезла, как мечта?
Где уста, как мед душистый,
Бела грудь, как снег пушистый,
Рдяны щеки, маков цвет?
Все не впрок: Наташи нет.

У нее один сердечный
Милый друг был на земли;
Скоро с ним в любви беспечной
Дни счастливые текли.
Длися, длися, дорогое
Время краткое, златое!
Счастье жизни человек
Вкусит раз лишь в целый век.

Вдруг поднялся враг войною
Русь заграбить и зажечь;

Всюду льется кровь рекою,
Всюду блещет огнь и меч.
Нивы стоптаны пропали,
Грады, веси запылали,
И Наташа со дружком
Часто грустны вечерком.

Прежних радостей не стало,
Молча вкралась к ним печаль,
Что-то в мысль обоим впало,
И, кажись, друг друга жаль.
Наконец сквозь слез унылый
Взведши взгляд, собравшись с силой,
Исповедала тоску
Красна девица дружку.

«Не мое девичье дело,
Милый друг, тебя учить;
Не прогневайся, что смело,
Может, стану говорить;
Но прости мне укоризну:
Не сражаться за отчизну,
Одному отстать от всех —

В русских людях стыд и грех».

– «Ах! Наташа, ретивое
Уж давно кипит во мне:
Все тебя жалел, но вдвое
Рад, что мысли в нас одне.
Ты согласна, слава богу!
Эй! ребята, в путь-дорогу
Дайте мне ружье, коня:
В бой их станет для меня.

Не рыдай, моя Наташа,
Как же быть? не ты одна;
Хоть горька разлуки чаша,
Выпивай ее до дна;
И о чем такое горе?
Бог помилует, и вскоре,
Голос сердца коль не лжив,
Ворочусь здоров и жив».

– «Дал бы Бог! но если боле
Нам не видеться в живых,
Если там, на ратном поле,
Сопостат рукою злых

Ты умрешь!..» – «Всё в Божьей воле.
Не гневи ж Его дотоле;
Верь, хоть мертвый, хоть живой,
Не расстанусь я с тобой».

– «На, мой друг, вот крест с мощами;
Положи его на грудь
И, как в бой пойдешь с врагами,
Помолиться не забудь;
Я...» – в ней замер дух и слово,
Но к отъезду все готово,
Конь стоит среди двора,
Ехать милому пора.

На коня взлетел стрелою,
Поскакал в воинский стан;
Рано ль, поздно ль, там он... к бою
Всем приказ на завтра дан.
Ждет гостей незваных встреча,
Многих смертная ждет сеча:
Не сносить им головы,
Не видать святой Москвы.

Именинница Наташа!

В день твой, в день Бородина,
За здоровье друга чаша
Налита тобой вина.
И о нем пируют гости;
А его в тот час уж кости
На ближайшем там селе
Преданы сырой земле.

И дошло известье злое,
И не ропщет сирота:
Свято небо ей благое,
Воля Божия свята.
Не пила три дни, не ела,
Как больная исхудела;
Нет покоя ей, ни сна,
И как мертвая бледна.

На колени пала с стоном
Пред иконою святой;
С зе́мным молится поклоном:
«Со святыми упокой».
Чуть живую подхватили,
Тут же к стенке посадили,

И усталым, слабым сном
Свет вздремала под окном.

Спит и видит: сердцу милый
Стал пред ней как бы живой,
С новой бодростью и силой,
С новой, чудной красотой;
Будит: «Встань, проснись, Наташа!
Ждет давно нас свадьба наша;
Под венец скорей пойдем,
Вместе век свой заживем.

Нашу при́зрел Бог разлуку,
Веру райский ждет покой;
Жениху дай, радость, руку,
Помолись, и в путь за мной».
Тут Наташа помолилась,
Тут во сне перекрестилась:
Как сидела, как спала,
К жизни с милым умерла.

1814

Ольга[25]
Из Бюргера

Ольгу сон встревожил слезный,
Смутный ряд мечтаний злых:
«Изменил ли, друг любезный?
Или нет тебя в живых?»
Войск деля Петровых славу,
С ним ушел он под Полтаву;
И не пишет ни двух слов:
Все ли жив он и здоров.

На сраженьи пали шведы,
Турк без брани побежден,
И, желанный плод победы,
Мир России возвращен;
И на родину с венками,
С песньми, с бубнами, с трубáми
Рать, под звон колоколов,
Шла почить от всех трудов.

---

[25] Примечания: 25

Вольный перевод баллады «Ленора» немецкого поэта Готфрида Августа Бюргера (1747–1794).

И везде толпа народа;
Старый, малый – все бегут
Посмотреть, как из похода
Победители идут;
Все навстречу, на дорогу;
Кличут: «Здравствуй! слава богу!»
Ах! на Ольгин лишь привет
Ниотколь ответа нет.

Ищет, спрашивает; худо:
Слух пропал о нем давно;
Жив ли, нет – не знают; чудо!
Словно канул он на дно.
Тут, залившися слезами,
В перси бьет себя руками;
Рвет, припав к сырой земле,
Черны кудри на челе.

Мать к ней кинулась поспешно:
«Что ты? что с тобой, мой свет?
Разве горе неутешно?
С нами Бога разве нет?»
– «Ах! родима, все пропало;

Свету-радости не стало.
Бог меня обидел сам:
Горе, горе бедным нам!»

– «Воля Божия! Создатель —
Нам помощник ко всему;
Он утех и благ податель:
Помолись, мой свет, ему».
– «Ах! родима, все пустое;
Бог послал мне горе злое,
Бог без жалости к мольбам:
Горе, горе бедным нам!»

– «Слушай, дочь! в Украйне дальной,
Может быть, жених уж твой
Обошел налой венчальный
С красной дéвицей иной.
Что изменника утрата?
Рано ль, поздно ль – будет плата,
И от Божьего суда
Не уйдет он никогда».

– «Ах! родима, все пропало,
Нет надежды, нет как нет;

Свету-радости не стало;
Что одной мне белый свет?
Хуже гроба, хуже ада.
Смерть – одна, одна отрада;
Бог без жалости к слезам:
Горе, горе бедным нам!»

– «Господи! прости несчастной,
В суд с безумной не входи;
Разум, слову непричастный,
К покаянью приведи.
Не крушися, дочь, чрез меру;
Бойся муки, вспомни веру:
Сыщет чуждая греха
Неземного жениха».

– «Где ж, родима, злее мука?
Или где мученью край?
Ад мне – с суженым разлука,
Вместе с ним – мне всюду рай.
Не боюсь смертей, ни ада.
Смерть – одна, одна отрада:
С милым врозь несносен свет,

Здесь, ни там блаженства нет».

Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала;
И стемнело небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Все к покою улеглись,
Звезды яркие зажглись.

И девица горько плачет,
Слезы градом по лицу;
И вдруг полем кто-то скачет,
Кто-то, всадник, слез к крыльцу;
Чу! за дверью зашумело,
Чу! кольцо в ней зазвенело;
И знакомый голос вдруг
Кличет Ольгу: «Встань, мой друг!

Отвори скорей без шуму.
Спишь ли, милая, во тьме?
Слезну думаешь ли думу?
Смех иль горе на уме?»

– «Милый! ты! так поздно к ночи!
Я все выплакала очи
По тебе от горьких слез.
Как тебя к нам Бог принес?»

– «Мы лишь ночью скачем в поле.
Я с Украйны за тобой;
Поздно выехал оттоле,
Чтобы взять тебя с собой».
– «Ах! войди, мой ненаглядный!
В поле свищет ветер хладный;
Здесь в объятиях моих
Обогрейся, мой жених!»

– «Пусть он свищет, пусть колышет;
Ветру воля, нам пора.
Ворон конь мой к бегу пышет,
Мне нельзя здесь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Ворон конь домчит стрелою;
Нам сто верст еще: пора
В путь до брачного одра».

– «Ах! какая в ночь дорога!

И сто верст езды для нас!
Бьют часы… побойся Бога:
До полно́чи только час».
– «Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро:
Довезу и до утра
Вплоть до брачного одра».

– «Как живешь? скажи нелестно;
Что́ твой дом? велик? высок?»
– «Дом – землянка». – «Как в ней?» – «Тесно».
– «А кровать нам?» – «Шесть досок».
– «В ней уляжется ль невеста?»
– «Нам двоим довольно места.
Встань, ступай, садись за мной:
Гости ждут меня с женой».

Ольга встала, вышла, села
На коня за женихом;
Обвила ему вкруг тела
Руки белые кольцом.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;

Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Справа, слева, сторонами,
Мимо глаз их взад летят
Сушь и воды; под ногами
Конскими мосты гремят.
«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»
– «Нет… что мертвых поминать?»

Что за звуки? что за пенье?
Что за вранов крик во мгле?
Звон печальный! погребенье!
«Тело предаем земле».
Ближе, видят: поп с собором,
Гроб неся, поют всем хором;
Поступь медленна, тяжка,
Песнь нескладна и дика.

«Что вы воете не к месту?
Хоронить придет чреда;

Я к венцу везу невесту,
Вслед за мною все туда!
У моей кровати спальной,
Клир! пропой мне стих венчальный;
Службу, поп! и ты яви,
Нас ко сну благослови».

Смолкли, гроба как не стало,
Всё послушно вдруг словам,
И поспешно побежало
Всё за ними по следам.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Справа, слева, сторонами,
Горы, долы и поля —
Взад летит все; под ногами
Конскими бежит земля.
«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»

– «Полно мертвых поминать».

Казни столп; над ним за тучей
Брезжит трепетно луна;
Чьей-то сволочи летучей
Пляска вкруг его видна.
«Кто там! сволочь! вся за мною!
Вслед бегите все толпою,
Чтоб под пляску вашу мне
Веселей прилечь к жене».

Сволочь с песнью заунывной
Понеслась за седоком,
Словно вихорь бы порывный
Зашумел в бору сыром.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Справа, слева, сторонами,
Взад летят луга, леса;
Все мелькает пред глазами:
Звезды, тучи, небеса.

«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»
– «Ах! что мертвых поминать!»

– «Конь мой! петухи пропели;
Чур! заря чтоб не взошла;
Гор вершины забелели:
Мчись, как и́з лука стрела.
Кончен, кончен путь наш дальный,
Уготовлен одр венчальный;
Скоро съездил как мертвец
И доехал наконец».

Наскакал в стремленьи яром
Конь на каменный забор;
С двери вдруг хлыста ударом
Спали петли и запор.
Конь в ограду; там – кладбище,
Мертвых вечное жилище;
Светят камни на гробах
В бледных месяца лучах.

Что же мигом пред собою
Видит Ольга? чудо! страх!
Латы всадника золою
Все рассыпались на прах:
Голова, взгляд, руки, тело —
Все на милом помертвело,
И стоит уж он с косой,
Страшный остов костяной.

На дыбы конь ворон взвился,
Диким голосом заржал,
Стукнул в землю, провалился
И невесть куда пропал.
Вой на воздухе высоко;
Скрежет под землей глубоко;
Ольга в страхе без ума,
Неподвижна и нема.

Тут над мертвой заплясали
Адски духи при луне
И протяжно припевали
Ей в воздушной вышине:
«С Богом в суд нейди крамольно;

Скорбь терпи, хоть сердцу больно.
Казнена ты во плоти;
Грешну душу Бог прости!»

1816, 1831

Любовь

О чем, о чем в тени ветвей
Поешь ты ночью, соловей?
Что песнь твою к подруге милой
Живит огнем и полнит силой,
Колеблет грудь, волнует кровь?
Живущих всех душа: любовь.

Не сетуй, девица-краса!
Дождешься радостей часа.
Зачем в лице завяли розы?
Зачем из глаз лиются слезы?
К веселью душу приготовь;
Его дарит тебе любовь.

Покуда дней златых весна,
Отрадой нам любовь одна.
Ловите, юноши, украдкой
Блаженный час, час неги сладкой;
Пробьет… любите вновь и вновь;

Земного счастья верх: любовь.

⟨***1830***⟩

Кавказские горы
Сонет

Громада тяжкая высоких гор, покры-
тых
Мхом, лесом, снегом, льдом и дикой наготой;
Уродливая складь бесплодных ка́мней, смытых
Водою мутною, с вершин их пролитой;

Ряд безобразных стен, изломанных, из-
рытых,
Необитаемых, ужасных пустотой,
Где слышен изредка лишь крик орлов несытых,
Клюющих па́деру оравою густой;

Цепь пресловутая всепетого Кавказа,
Непроходимая, безлюдная страна,
Притон разбойников, поэзии зараза!

Без пользы, без красы, с каких ты пор славна?

Творенье Божье ты иль чертова проказа?

Скажи, проклятая, зачем ты создана?

Конец 1834

Предложение

Какой-то англичанин жил
В Неаполе. В словах или на деле,
Кого и чем он оскорбил,
Не мог разведать я доселе.
Но, возвращаясь вечерком,
Чуть повернул он в переулок темный,
Встречается ему резак наемный,
С которым он отчасти был знаком,
Не так, как с резаком,
А как с рассыльщиком. Вчастую тот, бывало,
По городу справлял его нужды́
И денег за труды
В год перебрал с него немало.
Британец, во́ззревшись в бродячего слугу,
Не ждал отнюдь опасной встречи,
Как тот ему: «Милорд! моей послушай речи,

Да сам, смотри же, ни гугу:
Не то – вот нож. Ты мне заказан:
Тебя зарезать я обязан, —
И хоть теперь могу.
Да вот в чем затрудненье!
Во-первых, мы друзья;
Тобою не обижен я
И даже помню одолженье,
Как ты в конце зимы
Поверил мне два скудия[26] *взаймы:*
Заели нас тогда кормы,
И мне не миновать иль пе́тли, иль тюрьмы.
Но это прошлое! А ныне воскресенье:
Мне патер Вольпи запретил,
Чтоб души я по праздникам губил.
А деньги уж взяты́! Так слушай предложенье.
С другим оно меня ввело бы в опасенье;
Иной, пожалуй, нож прибрав к своим рукам,

---

[26] Примечания: 26
Скудий — итальянская монета. *(Примеч. ред.)*

Пырнет, злодей; но ты душой кривить
не станешь
И, давши слово, не обманешь.
Не откажи: чем вздорить нам,
Зарежься сам!
А нож какой! Взгляни: я наточил как
бритву.
Прочти-ка наскоро молитву,
Да с Богом». – «Можно ли!» – «Я знаю,
грех велик;
Но ты ведь еретик:
Ни в папу ты не веруешь, ни в Бога,
Так все же в ад тебе дорога.
Решайся». – «Не хочу». – «Не хочешь. А,
милорд!
Я думал, ты, как англичанин, горд
И не откажешь хоть из чести.
Что ж о себе вы распустили вести,
Как будто, вас чуть разберет тоска,
Вы духом режетесь и не дрогнёт рука?
Ан струсил ты!» – «Неправда, я не тру-
шу.
Коли судьба меня под нож твой при-

вела,

Быть так, но сам себе не сотворю я зла.

Режь ты». – «Бессовестный! губить живую душу

Мне патер в праздник не велел».

– «Так отпусти». – «Признаться, не хотел,

А видно, Богу так угодно.

Прощай же, до другого дня;

Но ты теперь замечен у меня:

Ты поступил неблагородно,

И попадись еще мне раз,

Припомню все – и просьбу, и отказ!»

1835

Сонет

Кто принял в грудь свою язвительные стрелы
Неблагодарности, измены, клеветы,
Но не утратил сам врожденной чистоты
И образы богов сквозь пламя вынес целы;

Кто те́рновым путем идя в труде, как пчелы,
Сбирает воск и мед, где встретятся цветы, —
Тому лишь шаг – и он достигнул высоты,
Где добродетели положены пределы.

Как лебедь восстает белее из воды,
Как чище золото выходит из горнила,
Так честная душа из опыта беды:

Гоненьем и борьбой в ней только крепнет сила;

Чем гуще мрак кругом, тем ярче блеск звезды,

И чем прискорбней жизнь, тем радостней могила.

1835

Ф. Н. Глинка

Песнь сторожевого воина перед Бородинскою битвою

Друзья! Мы на брегах Колóчи[27],
Врагов к нам близок стан;
Мы сну не покоряем очи,
Не слышим боли ран!..

Друзья, бодрей! Друзья, смелей!
Не до покоя нам!
Идет злодей, грозит злодей
Москвы златым верхам!

Там в пепле край, вот в Божий храм
С конем вломился враг!
Тут лечь костьми, тут биться нам:
До града предков – шаг!

Славян сыны! Войны сыны!
Не выдадим Москвы!
Спасем мы честь родной страны
Иль сложим здесь главы!..

---

[27] Примечания: 27
Колóчь — река на Бородинском поле. *(Примеч. ред.)*

Уж гул в полях, уж шум слышней!
День близок роковой…
Заря светлей, огни бледней…
Нас кличет враг на бой!

Идет на нас, к нему пойдем
В широкие поля;
Прими ты нас, когда падем,
Родимая земля!

Тебе, наш край, тебе, наш царь,
Готовы жизнь принесть:
Спасем твой трон, спасем алтарь,
Отечество и честь!

Так воин на брегах Колочи
Друзьям пред боем пел;
И сон не покорял их очи,
И дух в них пламенел!

Между 1812–1816

Партизан Давыдов

Усач. Умом, пером остер он, как француз,

Но саблею французам страшен:

Он не дает топтать врагам нежатых пашен

И, закрутив гусарский ус,

Вот потонул в густых лесах с отрядом —

И след простыл!..То невидимкой он, то рядом,

То, вынырнув опять, следо́м

Идет за шумными французскими полками

И ловит их, как рыб, без невода, руками.

Его постель – земля, а лес дремучий – дом!

И часто он, с толпой башкир и с казаками,

И с кучей мужиков, и конных русских

баб,

В мужицком армяке, хотя душой не раб,

Как вихорь, как пожар, на пушки, на обозы,

И в ночь, как домовой, тревожит вражий стан.

Но милым он дарит, в своих куплетах, розы.

Давыдов! Это ты, поэт и партизан!..

Между 1812–1825

К Пушкину[28]

О Пушкин, Пушкин! Кто тебя
Учил пленять в стихах чудесных?
Какой из жителей небесных,
Тебя младенцем полюбя,
Лелея, баял в колыбели?
Лишь ты завидел белый свет,
К тебе эроты прилетели
И с лаской грации подсели…
И музы, слышал я, совет
Нарочно всей семьей держали
И, кончив долгий спор, сказали:
«Расти, резвись – и будь поэт!»
И вырос ты, резвился вволю,
И взрос с тобою дар богов:
И вот, блажа беспечну долю,
Поешь ты радость и любовь,
Поешь утехи, наслажденья,

---

[28] Примечания: 28

Стихи сии написаны за год перед сим, по прочтении двух первых песней «Руслана и Людмилы». *(Примеч. Ф. Н. Глинки.)*

И топот коней, гром сраженья,
И чары ведьм и колдунов,
И русских витязей забавы…
Склонясь под дубы величавы,
Лишь ты запел, младой певец,
И добрый дух седой дубравы,
Старинных дел, старинной славы
Певцу младому вьет венец!
И все былое обновилось:
Воскресла в песни старина,
И песнь волшебного полна!..
И боязливая луна
За облак дымный хоронилась
И молча в песнь твою влюбилась…
Все было слух и тишина:
В пустыне эхо замолчало,
Вниманье волны оковало,
И мнилось, слышат берега!
И в них русалка молодая
Забыла витязя Рогдая,
Родные воды – и в луга
Бежит ласкать певца младого…

Судьбы и времени седого
Не бойся, молодой певец!
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!..

1819

Опыты священной поэзии
Плач плененных иудеев

На реках вавилонских тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона.

Псалом 136

Когда, влекомы в плен, мы стали
От стен сионских далеки,
Мы слез ручьи не раз мешали
С волнами чуждыя реки.

В печали, молча, мы грустили
Всё по тебе, святой Сион;
Надежды редко нам светили,
И те надежды были – сон!

Замолкли вещие орга́ны,
Затих веселый наш тимпан.
Напрасно нам гласят тираны:
«Воспойте песнь сионских стран!»

Сиона песни – глас свободы!
Те песни слава нам дала!

В них тайны мы поем природы
И Бога дивного дела!

Немей, орга́н наш голосистый,
Как занемел наш в рабстве дух!
Не опозорим песни чистой:
Не ей ласкать злодеев слух!

Увы, неволи дни суровы
Орга́нам жизни не дают:
Рабы, влачащие оковы,
Высоких песней не поют!

⟨***1822***⟩

Блаженство праведного

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста.
Псалом 1

О, сколь блажен правдивый муж,
Который грешным вслед не ходит
И лишь в союзе чистых душ
Отраду для души находит!
Его и страсти кличут в свет,

И нечестивцы в свой совет, —
Но он вперил на правду очи,
И глух к зазывам лести он:
При свете дня и в тайне ночи
Хранит он Вышнего закон
И ходит в нем неколебимым;
Везде он чист, душою прям
И в очи смерти и бедам
Глядит с покоем нерушимым,
Хотя в ладье бичом судьбы
Гоним в шум бурных океанов…
Когда лукавые рабы
Блажат бездушных истуканов,
Он видит Бога над собой —
И смело борется с судьбой!
Зажглась гроза, синеют тучи,
Летит, как исполин могучий,
Как грозный князь воздушных стран,
Неудержимый ураган
И стелет жатвы и дубравы…
Но он в полях стоит один,
Сей дуб корнистый, величавый:

Таков небесный гражданин!
И процветет он в долгой жизни,
Как древо при истоках вод;
Он будет памятен отчизне,
Благословит его народ...
Не так, не так для нечестивых:
Ветшая в кратких, смутных днях,
Они развеются, как прах.
Господь не стерпит горделивых:
Он двигнет неба высоты
И землю раскалит до ада.
Но вам, страдальцы правоты,
Он вам и пастырь, и ограда!

⟨***1824***⟩

Тщета суемудрия

Векую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным.
Псалом 2

Зачем к земным корыстям руки
И ум на тщетные науки

Простерли с жадностию вы?
На все готовы для молвы,
На все для блеска ложной славы:
Забыли Вышнего уставы!
Цари и князи собрались
Идти на Господа войною;
Сердца их дерзостью зажглись,
Покрылись очи пеленою.
Но Он, Живый на небесах,
Над вашей злобой посмеется:
Ваш сонм, как прах, с путей смятется,
Мечи замрут у вас в руках.
О! страшны Вышнего глаголы!
Когда кипит Его гроза:
Трещат скалы, вздыхают долы,
И кедры гнутся, как лоза…
А мне, за долгое смиренье,
За скорбь мою, за простоту,
Склонив небесну высоту,
Мой Бог послал благоволенье.
Он ополчил меня жезлом
И рек: «Паси сии языки;

Смири в их гордости великой
Слепцов с безумным их умом;
И, как скудельные фиалы,
Разбей сердца их одичалы;
Заблудших вырви из сетей:
Будь страж и вождь моих людей!»
О сильные земли – смиренье!
В суде – защита нищете!
Вся жизнь – будь жертва правоте!
Законам правды – поклоненье!
Я зрю: он близок, Божий день,
И вы побегли, исполины,
Как из глубокия долины
Бежит пред ясным утром тень!

⟨***1824***⟩

Опыты иносказательных описаний в стихах

Сон

Я кем-то был взнесен на острый верх скалы, —
Так мне в младенчестве приснилось, —
Кругом меня дробилися валы
И море бурное пенилось,
И, с воем, стадо чуд кругом скалы теснилось;
Огонь горел у них в очах!
Я был один – и весь был страх;
И сердце в молодой груди чуть билось.
И милой жизни я сказал: прости!..
Вдруг пылкий огнь в мои втеснился жилы,
И кто-то мне орлины придал крылы
И громко возопил: «Лети!»
И я, под светлыми летая небесами,
Смотрел на мир спокойными очами
И видел землю с высоты:

Там реки в дальние моря бежали;
Там грады пышные, там области лежали,
И в них кипела жизнь, шумели суеты
И страсти бурные пылали…
Но полн я был святых, высоких дум!
И я в земной мятеж не опустился
И с прахом, от земли летящим, не смесился,
И слышал лишь вдали – земной тревоги шум!

⟨***1820***⟩

Море

Душа томится в вихрях света;
Мне душен воздух городской;
И я, оставя за собою
Заботы, пыль и тесноту,
Спешу на дикий берег моря —
На зов понятной мне мечты…
Я вижу синее пространство
В его роскошной широте;

И мне повеял ветер свежий,
Как будто с родины моей!
Златое сердце утопало
В волнах багряных облаков,
И флаги алые ходили
Под дымным синевом небес;
И я увидел, как знакомца,
Долину влаги голубой;
И необъятное пространство
Так нравилось моей душе,
Как будто что-то ей родное…
Не знаю… или, может быть,
И знаю… но могу ль сказать
Язы́ком скудным человеков
О том, чей дивный образ нам —
Необозримое пространство!
И почему к себе всегда
Манит фантазию поэта
Румянцем блещущая даль?..
Я слушал плеск валов шумящих
И в беспредельность улетал:
Она была мне как свобода,

Когда она в волшебных снах
Приснится узнику младому…
Я, сладкой свежестью дыша,
Как будто молодел душою;
И, томность светской суеты
Стряхнув с себя, как пыль градскую,
Я весь как обновленный стал!..
Но звезды вечера зажглися,
И с легкой ношей сладких чувств
Я крался сквозь толпы народа,
Робея счастье обронить…
Ах, если б в шуме сих кипящих
Расчетов, выгод и страстей,
Где сохнет сердце, вянут чувства,
Ах, если б век я был так свеж
И так в восторгах беспределен,
Как ты, кого теперь пою,
Долина моря голубая!

⟨***1825***⟩

Старец

Окончив тяжкую работу
Заботной, грустной жизни сей,
Он празднует свою субботу
В спокойной совести своей!

Он знает счастия обеты
И мрак изгибистых дорог,
И что сулят кипящи леты
В мятежной области тревог.

Он отжил для подлунной жизни,
И часто в дивных, сладких снах
Он видит прежний край отчизны
В каких-то дальних сторонах.

Окончив тяжкую работу
Заботной, грустной жизни сей,
Он празднует свою субботу
В спокойной совести своей!

⟨***1825***⟩

Сон русского на чужбине

Отечества и дым нам сладок и приятен!

Державин

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымяся, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал…
Уснул – и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной русской стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Уж веял, веял теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы
И хлещут с гор кипучи воды.

Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах…
Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
Густые молодеют ели,
И льется запах от берез!..
И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик – дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой…
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем…

Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город… все красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздохнул по стороне родной…

⟨***1825***⟩

Завеянные следы

Над серебряной водой,
На златом песочке
Долго девы молодой
Я берег следочки…

Вдруг завыло в вышине,
Речку всколыхало;
И следов, любезных мне,
Будто не бывало!..

Что ж душа так замерла?
Колокол раздался…
Ах, девица в храм пошла:
С ней другой венчался…

⟨***1826***⟩

Буря

Что небо стало без лазури,
И волны ходят по Неве,
И тени облаков мелькают по траве?
Я слышу приближенье бури.
Я здесь не знаю, что творится надо мной,
Но близ меня, в щели стенной,
Уныло ветер завывает,
И он как будто мне о чем-то вспоминает
И будит давнюю какую-то мечту.
О ветер, ветер! Ты свободен, —
Зачем же рвешься в тесноту?..
Ах! Если бы я мог, оставя суету
И в чувствах нов и благороден,
Летать, как ветер по полям!
И только рано по зарям,
Прокравшись близ тюрьмы сторонкой,
Несчастным узникам тихонько

О чем-то милом напевать

И горьких в сладкое забвенье погружать!..

Между 9 марта – 31 мая 1826

Гром

Гремит! И воды запестрели!

И слышен в воздухе как будто шум и крик!

И, вспыхнув, молнии на стеклах закипели!

И часовой стоит, утупя в землю штык!..

Где зарождаются сии кипящи громы?

Где бурь и непогод таинственные домы?

Зачем нам тайны познавать

И, мыслями волнуясь, утомляться?

Не лучше ли, во всем встречая благодать,

Жить просто и всему по-детски удивляться!

Между 9 марта – 31 мая 1826

Луна

Луна прекрасная светила
В тиши лазоревых полей
И ярче золота златила
Главы подкрестные церквей.
А бедный узник за решеткой
Мечтал о Божьих чудесах:
Он их читал, как почерк четкий,
И на земле, и в небесах.
И в тайной книге прошлой жизни
Он с умиленьем их читал,
И с мыслью о святой отчизне
Сидел, терпел – и уповал!

Между 9 марта – 31 мая 1826

Повсеместный свет

На своде неба голубого,
Реки в волнистом серебре,
На трубке в желтом янтаре
И на штыке у часового —
Повсюду свет луны сияет!
Так повсеместен свет иной,
Который ярко позлащает
Железный жребий наш земной!

Между 9 марта – 31 мая 1826

Песнь узника

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях[29] *тишина!*
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревам,
В глухой тюрьме заводит песню
И отдает тоску волнам!

«Прости, отчизна, край любезный!
Прости, мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —
Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой,
Снимай венчальное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!

---

[29] Примечания: 29

Заневские башни — бастионы Петропавловской крепости. *(Примеч. ред.)*

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий – слезы и тоска!
Но я молчу – такую долю
Взяла сама моя рука...»

Уж ночь прошла, с рассветом в злате
Давно день новый засиял!
А бедный узник в каземате —
Все ту же песню запевал!..

⟨***1826***⟩

Вздох

Брега пустынные темнеются как койомы,

Онега зеркалом лежит;

И паруса сложили соймы…[30]

Ничто не движется, безлюдный берег спит.

И волны тихие смешались с небесами,

Чуть слышен гул грозы – и молния горит

Над повенецкими лесами…[31]

Торчат, как призраки, огромные скалы,

Природы древние обломки[32]*.*

Зачем уснули вы, кипящие валы?

---

[30] Примечания: 30

Особого рода крытые лодки. *(Примеч. Ф. Н. Глинки.)*

[31] Примечания: 31

Город Повенец (уездный, Олонецк. губ.) окружен древними дремучими лесами, в стране дикой и почти безлюдной. *(Примеч. Ф. Н. Глинки.)*

[32] Примечания: 32

Здешние скалы по свойству своему почти все принадлежат к обнаженной горнокаменной породе, называемой *брексия.* Полагают, что это обломки первосозданных гор, разрушенных движением великих вод, которых следы везде запечатлены на почве здешних полей, загруженных каменьями, песком и раковинами. *(Примеч. Ф. Н. Глинки.)*

Где ты, порывный ветр? Где вихри в свистах звонких?

Вы, древние жильцы в сих горных теснотах,

Мой вздох к моим друзьям промчите в высотах!

Вас просит грустный преселенец;

Скажите им, что он, в пустынных сих местах,

О них тоскует, как младенец.

1826

К Богу

Я не могу тебя с холодностью любить
И говорить с тобой бесслезными очами;
Я не могу тебя хвалить
Одними мертвыми словами:
Жизнь, жизнь во мне кипит,
Как многошумный ток весенний;
Душа зажглась, душа горит,
И грудь тесна от вдохновений…
Мой Бог! я в выраженьи слаб;
Я в пении косноязычен;
Земли отродие и раб,
Еще я к небу непривычен…
Коснись твой шестикрылый мне
Горящим углием языка![33]
Да совершит мне глас великий,
Да даст мне весть о вышине!

---

[33] Примечания: 33

Сие выражение объясняется видением Исайи в 1-й главе сего пророка. *(Примеч. Ф. Н. Глинки.)*

Давно земным засыпан прахом,
Таюсь, как червь, в земной тиши,
Одеян скорбию и страхом…
Но ты тенета разреши —
И миг – и гость я над звездами
Родимых ангельских полей:
Там правда с горними судьями
Суд крепкий держит над землей.

1826 или 1827

Призвание

Явись к нам, Господи, явись!
Создатель! Покажись созданью,
Перед детьми разоблачись
И положи конец страданью!

Оставь свой меч, оставь перун,
Простри с любовью к детям руки!
Мы – как слетевшие со струн
Давно рассеянные звуки!

Друг другу чужды и Тебе,
По дебрям носимся в пустыне, —
Усвой рассеянных Себе,
Сбери нас во Своей святыне.

Оставь Свой суд, будь ласков к нам,
Над нашей сжалившись судьбою,
Дозволь припасть к Твоим стопам,
Дай нам поговорить с Тобою!..

Какую повесть грустных лет
Тебе Твои расскажут дети!

С тех пор как Твой угаснул свет,
Нас облегли беды и сети!..

Создатель неба! Отпахни
Покров высот Твоих лазурных
И на несчастных нас взгляни,
Пловцов в водоворотах бурных…

Мы растеряли паруса,
И руль и снасти растеряли,
С тех пор как тишь и небеса
На мрак и бури променяли.

Стуча ладьями о скалы,
На шумном кипятке волненья,
Мы средь роптаний и хулы
Скользим к сомненью от сомненья…

Но что Тебе, о Боже сил,
Хулы, и вопли, и сомненья?
Земля рябеет от могил,
Могилы просят отверзенья!..

Уже ворочаются в них
Отбывших поколений кости;
К ним весть бежит с небес Твоих,

Что ты придешь к ним, Боже, в гости!..

Приди же к нам, дай небо нам,
Пролей на нас живую ро́су, —
Мы все к Тебе; к Твоим стопам
И смерть свою положит косу.

1826 или 1827(?)

Рождение арфы
Древнее финское стихотворение, написанное размером подлинника, с изустного перевода проф. Шегрена[34]

Сам наш старый Вейнамена,
Сам ладьи изобретатель,
Изобрел и сделал арфу.
Из чего ж у арфы обруч?
Из карельския березы.
Из чего колки у арфы?
Из каленых спиц дубовых.
Из чего у арфы струны?
Из волосьев бурных коней.

И сзывает Вейнамена
Дев и юношей игривых,
Чтоб порадовались арфой,

---

[34] Примечания: 34

Известный профессор Шегрен два раза проходил скалистую Финляндию и олонецкие леса с целью исследования языка финских племен. По зимам заходил он отогреваться в Петрозаводск и словесно переводил мне некоторые из финских стихотворений, имеющих свой особенный размер без рифм, но звучный и приятный. *(Примеч. Ф. Н. Глинки.)*

Прозвенев ее струнами…
Но была не в радость – радость,
Не игриво их игранье!
По́звал он мужей безженых
И женатых звал героев:

Радость все была не в радость,
Не ласкались к звукам звуки…
По́звал он старух согбенных
И мужей в середних летах:
Радость все была не в радость,
Не сливался звук со звуком!

Тут восстал наш Вейнамена
Сам и сел, как лучше ведал.
И своими он перстами
Повернул затылок арфы
На коленах, к самой груди;
И, уставая чинно арфу,
Заиграл он сам, наш старец…
И была игра игрою,
И уж радость стала в радость!

И по всем лесам и рощам

Не нашелся ни единый
Из больших четвероногих
Или чьи малютки-лапки
Резво бегают в дубравах,
Кто б не шел с толпой послушать,
Как искусно будит радость
Старый, добрый Вейнамена...

Сам медведь на задних лапах,
Упершись на изгороду,
Стал и долго слушал песню;
Не нашлось в лесах и рощах
Никого из всех пернатых,
Пестроперых, двукрылатых,
Кто б от песни отказался:
И слетались все, как тучи
Или снежные охлопки.

Не нашлось и в синем море
Шестиперых, восьмиперых,
Молодых и старожилов,
Обитателей подводных,
Кто б, узнав о чудной песне,

Не пошел ее послушать.
И хозяйка водяная,
Повалившись на осоку
И припавши грудью белой
На высокий мшистый камень,
Поднялась, чтоб слушать песню…

И у старца Вейнамены
Влажны, влажны стали очи,
И отхлынули потоки!
И скруглялась влага в капли,
И те капли были крупны,
Как на мшистых тундрах клюква.
И катились капли к груди
И от груди, потихоньку,
На согбенные колена,
От колен к ногам и ниже…
И прошли сквозь пять покровов
И сквозь восемь рунных тканей.

1827 или 1828

Листок и человек
(Басня)

От ветки дерева цветущего листок

Упал, от ветерка, в струистый ручеек

И поплыл, поплыл, все с волнами,

Тихонько, с пеною, кружась;

То между гладкими, душистыми полями,

То над раскатами песков несясь;

Порой через древний бор; в потемках, под скалами;

И уж нельзя бедняжке стать

И потянуться вверх, чтоб хоть на час опять

Быть гостем дерева родного:

Иная для него судьба готова…

Каким еще стихом рассказ мой заверстать?

Листок и человек различны благородством —

Но здесь у обоúх в судьбе большое сходство!

Между 1827–1829

Олонецкая песня

Над озером, Габ-озером,
Сидит, грустит унылый птах.
Не здешний он: из дальних стран!
Пришиблен он невзгодою,
Привязан он хворобою!
Сидит, грустит залетный птах!
Никто ему ни свой, ни брат!
Один-одним, сироточка!

Летят, шумят в поднебесье
Стада его товарищей;
И веселы и радостны,
Летят, спешат на теплый юг.
Как взговорит к ним бедный птах:
«Ах, братцы вы, товарищи!
Вам весело в поднебесье,
В поднебесье безоблачном,
Близ солнышка, близ красного,
Близ красного, меженного…
И я летал, и я бывал

Сопутником и братом вам…
Ах, сжальтеся над горестным!
Вы скиньте мне по перышку,
По перышку, по легкому,
Чтоб крылышки, чтоб новые
Снесли меня на родину,
К родным, к друзьям, в природный край!»

И перышки посыпались!
Забилося сердечушко
У бедного, у хворого…
Но, где возьмись, шелойник-ветр[35],
Шелойник-ветр порывистый,
Рассеял он все перышки…

И взговорил несчастный птах:
«Судьба моя, судьбинушка!
Другим ты мать, мне мачеха!
Сама ль велишь терпеть напасть,
Терпеть напасть, изныть, пропасть
Мне бедному, мне горькому,

---

[35] Примечания: 35
Так называется у туземцев юго-западный ветер. *(Примеч. Ф. Н. Глинки.)*

В чужой стране, нерадостной!»

Между 1827–1829

Грусть в тишине

Объято все ночною тишиною,
Луга в алмазах, темен лес,
И город пожелтел под палевой луною,
И звездным бисером унизан свод небес;
Но влажные мои горят еще ресницы,
И не утишилась тоска моя во мне;
Отстал от песней я, отстал я от цевницы:
Мне скучно одному в безлюдной стороне.
Я живу, не живу,
И, склонивши главу,
Я брожу и без дум, и без цели;
И в стране сей пустой,
Раздружившись с мечтой,
Я подобен надломленной ели;
И весна прилетит
И луга расцветит,
И калека на миг воскресает,

Зеленеет главой,
Но излом роковой
Пробужденную жизнь испаряет;
И, завидя конец,
Половинный мертвец
Понемногу совсем замирает!

Между 1826–1830

К почтовому колокольчику

Ах, колокольчик, колокольчик!
Когда и над моей дугой,
Над тройкой ухарской, лихой
Ты зазвенишь? Когда дорога,
Широкой лентой раскатясь,
С своими пестрыми столбами
И с живописностью кругом
Меня, мой колесистый дом,
Мою почтовую телегу
К краям далеким понесет?
Когда увижу край над Волгой
И, с гор на горы мча стрелой,
Меня утешит песнью долгой
Земляк – извозчик удалой?
Когда увижу Русь святую,
Мои дубовые леса,
На девах ленту золотую
И синий русский сарафан?
Мне, сиротине на чужбине,

Мне часто грустно по родном,
И Русь я вижу, как в картине,
В воспоминании одном.

1829 или 1830

Ранняя весна на родине

Прямятся ольхи на холмах,
И соловьиные журчат и льются песни,
И скромно прячется на молодых лугах
Душистый гость, весны ровесник…
Седеют ивники пушистым серебром;
Еще смолист и липнет лист березы,
Круглятся капельки росистые, как слезы,
И запад ласково алеет над Днепром…
Уж озимь, огустясь, озеленила пашни;
Касатка вьется подле башни;
И вот, отлетные за дальний океан
Опять к родным гнездам летят из чуждых стран!
Весна!.. и кое-где блестят отрывки снега…
Вдали Смоленск, с своей зубчатою стеной!..
Откуда в душу мне бежит такая нега?
Какой-то новый мир светлеет надо

мной!..

О, буду ль я всегда таким питаться чувством?

Зовет, манит меня тот смутный дальний шум,

Где издевается над сердцем колкий ум,

Где клонится глава под тучей скучных дум, —

Где все природное поглощено искусством!..

⟨***1830***⟩

Неизвестность

Друзья! я весла опустил,
Плыву по скату синей влаги:
К борьбе нет больше прежних сил,
И прежней нет уже отваги!

«Куда? Зачем плывешь, пловец?
Плывешь в который угол света?
Где цель и где пути конец?»
«Не знаю!» – вместо вам ответа.

Вдали темно, я одинок,
Но я, доверьем сладким полный,
Плыву – и слышу: мой челнок
Куда-то мчат, играя, волны.

⟨***1832***⟩

Москва

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают дерева;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это матушка-Москва!

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?

Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?..

Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!.

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,

Коренной России град!

⟨***1840***⟩

В защиту поэта

Два я боролися во мне:
Один рвался в мятеж тревоги,
Другому сладко в тишине
Сидеть в тиши дороги
С самим собой, в себе самом.
Несправедливо мыслят, нет!
И порицают лиры сына
За то, что будто гражданина
Условий не снесет поэт…
Пусть не по нем и мир наш внешний,
Пусть, по мечтам, он и нездешний,
А где-то всей душой гостит;
Зато, вскипевши, в час досужный,
Он стих к стиху придвинет дружный,
И брызнет рифмою жемчужной,
И высоко заговорит!..
И говор рифмы музыкальной
Из края в край промчится дальный,
Могучих рек по берегам,

От хижин мирных к городам,
В дома вельмож… И под палаткой,
В походном часто шалаше,
Летучий стих, мелькнув украдкой,
С своею музыкою сладкой
Печалью ляжет на душе.
И в дни борьбы, и сечь, и шума
Отрадно-радужная дума
Завьется у младых бойцов,
По свежим лаврам их венцов.
И легче станет с жизнью битва
И труд страдальца под крестом,
Когда холодная молитва
Зажжется пламенным стихом!
Не говори: «Поэт спокойным
И праздным гостем здесь живет!»
Он буквам мертвым и нестройным
И жизнь, и мысль, и строй дает…

⟨***1846***⟩

Два я

Как в зной кипящий муравейник
Заброшен бедный мотылек,
Меня забросил злой мой рок
В крапиву жизни да в репейник!..

И я когда-то было с жаром
И говорил, и утверждал;
Горел земных надежд пожаром,
Искал, просил, хотел, желал,
Гнался за тенью… И все даром;
И наконец умнее стал:
Погас, затух и… отлетал.
Теперь смирней подпольной мыши
Я тихо в уголке сижу
И, вынырнув, порой гляжу,
Как ветер рвет с чертогов крыши.

1870-е

Н. А. Чижов

Воздушная дева
Якутская фантазия

Зачем, зачем от дольных мест,
Коварный житель светлых звезд,
Меня увлек ты в край иной?
Ты мне предстал в красе земной,
Твой взгляд зажег в моей крови
Палящий, бурный огнь любви.
Могучий дух! Такую страсть
Могла вдохнуть твоя лишь власть.

Была ль любима я, как знать?
Но он хотел с собою взять
Меня в страну воздушных сил —
Ему наш мир печален был.
И быстро ввысь умчались мы
В полночный час под кровом тьмы.
Отец и мать и край родной —
Все, все забыто было мной.

Уж был далек земли предел,
Мой дух молчал и ввысь глядел…

Но вскоре темной ночи мгла
Вкруг нас багро́веть начала.
Блеснула молния… в огне
На крыльях туч по вышине
Несется буря, гром гремит…
А дух со мной все ввысь летит!

Мне ужас чувства оковал,
По жилам хлад змеей бежал,
Когда могучий дух стрелой
Сквозь область туч летел со мной.
И чудно: был ли это сон?
Чем выше возносился он,
Тем легче, тоней, реже был,
И вскоре след его простыл.

С тех пор, забыта и одна,
На волю ветров отдана,
В мятежном споре непогод
Несусь назад, несусь вперед.
Обширен мой воздушный дом,
А я одна скитаюсь в нем,
Одна везде, одна всегда,

Чужда небес, земли чужда.

Сюда, в мой облачный предел,
Порой заносится орел
И, на крылах повиснув, ждет,
Пока добычу взор найдет…
О, если б хищного орла
Слезами тронуть я могла,
Давно бы гость воздушный мой
Меня унес к земле с собой!

Надежда, ты мелькаешь мне
И здесь, в пустынной вышине!
Когда верхи гольцов вдали,
Чело подъемля от земли,
Пронзают тучи, – как горит
Во мне душа, как мысль летит
К земле, к земле!.. Но ветр пахнёт —
И тучи вдаль от гор несет.

Иль в тихий утра час весной,
Поднявшись сребряной грядой,
Толпятся в тверди облака…
И мнится страннице, близка

Страна сияющих светил,
Где друг коварный позабыл,
Среди веселья и пиров,
Мою тоску, мою любовь.

Порой несутся облака
Над родиной, – издалека
Я узнаю и темный бор,
И мрачные вершины гор,
И юрты на брегу ручья,
Где обо мне грустит семья.
Я слышу лай домашних псов
И стук секир в тиши дубров.

Однажды с облаков моих
Мне виден шумный был исых[36],
И пляски дев, и бег коней,
Борьба и пир вокруг огней.
Созвала там подруг весна —
А я одна, всегда одна.
Беспечные, они поют,
Меня же ветры вдаль несут.

---

[36] Примечания: 36
Весенний праздник якутов. *(Примеч. Н. А. Чижова.)*

Но в час, когда темнеет день,
И с гор в долину ляжет тень,
И ветр затихнет, – голос мой
Им слышен в тишине ночной,
Как ропот отдаленных вод,
Как вздох пустыни, как полет
Полночной птицы иль духов
Стенанье в глубине лесов.

Между 1826 и 1833

Ну́ча[37]
Якутский рассказ

Ночь ненастна, темна,
В черных тучах луна.
Шумно бьются валы
О крутые скалы.
Торопися, мой конь!
Близок в юртах огонь!

Кто полночной порой
Бродит там, над рекой,
В непогоду один?..
Круто темя стремнин,
Скользок путь по горам;
Что же ищет он там?

Он глядит с берегов
На плесканье валов;
Ворон вьется над ним…

---

[37] Примечания: 37

Этим именем называют якуты русских. Содержание сказок своих они заимствуют по большей части из частной жизни. Хорошие рассказчики говорят и поют попеременно. *(Примеч. Н. А. Чижова.)*

Он стоит недвижим…
Торопися, мой конь!
Близок в юртах огонь!

Здесь пустая страна,
И дика и страшна.
Здесь собранье духо́в;
С вечно снежных гольцов
Их слетается рой
В час полно́чи глухой.

Они бродят в хребтах,
По лесам, на лугах,
По речным берегам,
По заглохшим жильям;
Но им более мил
Прах забытых могил.

Но во мгле на брегу
Распознать я могу,
Будто в солнечный день,
Ну́чи скорбную тень.
Хищный вран на горах
Расклевал его прах.

Я бывал с ним знаком,
Посещал он мой дом;
Он пивал мой кумыс,
Мы друзьями звались;
Но веселой порой
Он бывал нам чужой.

Равнодушен и тих,
Он смотрел на исых[38].
Пляски стройные дев,
Их веселый напев,
Их роскошный убор
Не влекли его взор.

Вечно дик и суров,
Полюбил он лесов
Беспробудную тень;
Там, бродя ночь и день
Средь безжизненных скал,
Он вольнее дышал.

---

[38] Примечания: 38

Исых, или ысых — так называется празднество якутов, бывающее летом, в то время, когда поспевает кумыс. Собравшись на лугу, они раскладывают огонь, делают возлияние духам, поют и пляшут. Иногда тут же бывают конские скачки, беганье, борьба и проч. *(Примеч. Н. А. Чижова.)*

Говорили, что он
Ведал тайный закон
Призыванья духóв,
Что будил мертвецов,
Что гроба вопрошал,
Что шаманство он знал.

Но правдив ли рассказ?
Не видал я ни раз,
Чтоб в дюгюрь[39] *он бивал,*
Чтоб власы распускал,
Чтоб безумствовал он,
Чародейством смущен.

Нýча был не таков!
Презирал он духóв!
Он бесстрашно бродил
Вкруг шаманских могил,
Где властительный прах

---

[39] Примечания: 39
Дюгюрь — бубен, в который бьют шаманы, призывая духов.

Схоронен на древах[40].

Раз, осенней порой,
Дружен с жизнью простой,
Шел он вслед тунгусáм
По пустынным хребтам.
Путь змеей им лежал
Меж разлогов и скал.

Вот стоит на пути,
Где им должно пройти,
Вековая сосна;
Почиталась она
Ото всех тунгусóв
Пребываньем духов[41].

Все с оленей сошли

---

[40] Примечания: 40

Якуты имели обычай хоронить покойников на деревьях. Гроб ставили или между ветвями, или, срубая дерева, утверждали его как бы на столбах. Сим правом долее всех пользовались шаманы. Еще и теперь можно видеть остатки подобных могил, в стороне от дорог и жилых мест. *(Примеч. Н. А. Чижова.)*

[41] Примечания: 41

Якуты оказывают ко многим местам некоторый род суеверного благоговения. Наиболее оно относится к устаревшим деревьям, почитаемым местопребыванием духов. На них вешают вязи конских волосов, звериные шкуры и другие вещи, чтобы сим снискать благосклонность духов, могущих вредить им на пути или в промысле. *(Примеч. Н. А. Чижова.)*

И дары принесли
Властелинам стремнин;
Только Ну́ча один,
Покачав головой,
Не дал жертвы лесной.

Путь их дале лежал.
Тихо день погасал;
Поднял месяц рога.
Вот вверху кабарга
На висящих скалах
Притаилась в кустах.

Ну́ча страха не знал.
Был легóк и удал.
Он, как горный орел,
К кабарге полетел.
Прочь она – он за ней,
Всё быстрей и быстрей.

Вот пропали из глаз!
Знать, пробил его час…
Только с горных стремнин
Пес к ночлегу один,

Без стрелка прибежал —
Он назад не бывал.

Как хозяин исчез,
Не сказал про то пес.
Только выл он порой
Над стремниной крутой,
Где на каменном дне
Бьет поток в глубине.

С того времени тень,
Когда скроется день,
Бродит в мраке ночей
До рассветных лучей.
Страшно мщенье духóв!
Жребий казни суров!

1827 или 1828
Олекма

Журавли

Чуть-чуть видны на высоте воздушной,
Заслыша осени приход,
Несетесь с криком вы станицей дружной
Назад в полуденный отлет —

Туда, где светлого Амура воды
Ласкают зелень берегов,
Не ведая осенней непогоды,
Ни хлада зимнего оков.

Свободны вы, как ветр непостоянный,
Как лоно зыбкое морей,
Как мысль, летящая к стране желанной, —
Вы чужды участи моей.

Земного раб, окованный страстями,
Подъяв слезящие глаза,
Напрасно я хочу вспорхнуть крылами

И унестись под небеса.

27 июня 1828
Олекминск на Лене

Сибирские цветы

В глуши лесов уединенной
Устрою домик я и сад,
И будет мой приют смиренный
Милей мне каменных палат!

Не стану из краев далеких
Сбирать растенья в садик мой;
С полей отчизны, с гор высоких
Сберу цветы страны родной.

С долин Даурии гористой
Возьму роскошный анемон[42],
Статис блестящий и душистый
И снежной белизны пион.

Сберу фиялки полевые —
Эмблему скромной красоты,
И колокольчики простые,
И гордой лилии цветы.

---

[42] Примечания: 42

Все цветы, здесь упоминаемые, взяты из сибирской флоры. См. географию Мильте-Бюна. *(Примеч. Н. А. Чижова.)*

С вершин высокого Алтая
Переселятся в садик мой
Спирей и астра голубая,
Нарцисс с завистливой красой.

Возьму душистых роз махровых
С Саянских каменистых гор
И сараны цветов багровых —
Камчатки сумрачный убор.

Пускай приют мой небогатый,
В замену счастия даров,
Рукою Флора тароватой
Украсит роскошью цветов!

1828

Русская песня

У подгорья студены́ ключи шумят.
Льются, бьются и на миг не замолчат.

Такова у красной девицы печаль:
Друга милого покинуть сердцу жаль.

Злые люди отравили счастья дни,
О любви моей доведались они.

Разлучили с милым другом, развели,
Но забыть его заставить не могли.

В лютом горе утешенье мне одно —
Сесть, задумавшись, под красное окно.

Может, милый друг по улице пройдет,
Грусть от сердца на минуту отведет.

Может, милый на окошко поглядит,
Красну девицу поклоном подарит.

Может, скажет, оглядевшися вокруг:

«Я по-прежнему люблю тебя, мой друг!»

⟨***1837***⟩

В. Ф. Раевский

Песнь воинов перед сраженьем

Заутра грозный час отмщенья,
Заутра, други, станем в строй,
Не страшно битвы приближенье
Тому, кто дышит лишь войной!..
Сыны полуночи суровой,
Мы знаем смело смерть встречать,
Нам бури, вихрь и хлад знакомы.
Пускай с полсветом хищный тать
Нахлынул, злобой ополченный,
В пределы наши лавр стяжать;
Их сонмы буйные несчетны,
Но нам не нужно их считать.
Пусть старец-вождь простpет рукою
И скажет: «Там упорный враг!»
Рассеем громы пред собою —
И исполин стоглавый – в прах!..

Сей новый Ксеркс стопою силы,
Как огнь всежгучий, к нам притек
Узреть Батыевы могилы,

Сарматов плен и шведов рок,
Узреть поля опустошенны,
Прах мирных сел и городов,
И небо, заревом возжженно,
И вкруг – изрытый ряд гробов,
А пред собой – перуны мести
И твердокаменную грудь
С хоругвью: «Смерть на поле чести
Или свершим опасный труд».
Ужель страшиться нам могилы?
И лучше ль смерти плен отцов,
Ярем и стыд отчизны милой
И власть надменных пришлецов?

Нет, нет, судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить.
Мила за родину могила,
Без родины поносно жить!
Пусть дети неги и порока
С увялой, рабскою душой
Трепещут гибельного рока,
Не разлучимого с войной,
И спят на ложе пресыщенья,

Когда их братья кровь лиют.
Постыдной доле их – презренье!
Во тьме дни слабых протекут!
А нам отчизны взор – награда
И милых по́ сердцу привет,
Низвергнем сонмы супостата,
И с славой нам восплещет свет!..

Краса певцов, наш бард любимый,
Жуковский в струны загремит,
И глас его непобедимых
Венком бессмертья отличит.
И юный росс, приникший слухом
К его цевнице золотой,
Геройским вспыхивает духом
И, как с гнезда орел младой,
Взлетит искать добычи бранной
Вослед испытанным вождям…
О други! близок час желанный
И близок грозный час врагам, —
Певцы передадут потомству
Наш подвиг, славу, торжество.
Устроим гибель вероломству,

Дух мести – наше божество!

Но, други, луч блеснул денницы,
Туман редеет по полям,
И вестник утра, гром, сторицей
Зовет дружины к знаменам.
И мощный вождь перед полками
И с ним вождей бесстрашных сонм
Грядут!.. с победными громами
И взором ищут стан врагов…
К мечам!.. Там ждет нас подвиг славы,
Пред нами смерть, и огнь, и гром,
За нами горы тел кровавых,
И враг с растерзанным челом
В плену ждет низкого спасенья!..
Труба, сопутник наш, гремит!..
Друзья! В пылу огней сраженья
Обет наш: «Пасть иль победить!»

1812 или 1813

Песнь

Полно плакать и кручиниться,
Полно слезы лить горючие:
Честь и родина любезные
Мне велят с тобой не видеться.

О девица, о красавица,
Осуши слезу горючую,
Дай прижать тебя к груди моей!

В поле знамя развевается,
И товарищи любезные
С кликом радостным волнуются
В ожиданьи время бранного.

О девица, о красавица,
Осуши слезу горючую,
Дай прижать тебя к груди моей!

Полно плакать и кручиниться.
Если любишь друга верного,
С верой к Богу, к другу с верностью
Дожидайся возвращения.

О девица, о красавица,
Осуши слезу горючую,
Дай прижать тебя к груди моей!

Не захочет дева русская
Посрамить стыдом любезного,
Чтобы он священну родину
Позабыл для страсти пламенной.

О девица, о красавица,
Осуши слезу горючую,
Дай прижать тебя к груди моей!

Если я погибну с честию,
Мы с тобою там обымемся.
Если я останусь с славою,
Нам любовь сто раз прелестнее.

О девица, о красавица,
Осуши слезу горючую,
Дай прижать тебя к груди моей.

Между 1812 и 1816

Послание Г. С. Батенькову[43]

Когда над родиной моей
Из тучи молния сверкала,
Когда Москва в цепях страдала
Среди убийства и огней,
Когда губительной рукою
Война носила смерть и страх
И разливала кровь рекою
На милых отческих полях, —
Тогда в душе моей свободной
Я узы в первый раз узнал
И, видя скорби глас народной,
От соучастья трепетал…
Как быстро гибнет блеск зарницы,
Так из разрушенной столицы
Тиран стремительной стопой
Вспять хлынул с хищною ордой!
И вслед ему бог бранный мщенья,

---

[43] Примечания: 43

Гавриил Степанович Батеньков (1793–1863) — декабрист, поэт и писатель.

Во мзду насильств и преступленья,
Перуны грозные бросал
И путь гробами застилал…
Орудие сей грозной мести,
Я взор печальный отвратил
От поприща кровавой чести
И острый меч в ножны́ вложил…
Но ты, мой друг! при шуме славы —
Среди триумфов и побед,
Среди громов борьбы кровавы
Стремясь за разрушеньем вслед,
Свидетель россов смелых силы,
Смиренья их и правоты, —
Поведай мне, что мыслил ты,
Зря цель изрытую могилы?
Скажи, ужель увеселял
Тебя трофей, в крови омытый,
Ужель венок, корыстью свитый,
Рассудка силу заглушал?..
И мрачная завеса пала!
Атропа гибельным резцом
Едва нить жизни не прервала

Твою под роковым мечом.
Простясь с неласковой судьбою,
С печальным опытом, с мечтою,
Ты удалился на покой
Туда, где Лена, Обь волной
В гранитные брега плескают
И по седым во мгле лесам
К Гиперборейским берегам,
Во льдах волнуясь, протекают,
Где все в немых пустынях спит,
Где чуть приметен блеск природы,
Но где живут сыны свободы,
Где луч учения горит!..
Твои там отческие лары,
Там мир и радости с тобой,
Туда кровавою рукой
Войну, убийства и пожары
Не понесет никто с собой!..
В беседе там красноречивой
С тобой великий Архимед,
Декарт, и Кант трудолюбивый,

И Гершель[44] с циркулем планет!
И всё в гармонии с душою,
И чужд клевет и злобы слух…
Почто ж зовешь меня, мой друг,
Делить все радости с тобою!
Могу ль покоем обладать?
Пловец над пропастью бездонной
В отчизне милой, но безродной,
Не ведая, куда пристать,
Я в море суеты блуждаю,
Стремлюсь вперед, ищу пути
В надежде пристань обрести
И – снова в море уплываю.

Между 1817 и 1819

---

[44] Примечания: 44

Имеется в виду английский астроном немецкого происхождения Уильям Гершель (1738–1822). *(Примеч. ред.)*

Осень
Идиллия

Давно ль природа воскресала
Из мертвой тишины
И юная весна рукою рассыпала
По бархатным лугам душистые цветы?
Давно ли голос филомелы
Авроры золотой приветствовал приход
И сельских граций хоровод
В забавах воспевал природу, май веселый?
Утихли песни их, пернатых смолкнул хор,
И птицы стаями в край теплый отлетают,
Туманы серые долину покрывают,
И листья сбросил бор!
Свирели стройный звук в полях не раздается,
Ветр буйный с севера несется,

И хладный дождь шумит…

Усталый селянин под кровлею смиренной,

От шума удаленный,

Плоды трудов своих с родной семьей делит.

Цветы поблекшие, деревья обнаженны,

Сей молчаливый вид природы, скрытой в мгле,

Изображает путь вечерний утомленных

Страдальцев на земле.

И нам назначено таинственной рукою

Премену быструю невидимо узнать,

Зреть радость и восторг рассветшею зарею,

Дней в полдень жребия превратность испытать —

И скользкою стопой стремиться к назначенью!..

Счастлив, стократ счастлив, кто поздних дней приход

И солнца ясного последний оборот

Встречает, не страшась, под дружескою сенью,

Кто сильных тайных мук на сердце не узнал,

Чей челн покойно тек вдали подводных скал,

Вдали от непогод и бурных треволнений,

Чей кормчий был – устав свободы золотой

И цель стремления – природа и покой.

Стезей неровною опасных приключений

Куда стремимся мы за славою пустой?

Невольники сует, страстей, предубеждений.

Дает ли слава нам и благо, и покой,

И право чистых наслаждений?

Нет, слабый человек родится для забот.

С издетства от святой природы отвыкает,

Его на скользкий путь свет пагубно зовет,

Где ослепление умами управляет,

И век его как сон невидимый летит,

Который изредка мечтою сладкой льстит,

А чаще – мрачные виденья представляет…

И парки лютые, прервавши жизни нить,

Его для вечности сокрытой пробуждают!

1810-е

Плач негра

Задумчив, устремя к луне унылы очи,

Несчастный сын степей под пальмою родной

Стоял недвижимо в часы глубокой ночи,

И пращ его, и лук с губительной стрелой

Разбросаны. И конь, товарищ бурной битвы,

По шелковой траве медлительно бродил.

И пес – сей верный страж, сей быстрый сын ловитвы —

Лежал и лай ночной с боязнью притаил.

И мрак и тишина полуночной природы

Питали мысль его отчаянной мечтой.

И он – сей белых бич, сей гордый сын свободы —

Ланиты оросил горячею слезой!

«Нет радости в мире, нет Зоры со мною!

Я видел ветрила вдали кораблей,

Несущих добычу драгую стрелою

Далеко от милых отчизны полей!

Ах! мог ли провидеть отмщение рока?

Сегодня, зарею, колено склоня

Пред ярким сияньем светила востока,

Я чувствовал благость небесна огня!

От братий веселых чрез дебри и горы

Помчался я к милым родным шалашам,

Ласкаясь мечтою в объятиях Зоры

И в ласках младенца дать отдых трудам!»

Вторая половина 1810-х

«Пришлец! здесь родина твоя...»

Пришлец! здесь родина твоя —
Впервые светлая заря
Здесь взор твой озарила,
Здесь колыбель твоя была
И праотцев твоих могила!
Здесь первые дары природа излила
На юношеский ум беспечный, откровенный,
Здесь в жертву бурных бед, судьбою обреченный,
Ты самовластия не знал еще страстей —
Но буря над тобой поникла грозовая...
И, милые поля отчизны оставляя,
Оставил навсегда ты мир невинных дней!
Здесь те ж источника резвящиеся воды,
Близ коих я в часы туманной непогоды
Смотрел на радужный восход

И взором измерял стремленье туч бегущих

Иль в утро летнее лазурный небосвод

Сличал с поверхностью зыбей быстротекущих,

То ж солнце, тот же дня и вечера обзор,

Те ж мирные и рощи, и долины…

Почто ж унылый взор

Не видит прежней в них пленительной картины?

Погибло все, как сон с младенческой мечтой!

Утрата сильная душевныя свободы

Разнообразное величие природы

Слила для чувств под цвет и грубый, и простой!

Конец 1810-х

Картина бури

Солнце покрылось серою мглой,
Тучи, спираясь, быстро несутся…
Вихрь, сотрясая листья с дерев,
С шумом и силой дол пробегает
И воздымает в воздухе прах;
Враны над бором стаей виются,
Нивы клубятся волной.
Подернут горизонт полунощною тьмой,
И молния вдали из бурных туч сверкает;
Перун отзы́вами грохочет за горой,
И эхо гул его в утесах раздробляет!
С ветром холодным падает дождь,
Сосны и ели со скрипом трясутся,
Волны, волнуясь быстрой струей,
Пеною желтой в берег плескают,
Дикие гуси скрылись в тростник;
Шумом внезапным вол устрашенный,

Вкруг озираясь, ревет.

Гигантов бурных строй по высоте летит,
И молния, виясь, кругом во мраке блещет!
Удар удару вслед гром яростный вторит
И смертоносные перуны долу мещет!
Здесь дева робкая дрожит,
Взор старца к небу устремился!
Пловец в волнах погибель зрит,
Оратай в ближний лес сокрылся.
Сильней и ветр, и дождь шумит,
Огнь бледный заревом мерцает;
Перун из черных туч летит,
И раздробленный дуб пылает!..

⟨***1820***⟩

Песнь невольника

Пенаты добрые, отчизны берег милый,

Поля родимые, где в юности счастливой

Мой век с беспечностью покойно, мирно тек,

Простите навсегда! Окованный цепями,

Я скорбь делю с слезами,

И сир, и одинок!

Страдалец немощный, отец чадолюбивый!

Кто даст тебе приют покойный и счастливый?

Увы! изведать скорбь тебе назначил рок

У гроба хладного вечернею зарею:

Твой сын уж не с тобою,

Он сир и одинок!

Давно ль в обители спокойной, безмятежной

С детьми-малютками и матерью их нежной

Я радости вкушал?.. Но злобный дух прорек

Разлуку горькую с супругой, сиротами —

И я томлюсь цепями,

Я сир и одинок!

Товарищи-друзья! и с вами разлученный,

Не буду более под тенью лип смиренных

Я счастью гимны петь: миг радостей протек!

На чуждой стороне, игралище судьбины,

Я жду бедам кончины

И сир, и одинок!

Начало 1820-х

Певец в темнице

О, мира черного жилец!
Сочти все прошлые минуты;
Быть может, близок твой конец
И перелом судьбины лютой!

Ты знал ли радость – светлый мир,
Души награду непорочной?
Что составляло твой кумир —
Добро иль гул хвалы непрочной?

Читал ли девы молодой
Любовь во взорах сквозь ресницы?
В усталом сне ее с тобой
Встречал ли яркий луч денницы?

Ты знал ли дружества привет?
Всегда с наружностью холодной
Давал ли друг тебе совет
Стремиться к цели благородной?

Дарил ли щедрою рукой
Ты бедных золотом и пищей?

Почтил ли век под сединой
И посещал ли бед жилища?

Одним исполненный добром
И слыша стон простонародный,
Сей ропот робкий под ярмом,
Алкал ли мести благородной?

Сочти часы, вступи в сей свет,
Поверь протекший путь над бездной,
Измерь ее – и дай ответ
Потомству с твердостью железной.

Мой век, как тусклый метеор,
Сверкнул в полуночи незримый,
И первый вопль как приговор
Мне был судьбы непримиримой.

Я неги не любил душой,
Не знал любви, как страсти нежной,
Не знал друзей, и разум мой
Встревожен мыслию мятежной.

Забавы детства презирал,
И я летел к известной цели,
Мечты мечтами истреблял,

Не зная мира и веселий.

Под тучей черной, грозовой,
Под бурным вихрем истребленья,
Средь черни грубой, боевой,
Средь буйных капищ развращенья

Пожал я жизни первый плод
И там с каким-то черным чувством
Привык смотреть на смертный род,
Обезображенный искусством.

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль, и взор казнит на плахе,

И вера, щит царей стальной,
Узда для черни суеверной,
Перед помазанной главой
Смиряет разум дерзновенный.

К моей отчизне устремил
Я, общим злом пресытясь, взоры,
С предчувством мрачным вопросил
Сибирь, подземные затворы;

И книгу Клии открывал,
Дыша к земле родной любовью;
Но хладный пот меня объял —
Листы залиты были кровью!

Я бросил свой смиренный взор
С печалью на кровавы строки,
Там был подписан приговор
Судьбою гибельной, жестокой:

«Во прах и Новгород, и Псков,
Конец их гордости народной.
Они дышали шесть веков
Во славе жизнию свободной».

Погибли Новгород и Псков!
Во прахе пышные жилища!
И трупы добрых их сынов
Зверей голодных стали пища.

Но там бессмертных имена
Златыми буквами сияли;
Богоподобная жена,

Борецкая[45], *Вадим*[46], – *вы пали!*

С тех пор исчез, как тень, народ,
И глас его не раздавался
Пред вестью бранных непогод.
На площади он не сбирался

Сменять вельмож, смирять князей,
Слагать неправые налоги,
Внимать послам, встречать гостей,
Стыдить, наказывать пороки,

Войну и мир определять.
Он пал на край своей могилы,
Но, рано ль, поздно ли, опять
Восстанет он с ударом силы!

1822

---

[45] Примечания: 45

См. примеч. к с. 69. *(Примеч. ред.)*

[46] Примечания: 46

Вадим Новгоро́дский — согласно поздним преданиям предводитель новгородцев, в 864 году восставших против князя Рюрика.

На смерть моего скворца

Еще удар душе моей,
Еще звено к звену цепей!
И ты, товарищ тайной скуки,
Тревог души, страданий, муки,
И ты, о добрый мой скворец,
Меня покинул наконец!
Скажи же мне, земной пришлец,
Ужели смрад моей темницы
Стеснил твой дух, твои зеницы?
Но тихо все… безмолвен он,
Мой юный друг, мой Пелисон,
И был свидетель Абеон
Моей встревоженной разлуки!
Так верю я, о жрец науки,
Тебе, о мудрый Пифагор!
Не может быть сей ясный взор,
Сей разногласный разговор,
Ко мне прилет его послушный
Уделом твари быть бездушной:

Он создан с нежною душой,
Он, верно, мучился тоской…
Как часто резвый голос свой
Он изменял на звук печальный,
Как бы внимая скорби тайной.
О вы, жестокие сердца!
Сотрите стыд души с лица,
Учитесь чувствам от скворца!
Он был не узник – и в темнице.
Летая вольных птиц в станице,
Ко мне обратно прилетал;
Мою он горесть уважал,
Для друга вольность забывал!
И все за то его любили,
И все за то скворца хвалили,
Что он, средь скорби и недуг,
И в узах был мне верный друг.
Что он ни мщения, ни мук
Для друга в узах не боялся
И другу смело улыбался.
Когда ж, как ржавчиною сталь,
Терзала грудь мою печаль,

Кому ж? – скворцу лишь было жаль!
И мнилось – пел мой друг сердечный:
«Печаль и жизнь не бесконечны».
И я словам его внимал,
И друга нежного ласкал,
И вдруг свободнее дышал.
Когда ж вражда со клеветою
В суде шипели предо мною
И тщетно я взывал права,
Он пел ужасные слова:
«Враги иссохнут, как трава».
И были то последни звуки,
И умер мой скворец со скуки!
О вы, жестокие сердца,
Сотрите стыд души с лица,
Учитесь чувствам от скворца!

1824

Послание к К…ву

Изгнанник с маем и весной
Тебя приветствует, друг милый.
Опять зимы безмолвной и унылой
Темничный образ пред тобой
Природы девственной сменился красо-
той…
А для меня – прошла весна!..
Очаровательной улыбкою она
Тоски по родине, привычного роптанья,
Печальных дум и бед воспоминанья
Не истребит в душе отжившей и
немой.
Там, за вершинами Урала,
Осталось все, что дух питало мой,
И вера, и любовь, – я внес сюда с собой
Лишь муки страшные Тантала!
Зачем затворника надежда обольща-
ла?
Зачем алкал он видеть край родной?

Прижать друзей к груди, измученной тоской,

И шестилетнюю неволю,

Борьбу с судьбой, страдальческую долю —

Опять в беседе вечевой,

При кликах радости мятежной,

Забыть за чашей круговой?

Или с любовницей младой

Отдать все прошлое порывам страсти нежной?..

Зачем коварные мечты

Мой ум младенческий прельщали?

Зачем прекрасные цветы

Над бездной путь терновый застилали?

К чему коварный этот сон?

Я был давно к страданьям приучен, —

Шесть лет дышал темничною печалью

И грозный рок мне грудь сковал

Несчастием, как закаленной сталью.

Зачем я благ земных желал,

Сдружившись с жизнью неземною,
И примирения искал
С людьми и грозною судьбою?
Они смеялись надо мною…
О, если б сто подземных жерл
Дохнуло пламенною лавой
На этот род безумный и лукавый!
Без слез, без горести б смотрел
На гибель их, на огненные волны,
И, провидением довольный,
Я б этот час благословлял,
Как будто заблистал мне первый луч денницы.
Но нет! Зачем удар карающей десницы
Противу немощных слепцов?
Они из приторных наемницы сосцов,
Еще повитые, как цепью, пеленами,
Глотали алчными устами
Все грязное, все низкое, как прах!
Ярем невольничий – их доля в колыбели,
Болезнь младенчества – их доля в сединах.

Знакомо ль им стремленье к славной цели,

К стяжанию победного венца?

Нет! Нет! Не внятен им волшебный глас певца,

Волнующий возвышенные страсти,

Вливающий небесный дух в сердца

И возвышающий наш дух среди напасти!

В душе бесчувственность и на челе позор,

Пред слабым – власти наглый взор,

И рабство – пред судьбой и силой,

Неверие в устах и бледность пред могилой —

Не есть ли их постыдное клеймо?

Нет! Нет! Не обменю моей жестокой доли

На это славное ярмо,

На эту цепь приманчивой неволи!

Я здесь, сюда коварный рок

Из бурных волн, пучин и бездны

Отбросил утлый мой челнок;

Я здесь, и звук знакомый и любезный
Не тронет слуха моего;
Мой смутный взор и бледное чело
Опять зарей весны не просияют,
Уста мои – лишь ропот и печаль
Невнятным звуком выражают…
Напрасно б взгляд бросал в безвестну даль,
Напрасно б ждал счастливой перемены:
Подземный стон, и вековые стены,
Затвор железный, звук цепей
И тайный зов утраченных друзей
Меня и здесь тревожат в сновиденьи,
И отдаление в моем воображеньи
Не истребит сей пагубной мечты,
И все высокие картины
Природы грозной красоты:
Саяна снежные вершины,
И мрачный вид безвыходной тайги,
Бурана рев и лом, и треск реки,
Подавленной, стесненной в беге льда-

ми,

И торосы, вскипевшие стенами,

Как вековых руин следы,

И племена рассеянной орды,

Полярных дикарей воинственные нравы,

Их разум гибкий и лукавый,

Коварный взгляд, нестройный звук речей;

Повсюду грабежи, убийства как забавы,

И резкие черты, и буйный дух людей,

Которых страсти, заблужденье,

Гоненье, клевета, порок и преступленье,

Как крепкое к звену звено,

Сковали в общество одно…

Страна, где каждый дом есть книга приключений,

Где вся земля – отверженных есть дом,

Где Минихов и Меньшикова гений

Ни славой прежнею, ни лавровым венцом

Не различен убийц презренных с долей.

Все это дивное для смелой кисти поле
Какой-то новостью еще блестит для глаз,
Но мой восторг давно в душе погас.
О милый друг! все прелести чужбины,
Все красоты́ волшебной сей картины
Не радуют: они не в родине моей.
Скажи, кому отдам сердечные томленья?
Кто мысль мою и тайные движенья
Души поймет? Чей сладкий звук речей
Вольет в больную грудь минутную отраду?
Кто руку даст изгнаннику, как брату?
С кем лето знойное я жизни разделю?
Кто скажет мне, потупя взор стыдливый
И руку сжав рукою боязливой,
Невнятным шепотом прекрасное «люблю».
Цветы поблекшие еще передо мною.
Мне их дала младая дева в дар,
И с ними чувств и тайной страсти

жар;

Я взял цветы холодною рукою

И руку ей с признательностью сжал,

И девственную грудь с улыбкой целовал…

Я розы рвал… Но их благоуханье

Далеко ветр противный уносил.

Дерзну ль назвать минутное желанье,

Обманчивый восторг моих душевных сил

Любовью чистою и нежной?

Нет, нет. Любовь – одно мне с верой и надеждой,

Во мне их рок суровый умертвил!

Ты знаешь сам, мой друг, мои страданья,

Ты сам темничною заразою дышал…

Но долго ли твои продлились испытанья?

Ты тягость бытия одну минуту знал…

А я? Могу ль предать прошедшее забвенью!

Оставить все, что сердце тяготит?

Не я ли веровал с улыбкой в провиденье?
В борьбе с судьбой упал мой хрупкий щит.
Исчезло все!.. Под сводами темницы
Погиб мой дар с прелестною мечтой!
Невнятен звук моей цевницы —
Согласен он с моей душой;
Дерзну ли трепетной рукой
Завесу истины ужасной
Поднять пред суетной толпой?
Сей труд бесплодный и опасный
Душевных ран не исцелит
И для изгнанника сиянье
Прошедших дней не возвратит;
Мое ужасно упованье!
Благая вера – вот мой щит,
Души отжившей ожиданья;
Давно прошли, как миг один,
Как сладкий сон, лета мои младые —
И с ними радости земные…
Как счастия беспечный сын,
Близ лар под кровлею родною,

Довольный светом и судьбою,
В моем неведеньи я счастье находил!..
Как вольное дитя природы,
Я только неба видел своды;
И легкий утренний зефир
Эмблемой был моей свободы…
И славы дым, ее кумир,
Для глаз завистливых блестящий мишурою,
С поклонников безумною толпою
Души невинной не прельщал…
Тогда ни следствий, ни начал,
Добра, страстей и преступлений,
В хаосе споров, жарких прений,
Расторгнуть ум мой не алкал.
Мой взор беспечно созерцал
Лишь блеск светил в орбитах их движенья,
В лугах я свежих роз искал.
Не тайны дивной обновленья,
Не свист железа и свинца,
Не гром из медных жерл и стали,

Не лютый в битве клик бойца
Тогда мой робкий слух прельщали, —
Любил я сладостный напев,
Как май, веселых сельских дев
Под звук задумчивой свирели,
Любил в тени густых дерев
Я слушать птичек нежных трели
Иль звонкий голос соловья…
Любил журчание ручья…
Любил вечернею порой у колыбели
С безмолвием внимать,
Как нежная, сквозь слезы, мать,
Прижав к груди младенца, прорекала
Разлуку с кровлею родной,
Борьбу с людьми, борьбу с судьбой
И провиденье умоляла
Младенцу дать удел благой!..
Прошло неведенье святое!
Мой час пробил!.. В душе моей простой
Все страсти, спавшие в покое,
Вскипели бурною волной!
Недетский взор сквозь мрак густой

Я бросил к новой, тайной цели…

И радость скрылась от очей,

Как в тучах блеск дневных лучей,

Вдали я видел бледный свет,

И скорбь стесняла грудь, ланиты побледнели,

Поблек прекрасной веры цвет,

Сомненья срезанный косою.

О добродетель! пред тобой

Я пал во прах, я слезы лил

И с умилением молил

Отдать мне прошлое, отдать мне мир с собою!

С людьми я мира не просил,

Я их узнал, я их чуждался —

Приветов, ласки их боялся

И дружбы, как вражды крамольной, трепетал.

Я видел, как, укрыв отточенный кинжал,

Мне руки жмет с улыбкою лукавой

И крест на грудь кладет рукой еще кровавой

По человечеству мой брат!
Везде я слышал плач и жалобные стоны,
Я видел, как в пыли потоптаны лежат
Права народные, щит слабого – законы;
С безмолвным трепетом раскрыл
Я Клии крепкие скрижали,
Но хладный пот чело мое покрыл,
Глубокие черты на обагренной стали
Мой жребий царств, народов и царей,
События грядущих дней
И настоящего в протекшем указали.
Давно мне этот мир – как степь безбрежная Сахары,
Где дышит ветр песчаною волной,
Как океан, где грозные удары
Валов не устают греметь над головой.
Мне этот край – одно пространное кладбище,
В котором ищет взор безбедного жилища
Среди преступничьих гробов!
И мой ударит час всеобщею чредою,

И знак сотрет с земли моих следов,
И снег завеет дерн над крышей гробовою;
Весной оттает снег, за годом год пройдет,
Могильный холм сровняется с землею,
И крест без надписи падет!..
Жестокий Крон безжалостной рукою
Разрушит гордые чертоги городов,
Дела героев, мудрецов
Туманною покроет тьмою,
Иссушит глубину морей,
Воздвигнет горы средь степей,
И любопытный взор потомков
Не тщетно ль будет вопрошать,
Где царства падшие искать
Среди рассеянных обломков?..
Куда же мой отвеет время прах?
Где денутся все призраки златые?
Куда отделится таинственное я?
Где будет след минутный бытия,
Надежды, суеты, желания земные?

Давно погибло все, чего мой дух алкал!
Чего ж я жду с отжившею душою?
Кто к жизни мысль страдальца приковал?
И не в родстве ль давно я с прахом и землею?
Не время ли мне сделать шаг вперед
И снять покров с таинственной химеры?
В моих руках светильник чистой веры, —
Он свет в пути моем прольет!..

30 мая 1828

«Она одна казалась мне мила...»

Она одна казалась мне мила,
Как роза свежая весною;
Как роза юная, цвела
Вдали от света, бурь и зла
Она прекрасною душою.
Улыбка, легкий стан, ее убор простой —
Все было зеркалом Авроры,
И в новом мире к ней одной
Невольно мрачные мои стремились взоры.
Всегда беспечна, весела,
Она казалась мне мила
Невинностью своей и детской простотою —
Все в ней для глаз моих дышало красотою.
Стыдливость, детский страх, звук трепетный речей,
Ее рука в руке моей

И первый поцелуй дрожащими устами,

И нежное «люблю» вполголоса, с слезами,

Улыбка райская, вид девственный лица,

И все для глаз, для чувств земное совершенство

Могли б вдохнуть небесное блаженство

В стальную грудь темничного жильца,

Могли б разжечь любви опасный пламень,

Но грудь моя была как камень.

О, сколько раз вечернею порой

Она мой кров убогий посещала

И думы гордые, и ропот правый мой

Улыбкой детскою смиряла.

Поблек румянца цвет живой,

Прелестное чело задумчивость покрыла,

И тайная печаль грудь слабую стеснила!

Она жила надеждою одной,

Как срезанный цветок еще живет ро-

сой, —

Родных, забавы, свет для пришлеца забыла

И, к небу взор поднявши свой,

У неба мир душе молила.

Беспечная, зачем ты встретилась со мной?

Зачем ты странника узнала?

Вся жизнь его загадка для тебя,

Ты с тайн его не снимешь покрывала.

Не встретишь с ним ты радостного дня!

И совесть мрачная, преследуя меня,

Душе холодной говорила:

Она живет теперь надеждою одной,

Как срезанный цветок живет еще росой, —

Родных, забавы, свет для пришлеца забыла!

И эта мысль летела вслед за ней

В печальную тайгу, на пажити полей,

Чрез волны быстрые за светлою струею

И в мирный дом ее отца,
Где, бледная, она с растерзанной душою
Молила за меня Творца!
Беспечная, зачем ты странника узнала?
Вся жизнь его загадка для тебя,
Ты с тайн его не снимешь покрывала.
Не встретишь с ним ты радостного дня,
Ты к сердцу не прижмешь дрожащею рукою
Венчального кольца!
И в радости его безмолвного лица
На лоне роскоши не оросишь слезою.

Задумчивый, один повсюду пред собою
Я видел дом ее отца,
Где, бледная, она с растерзанной душою
Молила за меня Творца!
Но я не знал, что пламень потаенный
Давно горел в душе моей,
Я выше был судьбы своей
И весь бледнел пред девою смиренной…

Где ж твой обет, сын праха и земли?
Светильник твой над бездной роковою?
Что ж мрачные твои гаданья прорекли?
Ты дышишь вновь любовию земною!

Она моя, она теперь со мною,
Неразделенное одно!
Ее рука с моей рукою,
Как крепкое с звеном звено!
Она мой путь, как вера, озарила.
Как дева рая и любви,
Она сказала мне отрадное «живи!»
И раны сердца залечила!
Упал с души моей свинец,
Ты мне дала ключи земного рая —
Возьми кольцо, надень венец,
Пойдем вперед, сопутница младая!

1 августа 1829

«Когда ты был младенцем в колыбели…»

Когда ты был младенцем в колыбели
И голосом невинным лепетал,
Кто жизни план младенцу начертал,
Назначил кто твой путь к опасной цели?
В объятиях кормилицы своей
Ты напрягал бессильные ручонки
И с криком разрывал, как цепь, свивальник тонкий!
Кто первый смысл родил в златой душе твоей
О вольности и тяжести цепей?
В объятиях кормилицы твоей
Ты различал неволю от свободы…
И небо ясное любил…
И ненавидел…

⟨***1830***⟩

«Не с болию, но с радостью душевной...»

Не с болию, но с радостью душевной
Прощаюсь я с тобой, листок родной.
Как быстрый взгляд, как мысли бег живой,
Из хижины убогой и смиренной
Лети туда, где был мой рай земной.

Ты был со мной, свидетель жизни мрачной
Изгнанника в суровой сей стране,
Где дни его в безвестной тишине
Текут волной то мутной, то прозрачной.

Здесь берег мой, предел надежд, желаний,
Гигантских дум и суетных страстей;
Здесь новый свет, здесь нет на мне цепей —
И тихий мир, взамену бед, страданий,

Светлеет вновь, как день в душе моей.

Она со мной, подруга жизни новой,
Она мой крест из рук моих взяла,
Рука с рукой она со мной пошла
В безвестный путь – в борьбу с судьбой суровой.

Мой милый друг! Без веры крепкой нет
Небесных благ и с миром примиренья.
В завет любви, и веры, и терпенья
Возьми его. И ангельский привет,
С мольбой в устах, и взор младенца нежный,
Как узнику прекрасный солнца свет,
Блеснул в душе отрадною надеждой.

Я знаю: здесь, в изгнаньи от людей,
Не встречу я живых объятий друга,
Не буду жать руки сестры моей,
Но кроткая и юная супруга,
С дитятею страданий на руках[47],

---

[47] Примечания: 47

Стихи не окончены, ибо дитя мое 8 сентября — умер... *(Примеч. В. Ф. Раевского.)*

Укажет мне улыбкой иль слезою,
Как тяжкий крест терновою стезею
Безропотно нести на раменах…

Сентябрь 1830

Дума

Шуми, шуми, Икаугун[48],
Твой шум глухой, однообразный
Слился в одно с толпою дум,
С мечтой печальной и бессвязной!

Далеко мой стремится взор
Чрез эти снежные вершины,
Гряду гранитных стен и гор,
На отдаленные равнины.

Кто их увидит, кто найдет?
Один орел под облаками…
Для нас здесь неба ясный свод
Закрыт утесами, лесами.

Зачем же ты, пришлец, сменял
Свои прелестные долины
На дикий лес, громады скал,
На эти мрачные теснины?

---

[48] Примечания: 48
Икаугун (ныне Ихэ́-Ухгу́нь) — река на западе Бурятии. *(Примеч. ред.)*

Зачем оставил дом, детей,
Привет их, ласковые взоры
И непритворный смех друзей?
Зачем принес твой ропот в горы?

Не сам ли ты себе сказал,
Любуясь дикою природой:
«Средь этих гор, гранитных скал
Дышу я силой и свободой!»

Ты здесь нашел привет родной
И жизни хилой обновленье;
Ты сам воздвиг сей крест святой
В завет любви и примиренья!

Здесь всё в согласии с душой
Твоею мрачной, своевольной,
Здесь нет людей, ты сам с собой!
Чего ж желаешь, недовольный?

В вершинах гор гремит перун,
Прибрежных скал колебля своды…
Внизу шумит Икаугун,
Ревут его в утесах воды…

Зачем они кипят струей,

Куда, белея пеной снежной,
Как бурей взломанной стезей,
Несут свой шум, разбег мятежный?

Спроси природу – где устав
Для сил надменных и свободы?
Они не знают наших прав, —
Здесь горы, каменные своды

И зимний лед их волю жмут;
С вершин гранитного Саяна
Они летят, они бегут
К брегам привольным океана!

Кто ж остановит вечный бег?
О, сколько власти, воли, силы
Себе присвоил человек,
Пришлец земли, жилец могилы.

Прости, ключ жизни, ключ святой,
С обетом мира и надежды
Пришлец прощается с тобой!
Сын рока, волей неизбежной

Он призван рано в мир страстей…
Прошли темничной жизни годы,

И эти каменные своды
Во тьме две тысячи ночей
Легли свинцом в груди моей.

Текут вперед изгнанья годы,
Все те же солнце и луна,
Такая ж осень и весна.
Все тот же гул от непогоды.

И та же книга прошлых лет,
В ней только прибыли страницы,
В умах все тот же мрак и свет,
Но в драме жизни – жизни нет,
Предмет один, другие лица…

Прости ж, ключ жизни, ключ святой,
Твои я пил целебны воды
И снова жизнью и весной
Дышал, как юный сын природы!

Вдали от света, от людей
Здесь все, как в родине моей,
Светлело южною зарею;
Забилось сердце веселей —
И в темной памяти моей

Минуты счастья прежних дней
Блеснули яркою чертою…

И все вокруг меня цвело,
И думы гордые молчали,
И сон страстей изображали
Уста и бледное чело.

15 августа 1840
Туранские минеральные воды

Предсмертная дума

Меня жалеть?.. О люди, ваше ль дело?
Не вами мне назначено страдать!
Моя болезнь, разрушенное тело —
Есть жизни след, душевных сил печать!

Когда я был младенцем в колыбели,
Кто жизни план моей чертил,
Тот волю, мысль, призыв к высокой цели
У юноши надменного развил.

В моих руках протекшего страницы —
Он тайну в них грядущего мне вскрыл:
И, гость земли, я, с ней простясь, входил,
Как в дом родной, в мои темницы!

И жизнь страстей прошла, как метеор,
Мой кончен путь, конец борьбы с судьбою;

Я выдержал с людьми опасный спор
И падаю пред силой неземною!

К чему же мне бесплодный толк людей?
Пред ним отчет мой кончен без ошибки;
Я жду не слез, не скорби от друзей,
Но одобрительной улыбки!

Ноябрь 1842
Село Олонки

«Мой милый друг, твой час пробил…»

Мой милый друг, твой час пробил,
Твоя заря взошла для света;
Вдали – безвестной жизни мета
И трудный путь для слабых сил.
Теперь в твои святые годы
Явленья чудные природы:
Блеск солнца в радужных лучах,
Светило ночи со звездами
В неизмеримых небесах,
Раскаты грома за горами,
Реки взволнованный поток,
Луга, покрытые цветами,
Огнем пылающий восток…
Зовут твой взор, твое вниманье,
Тревожат чувства и мечты;
Ты дышишь миром красоты,
И мир – твое очарованье!..

Твой век младенческий, как день,
Прошел, погас невозвратимо;

В незрелой памяти, как тень,
Исчезнет жизни след счастливый.
Тебя вскормила в пеленах
Не грудь наемницы холодной —
На нежных матери руках,
Под властью кроткой и природной,
Ты, улыбаясь, взросла.
Ты доли рабской не видала,
И сил души не подавляла
В тебе печальная нужда.
Отец, забывши суд людей,
Ночные думы, крест тяжелый,
Играл, как юноша веселый,
С тобой в кругу своих детей.
И луч безоблачной денницы
Сиял так светло для тебя!
Ты знала только близ себя
Одни приветливые лица,
Не как изгнанника дитя,
Но как дитя отца-счастливца!

И ты узнаешь новый свет,
И ты, мой друг, людей увидишь;

Ты встретишь ласки и привет
И голос странный их услышишь.
Там вечный шумный маскарад,
В нем театральные наряды,
Во всем размер, во всем обряды,
На все судейский строгий взгляд —
Ты не сочтешь смешной игрою,
Торговлей лжи, набором слов,
Поддельной, грубой мишурою
И бредом страждущих голов...
Нет, для тебя блестит, алеет
И дышит мир еще весной,
Твой лик невинный не бледнеет
И не сверкает взор враждой.

А я в твои младые годы
Людей и света не видал...
Я много лет не знал свободы,
Одних товарищей я знал
В моем учебном заключеньи,
Где время шло как день один,
Без жизни, красок и картин,
В желаньях, скуке и ученьи.

Там в книгах я людей и свет
Узнал. Но с волею мятежной,
Как видит бой вдали атлет,
В себе самом самонадежный
Пустил чрез океан безбрежный
Челнок мой к цели роковой.
О друг мой, с бурей и грозой
И с разъяренными волнами
Отец боролся долго твой…
Он видел берег в отдаленьи,
Там свет зари ему блистал,
Он взором пристани искал
И смело верил в Провиденье,
Но гром ударил в тишине…
Как будто бы в ужасном сне
На бреге диком и бесплодном,
Почти безлюдном и холодном,
Борьбой измученный пловец
Себя увидел, как пришлец
Другого мира.
В свете новом,
Своекорыстном и суровом,

С полудня жизни обречен
Нести в молчаньи рабском он
Свой крест без слез, без укоризны,
И не видать своих друзей,
Своих родных, своей отчизны,
И все надежды юной жизни
Изгнать из памяти своей…
О, помню я моих судей,
Их смех торжественный, их лицы
Мрачнее стен моей темницы
И их предательский вопрос:
«Ты людям славы зов мятежный,
Твой ранний блеск, твои надежды
И жизнь цветущую принес,
Что ж люди?»
С набожной мечтою
И с чистой верой – не искал
Я власти, силы над толпою;
Не удивленья, не похвал
От черни я бессильной ждал;
Я не был увлечен мечтою,
Что скажут люди – я не знал!

О добродетель! где ж непрочный
Твой гордый храм, твои жрецы,
Твои поклонники-слепцы
С обетом жизни непорочной?
Где мой кумир и где моя
Обетованная земля?
Где труд тяжелый и бесплодный?
Он для людей давно пропал,
Его никто не записал,
И человек к груди холодной
Тебя, как друга, не прижал!..
Когда гром грянул над тобою —
Где были братья и друзья?
Раздался ль внятно за тебя
Их голос смелый под грозою?
Нет, их раскрашенные лица
И в счастьи гордое чело
При слове казни и темницы
Могильной тенью повело...

Скажи, чем люди заплатили
Утрату сил, души урон
И твой в болезнях тяжкий стон

Какою лаской облегчили?
Какою жертвой окупили
Они твой труд и подвиг твой?
Не ты ль, как мученик святой,
Молил изгнанья, как свободы?
В замену многих тяжких лет
Молил увидеть солнца свет
И не темниц, а неба своды?

И что ж от пламенных страстей,
Надежд, возвышенных желаний,
Мольбы и набожных мечтаний
В душе измученной твоей
Осталось?
Вера в Провиденье,
Познанье верное людей,
Жизнь без желаний, без страстей,
В болезнях сила и терпенье,
Все та же воля, как закон,
Давно прошедшего забвенье
И над могилой сладкий сон!
Вот, друг мой, книга пред тобою
Протекшего. Ты видишь в ней

Мою борьбу с людьми, с судьбою
И жизнь труда, терпенья и страстей.
Не видел я награды за терпенье
И цели я желанной не достиг,
Не встретил я за труд мой одобренья,
Никто не знал, не видел слез моих.
С улыбкой я несу на сердце камень,
Никто, мой друг, его не приподнял,
Но странника везде одушевлял
Высоких дум, страстей заветный пламень.

Печальный сон, но ясно вижу я,
Когда, людей еще облитый кровью,
Я сладко спал под буркой у огня, —
Тогда я не горел к высокому любовью,
Высоких тайн постигнуть не алкал,
Не жал руки гонимому украдкой
И шепотом надежды сладкой
Жильцу темницы не вливал…
Но для слепца свет свыше просиял…
И все, что мне казалося загадкой,
Упрек людей болезненный сказал…

И Бог простил мне прежние ошибки,
Не для себя я в этом мире жил,
И людям жизнь я щедро раздарил…
Не злата их – я ждал одной улыбки.
И что ж они? Как парий, встретил я
Везде одни бледнеющие лица,
И брат, и друг не смел узнать меня;
Но мне блистал прекрасный луч денницы,
Как для других людей;
Я вопрошал у совести моей
Мою вину… она молчала,
И светлая заря в душе моей сияла!..

Бог видел все… Он труд мой освятил…
Он мне детей, как дар святой, заветный,
Как мысль, как цель, как мира ветвь вручил!
Итак, мой друг, я волей безотчетной
И мысль, и цель тебе передаю.
Тот знает их, кто знает жизнь мою.
Я эту жизнь провел не в ликованьи.

Ты видела – на розах ли я спал;
Шесть лет темничною заразою дышал
И двадцать лет в болезнях и в изгнаньи,
В трудах для вас, без меры, выше сил…
Не падаю, иду вперед с надеждой,
Что жизнию тревожной и мятежной
Я вашу жизнь и счастье оплатил…
Иди ж вперед, иди к призванью смело,
Люби людей, дай руку им в пути,
Они слепцы, но, друг мой, наше дело
Жалеть о них и ношу их нести.
Нет, не карай судом и приговором
Ошибки их. Ты знаешь, кто виной,
Кто их сковал железною рукой
И заклеймил и рабством, и позором.

Не верь любви ласкательным словам,
Ни дружества коварным увереньям,
Ни зависти бесчестным похвалам,
Ни гордости униженной – смиренью.
Не доверяй усердию рабов:
Предательство – потребность рабской

доли…

Не преклоняй главы для сильной воли,
Не расточай в толпе бесплодных слов…
Иди вперед… прощай другим пороки,
Пусть жизнь твоя примером будет им,
И делом ты, и подвигом святым
Заставишь чтить и понимать уроки.
Ты мир пройдешь поросшею стезей,
Но не бледней пред тайной клеветою,
Не обличай пред наглою толпою
Борьбу души невольною слезой.
Будь выше ты бессмысленного мненья…
И люди, верь, прочтут с благоговеньем
В глазах твоих спасительный упрек…

Я знаю сам, трудна твоя дорога,
Но радостно по ней идти вперед,
Тебя не звук хвалы кимвальной ждет,
Но милость праведного Бога!..

Когда я в мир заветный отойду,

Когда меня не будет больше с вами,
Не брошу вас, я к вам еще прийду
И внятными знакомыми словами
К отчету вас я строго призову.
От вас мои иль вечные страданья,
Иль вечное блаженство – все от вас.
Исполните надежды и призванье —
И труд земной пройдет как день, как час
Для нераздельного небесного свиданья.

1846 или 1848

В. К. Кюхельбекер

Отчизна

В утренний час бытия, когда еще чувство восторгов,

Чувство страданий живых тихо дремало во мне, —

Ум, погруженный во мрак, не снимал с Природы покрова,

С детской улыбкой еще я на вселенну глядел.

Но и тогда волшебною силой задумчивый месяц

Неизъяснимой красой взоры мои привлекал:

Часто я, ве́чор сидя́ пред окном, исчезал в океане

Неизмеримых небес, в бездне миров утопал.

Игры, бывало, покину: над ропотом вод тихоструйных

Сладкой исполнен тоски, в даль уношуся мечтой, —

Тайна сам для себя, беспечный младе-

нец, я слезы

(Их я причины не знал), слезы священные лил;

В полночь немую на мирном одре предчувствовал вечность;

При колыханьи лесов сладостным хладом объят,

Рано я слушать любил унылую жалобу бури.

Шорох падущих листов трепет во мне разливал;

Слышу, казалося, в воздухе голос знакомый, – безмолвен,

Слух устремляю вдаль, – всюду молчанье, но даль

В тайной беседе со мной. – О сонмы светил неисчетных!

К вам улетал я душой, к вам я и ныне лечу:

Или над вами отчизна моя? над вами с родною

Чистой душой съединен, к Богу любви вознесусь?

1817
Царское Село

К Пушкину и Дельвигу
Из Царского Села

Нагнулись надо мной родимых вязов своды,

Прохлада тихая развесистых берез!

Здесь нам знакомый луг; вот роща, вот утес,

На верх которого, сыны младой свободы,

Питомцы, баловни и Феба и Природы,

Бывало, мы рвались сквозь густоту древес

И слабым ровный путь с презреньем оставляли!

О, время сладкое, где я не знал печали!

Ужель навеки мир души моей исчез

И бросили меня воздушные мечтанья?

Я радость нахожу в одном воспоминанье,

Глаза полны невольных слез!

Увы, они прошли, мои весенни годы!

Но – не хочу тужить: я снова, снова здесь!

Стою над озером, и зе́ркальные воды

Мне кажут холм, лесок, и мост, и берег весь,

И чистую лазурь безоблачных небес!

Здесь часто я сидел в полу́ночном мерцанье,

И надо мной луна катилася в молчанье!

Здесь мирные места, где возвыше́нных муз,

Небесный пламень их и радости святые,

Порыв к великому, любовь к добру впервые

Узнали мы и где наш тройственный союз,

Союз младых певцов, и чистый и священный,

Волшебным навыком, судьбою заключенный,

Был дружбой утвержден!

И будет он для нас до гроба незабвенен!

Ни радость, ни страданье,

Ни нега, ни корысть, ни почестей исканье —

Ничто души моей от вас не удалит!

И в песнях сладостных, и в славе состязанье

Друзей-соперников тесней соединит!

Зачем же нет вас здесь, избранники харит?

Тебя, о Дельвиг мой, поэт, мудрец ленивый,

Беспечный и в своей беспечности счастливый?

Тебя, мой огненный, чувствительный певец

Любви и доброго Руслана,

Тебя, на чьем челе предвижу я венец

Арьоста и Парни, Петрарки и Баяна?[49]

О други! почему не с вами я брожу?

Зачем не говорю, не спорю здесь я с вами,

---

[49] Примечания: 49

Ариосто Лудовико (1474–1533), *Петрарка Франческо* (1303–1374) — итальянские поэты; *Парни Эварист* (1753–1814) — французский поэт. *(Примеч. ред.)*

Не с вами с башни сей на пышный сад гляжу?

Или, сплетясь руками,

Зачем не вместе мы внимаем шуму вод,

Бьющих искрами и пеною о камень?

Не вместе смотрим здесь на солнечный восход,

На потухающий на крае неба пламень?

Мне здесь и с вами все явилось бы мечтой,

Несвязным, смутным сновиденьем,

Все, все, что встретил я, простясь с уединеньем,

Все, что мне ясность, и покой,

И тишину души младенческой отъяло

И сердце мне так больно растерзало!

При вас, товарищи, моя утихнет кровь,

И я в родной стране забуду на мгновенье

Заботы, и тоску, и скуку, и волненье,

Забуду, может быть, и самую любовь!

1818

Греческая песнь[50]

Века шагают к славной цели —
Я вижу их, – они идут!
Уставы власти устарели:
Проснулись, смотрят и встают
Доселе спавшие народы.
О радость! грянул час, веселый час свободы!

Друзья! нас ждут сыны Эллады!
Кто даст нам крылья? полетим!
Сокройтесь горы, реки, грады —
Они нас ждут – скорее к ним!
Услышь, судьба, мои молитвы —
Пошли и мне, пошли минуту первой битвы!

И пусть я первою стрелою
Сражен, всю кровь свою пролью, —
Счастлив, кто с жизнью молодою

---

[50] Примечания: 50

В 1821 г. началась война греков за независимость от Османской империи. *(Примеч. ред.)*

Простился в пламенном бою,
Кто убежал от уз и скуки
И славу мог купить за миг короткой муки.

Ничто, ничто не утопает
В реке катящихся веков —
Душа героев вылетает
Из позабытых их гробов,
И наполняет бардов струны,
И на тиранов шлет народные перуны.

1821

Грибоедову

Увы, мой друг, как трудно совершенство!
И мне его достигнуть ли когда?
Я рано назвал призраком блаженство —
Ужель и дар мой, и восторг мечта?

А если нет, избегну ли забвенья?
Не схватит ли меня, до достиженья,
Когда уже мне видится венок,
В средине самой моего теченья
Неумолимый рок?

Жилец возвышенного мира,
Я вечно буду чужд земных цепей.
Но, ах! меня спасет ли лира?
Избегну ли расставленных сетей?
Как мне внизу приметить гнусных змей?
Быть может, их нога моя попрала,
И уж острят убийственные жала!

Но ты, ты возлетишь над песнями толпы!

Тебе дарованы, Певец, рукой судьбы

Душа живая, пламень чувства,

Веселье светлое и тихая любовь,

Златые таинства высокого искусства

И резво-скачущая кровь!

О! если я сойду к брегам туманной Леты

Как неизвестная, немая тень, —

Пусть образ мой, душой твоей согретый,

Еще раз узрит день! —

Я излечу на зов твой из могилы,

Развью раскованные крилы,

К златому солнцу воспарю —

И жадно погружусь в бессмертную зарю!

1821
Тифлис

К Пушкину

Мой образ, друг минувших лет,
Да оживет перед тобою!
Тебя приветствую, Поэт!
Одной постигнуты судьбою,
Мы оба бросили тот свет,
Где мы равно терзались оба,
Где клевета, любовь и злоба
Размучили обоих нас!
И не далек, быть может, час,
Когда при черном входе гроба
Иссякнет нашей жизни ключ;
Когда погаснет свет денницы,
Крылатый, бледный блеск зарницы,
В осеннем небе хладный луч!
Но се – в душе моей унылой
Твой чудный Пленник[51] *повторил*
Всю жизнь мою волшебной силой

---

[51] Примечания: 51

Имеется в виду поэма А. С. Пушкина «Кавказский пленник». *(Примеч. ред.)*

И скорбь немую пробудил!
Увы! как он, я был изгнанник,
Изринут из страны родной
И рано, безотрадный странник,
Вкушать был должен хлеб чужой!
Куда, преследован врагами,
Куда, обманут от друзей,
Я не носил главы своей,
И где веселыми очами
Я зрел светило ясных дней?
Вотще в пучинах тихоструйных
Я в ночь, безмолвен и уныл,
С убийцей-гондольером плыл[52],
Вотще на поединках бурных
Я вызывал слепой свинец:
Он мимо горестных сердец
Разит сердца одних счастливых!
Кавказский конь топтал меня,
И жив в скалах тех молчаливых

---

[52] Примечания: 52

Отправляясь из Виллафранки в Ниццу морем, в глухую ночь, я подвергся было опасности быть брошенным в воды. *(Примеч. В. К. Кюхельбекера.)*

Я встал из-под копыт коня!
Воскрес на новые страданья,
Стал снова верить в упованье,
И снова дикая любовь
Огнем свирепым сладострастья
Зажгла в увядших жилах кровь
И чашу мне дала несчастья!
На рейнских пышных берегах,
В Лютеции[53]*, в столице мира,*
В Гесперских радостных садах[54]*,*
На смежных небесам горах,
О коих сладостная лира
Поет в златых твоих стихах,
Близ древних рубежей Персиды[55]*,*
Средь томных северных степей —
Я был добычей Немезиды,
Я был игралищем страстей!

---

[53] Примечания: 53

Лютеция — древнее поселение на месте современного Парижа. *(Примеч. ред.)*

[54] Примечания: 54

Гесперия — название Испании у древних греков. *(Примеч. ред.)*

[55] Примечания: 55

Персида — поэтическое название Персии. *(Примеч. ред.)*

Но не ропщу на провиденье:
Пусть кроюсь ранней сединой,
Я молод пламенной душой;
Во мне не гаснет вдохновенье,
И по нему, товарищ мой,
Когда, средь бурь мятежной жизни,
В святой мы встретимся отчизне,
Пусть буду узнан я тобой.

Апрель – май 1822

⟨Вяземскому⟩

Когда, воспрянув ото сна,
Воздвиглась, обновясь, Эллада
И вспыхла чудная война,
Рабов последняя ограда;
Когда их цепи пали в прах
И обуял крылатый страх
Толпу свирепых отоманов,
Толпу союзных им тиранов,
Гнетущих вековым жезлом
Немые Запада народы,
Казнящих ссылкой и свинцом
Возвышенных сынов Свободы, —
С Секванских[56] *слышал я брегов*
Ваш клич, воскресшие герои,
Ваш радостный я слышал зов,
О вы, торжественные бои!
Хватая в нетерпеньи меч,

---

[56] Примечания: 56
Секвана — античное название реки Сены. *(Примеч. ред.)*

Я думал: там средь дивных сеч
Найду бессмертную кончину!
Но мне унылую судьбину
Послал неумолимый рок:
Мой темный жизненный поток
Безвестный потечет в истленье;
Увы, меня пожрет Забвенье!
А разве сохранит певца
Отважный голос упованья,
Мой стих, гремевший из изгнанья,
Разивший гордые сердца!
Развейся же, святое знамя,
Играй в воздушных высотах!
Не тщетное дано мне пламя;
Я волен даже и в цепях!
Чистейший жар в груди лелея,
Я ударяю по струнам;
Меня надзвездный манит храм —
Воссяду ли, счастливец, там

Близ Пушкина и близ Тиртея?[57]

1823

[57] Примечания: 57

Тиртей — греческий поэт VII в. до н. э. По преданию, хромой учитель, стихами воодушевивший спартанцев на победоносное сражение. *(Примеч. ред.)*

Тень Рылеева

В ужасных тех стенах, где Иоанн[58],
В младенчестве лишенный багряницы,
Во мраке заточенья был заклан
Булатом ослепленного убийцы, —
Во тьме, на узничном одре, лежал
Певец, поклонник пламенный свободы.
Отторжен, отлучен от всей природы,
Он в вольных думах счастия искал.
Но не придут обратно дни былые:
Прошла пора надежд и снов,
И вы, мечты, вы, призраки златые, —
Не позлатить железных вам оков!
Тогда (то не был сон) во мрак темницы
Небесное видение сошло —
Раздался звук торжественной цевницы, —
Испуганный певец подъял чело:

---

[58] Примечания: 58

Имеется в виду Иоанн Антонович (1740–1764), император-младенец, свергнутый с престола Елизаветой Петровной и заключенный в Шлиссельбургской крепости. *(Примеч. ред.)*

На облаках несомый,
Явился образ, узнику знакомый.
«Несу товарищу привет
Из той страны, где нет тиранов,
Где вечен мир, где вечный свет,
Где нет ни бури, ни туманов.
Блажен и славен мой удел:
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел,
Воспел и умер за свободу!
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле родимой кровью —
И ты, я знаю, пламенел
К отчизне чистою любовью.
Грядущее твоим очам
Разоблачу я в утешенье —
Поверь, не жертвовал ты снам:
Надеждам будет исполненье!»
Он рек – и бестелесною рукой
Раздвинул стены, растворил затворы, —
Воздвиг певец восторженные взоры —

И видит: на Руси святой
Свобода, счастье и покой.

1827

Ночь

Ночь, – приди, меня покрой
Тишиною и забвеньем,
Обольсти меня виденьем,
Отдых дай мне, дай покой!

Пусть ко мне слетит во сне
Утешитель мой ничтожный,
Призрак быстрый, призрак ложный,
Легкий призрак милых мне!

Незабвенных, дорогих
Наслажуся разговором:
Повстречаюся с их взором,
Уловлю улыбку их!

Предо мной моя семья:
Позабыты все печали,
Узы будто не бывали,
Будто не в темнице я!

⟨***1828***⟩

Луна

Тебя ли вижу из окна
Моей безрадостной темницы,
Златая, ясная луна,
Созданье Божией десницы?

Прими же скорбный мой привет,
Ночное мирное светило!
Отраден мне твой тихий свет:
Ты мне всю душу озарило.

Так, может быть, не только я,
Страдалец, узник в мраке ночи, —
Быть может, и мои друзья
К тебе теперь подъемлют очи!

Быть может, вспомнят обо мне;
Заснут, – с молитвою, с любовью
Мой призрак в их счастливом сне
Слетит к родному изголовью,

Благословит их… но когда
На своде неба запылает

Передрассветная звезда —
Мой призрак, будто пар, растает.

⟨***1828***⟩

Смерть

Не в блеске алого сиянья
Мой Гений предо мной стоит;
Его суров и важен вид,
Не радостны его вещанья;
Я слышу, слышу прорицанья:
Он мне о смерти говорит.

Но что же смерть? покой ли вечный?
Ночь? без рассвета темнота?
Всех чувств, всех мыслей немота?
Полет ли к жизни бесконечной?
Увы! мой Гений быстротечный,
Твои безмолвствуют уста!

Не указуй перстом на землю,
Но да воздвигнешь светлый взор
К звездам далеким, высше гор!
К тебе молящий вопль подъемлю:
Пусть слову утешенья внемлю!
Вступлю ли в ангельский собор?

Так! я изыду из могилы,
Бесплотным приобщусь духам;
К моим бесплотным раменам
Прильнут сияющие крилы;
Исполненный бессмертной силы,
Помчусь в перунах к небесам!

Здесь тьмой душа моя одета;
Но, будто дальной церкви звон,
И здесь сквозь тайный, вещий сон
Гул слышу райского привета:
Я погружусь в то море света,
Которому источник Он!

⟨***1828***⟩

Ветер

Слышу стон твой, ветер бурный!
Твой унылый, дикий вой:
Тьмой ненастной свод лазурный,
Черным саваном покрой!

Пусть леса, холмы и долы
Огласит твой шумный зык!
Внятны мне твои глаголы,
Мне понятен твой язык.

Из темницы безотрадной
Преклоняю жадный слух:
За тобою, ветер хладный,
Рвется мой стесненный дух!

Ветер! ветер! за тобою
К необъятной вышине
Над печальной мглой земною
В даль бы понестися мне!

Был бы воздух одеянье,
Собеседник – Божий гром,

Песни – бурей завыванье,
Небо – мой пространный дом.

Облетел бы круг вселенной,
Только там бы отдохнул,
Где семьи, мне незабвенной,
Речи вторит тихий гул;

Среди летней светлой ночи,
У часовни той простой,
Им бы там мелькнул я в очи,
Где почиет их родной!

К милым я простер бы руки,
Улыбнулся бы, исчез,
Но знакомой лиры звуки
Потрясли бы близкий лес.

⟨***1829***⟩

Памяти Грибоедова

Когда еще ты на земле
Дышал, о друг мой незабвенный!
А я, с тобою разлученный,
Уже страдал в тюремной мгле, —
Почто, виденьем принесенный,
В отрадном, благодатном сне
Тогда ты не являлся мне?
Ужели мало, брат мой милый,
Я, взятый заживо могилой,
Тоскуя, думал о тебе?
Когда в боязненной мольбе
Слова в устах моих коснели,
Любезный образ твой ужели
Без слез, без скорби звал к себе?
Вотще я простирал объятья,
Я звал тебя, но звал вотще;
Бессильны были все заклятья,
Ты был незрим моей мечте.
Увы мне! только раз единый

Передо мной полночный мрак
Воззвал возлюбленный призрак —
Не в страшный ль час твоей кончины?
Но не было глубоких ран,
Свидетелей борьбы кровавой,
На теле избранного славой
Певца, воспевшего Иран[59]
И – ах! – сраженного Ираном! —
Одеян не был ты туманом,
Не искажен и не уныл,
Не бледен… Нет, ты ясен был:
Ты был в кругу моих родимых,
Тобой незнанных, но любимых,
Тебя любивших, не видав.
В виденьи оной вещей ночи
Твои светлее были очи,
Чем среди смехов и забав,
В чертогах суеты и шума,
Где свой покров нередко дума

---

[59] Примечания: 59

Относится к поэме Грибоедова, схожей по форме своей с Чайлдом-Гарольдом; в ней превосходно изображена Персия. Этой поэмы, нигде не напечатанной, не надобно смешивать с драмой, о которой упоминает Булгарин. *(Примеч. В. К. Кюхельбекера.)*

Бросала на чело твое, —
Где ты прикрыть желал ее
Улыбкой, шуткой, разговором…
(Но дружбе взор орлиный дан:
Великодушный твой обман
Орлиным открывала взором.)
Так! мне однажды только сон
Тебя представил благотворный;
С тех пор, суровый и упорный,
Отказывал мне долго он
Привлечь в обитель испытанья
Твой дух из области сиянья.
И между тем мои страданья
Копились и росли. – Но вдруг
Ты что-то часто, брат и друг,
Златую предваря денницу,
Спускаться стал в мою темницу.
Или зовешь меня туда,
Где ты, паря под небесами,
Ликуешь с чистыми духами,
Где вечны свет и красота,
В страну покоя над звездами?

Или же (много я любил!)
Те, коих взор и в самом мраке,
Как луч живительных светил,
Как дар былого, я хранил,
Все, все в твоем слиялись зраке?

1829

Брату

Повсюду вижу Бога моего:
Он чад своих отец и не покинет,
Нет! не отвергнет никогда того,
В ком вера в Милосердого не стынет.

Господь – мой Бог на суше и водах,
И в шумном множестве, в мирском волненьи,
И в хижине, и в пышных теремах,
И в пристани души – в уединеньи.

Нет места, коего лучом Своим
Не озарял бы Он, Повсюдусущий;
Нет мрака, нет затменья перед Ним:
Всем близок Благостный и Всемогущий.

Он близок: я уже Его узнал
И здесь, в глухих стенах моей темницы,
И здесь, среди седых, угрюмых скал,
Меня покрыла сень Его десницы.

Он близок, близок и тебе, мой друг!
К Нему лети на крыльях упованья;
Его услышишь в самом гласе вьюг
И у́зришь в льдинах твоего изгнанья!

1831

Сонеты
1
Рождество

Сей малый мир пред оными мирами,
Которые бесчисленной толпой
Парят и блещут в тверди голубой,
Одна пылинка; мы же – что мы сами?

Но солнцев сонм, катящихся над нами,
Вовеки на весах любви святой
Не взвесит ни одной души живой;
Не весит вечный нашими весами.

Ничто вселенна пред ее Творцом;
Вещал же так Творец и Царь вселенной:
«Сынов Адама буду Я отцом;
Избавлю род их, смертью уловленный, —
Он не погибнет пред Моим лицом!» —
И Бог от Девы родился смиренной.

2 января 1832

2
Пасхальный первый

Меня беды и скорби посещали
От дней младенчества до седины;
Я, наконец, и горе, и печали
Так встречу, как утес напор волны.

Но что – хулы меня ли взволновали?
Все чувства чем во мне возмущены?
Слуга Христов, бесславлен миром, я ли
Лишился вдруг сердечной тишины?

Кто я? ничтожный грешник! А чудесный,
Божественный, Господь, владыка сил,
Явился ли, одетый в блеск небесный?
Нет! в прахе Он, светлейший всех светил,
Он в низости окончил путь Свой тесный
И дух на древе срама испустил!

3 марта 1832

3
Пасхальный второй

«Почто я не перунами владею
И грянуть не могу велеть громам?
Нет! не стерплю: коварному злодею,
Ковавшему погибель мне, воздам!» —

Так, пьян от мести, рьян и шумен ею,
Свирепым, адским жертвуя духам,
О Боже мой! пред благостью Твоею
Возносит грешник вопли к небесам.

Но Тот, который с самого созданья
Единый был безвинен пред Тобой,
Приял неизреченные страданья,
А весь, исполненный любви святой:
«Отец Мой, отпусти им грех незнанья!» —
Молился за объятых слепотой.

4 марта 1832

4
Магдалина у Гроба Господня

Мария, в тяжкой горести слепая,
Назвала вертоградарем Того,
Кто, гроб покинув, ей вещал: «Кого
Здесь в гробе ищешь, плача и рыдая?»

И отвечала: «Тела не нашла я…
Ах! Господа отдай мне Моего!»
Но вдруг Он рек: «Мария!» – и Его
В восторге узнает жена святая…

Не так ли, больший, чем она, слепец,
Взывал я, с Промыслом Всевышним споря:
«Почто меня оставил мой Творец?»
А Ты – Ты был со мной и среди горя!
Я утопал, но за руку, Отец,
Ты удержал меня над бездной моря.

6 марта 1832

5
Вознесение

Божественный на Божием престоле;
Христос на небо, высше всех светил,
В Свое отечество, туда, отколе
Сошел на землю, в славе воспарил.

Своих же не покинул Он в неволе,
Их не оставил в узах темных сил;
Нет! слабых их и трепетных дотоле
Неколебимым сердцем одарил.

И всех стремящихся к Его святыне,
Горé на крыльях душ Ему вослед,
Он свыше укрепляет и поныне:
Им песнь Эдема слышится средь бед,
Средь бурь, в юдоли слез, в людской пустыне,
И так вещает: «Близок день побед!»

19 мая 1832

Измена вдохновения

Итак, опять мелькнул ты предо мною,
Итак, опять меня обворожил:
И льняных кудрей шумною рекою,
И радужным мерцаньем легких крыл,
И взором, в коем блеск златых светил,
Катящихся над твердью голубою!
К тебе бросаюсь жадною душою,
К тебе, прекрасный гость мой, Исфраил![60]

Сойди же, вестник дивный, вожделенный,
Давно желанный, из страны чудес!
Но что? – туманом жадным поглощенный,
Ужели в серой бездне ты исчез?
Увы! там дебрь и холод, мрак и лес,
Где цвел эдем, тобою насажденный;
Там, где жемчу́г дробился оживлен-

[60] Примечания: 60
Исфраил — ангел поэзии в персидской мифологии. *(Примеч. ред.)*

ный,
Там жажду ждет один нагой утес.

И вот! сдается, в глубине воздушной,
Отколе гулы рая ты свевал
Мне на душу, моим мольбам послушный, —
Там дикий хохот вдруг задребезжал;
И чудится: из-за угрюмых скал,
Из-под покрова мглы густой и душной,
Насмешкой злобной на привет радушный
Мне кто-то адским взором засверкал.

Между августом и ноябрем 1832

Возврат вдохновения

Не до конца меня покинул ты…
Увы! я унывал, я таял.
«Сокрылися, исчезли, – так я чаял, —
Живившие меня мечты;
Огонь небесный вдохновенья
Потух, потух в моей груди,
Уж светлый ангел песнопенья
По радужному не слетит пути,
Болезней сердца исцелитель,
В мою печальную обитель».
И я душою пал и к жизни охладел.
И ждал и думал: «Скоро ли предел
Моих увядших дней?» – Но милосердый, вечный!
Услышал Ты мой стон сердечный;
Ты ведаешь: еще я слаб;
Еще земных страстей, мирских желаний раб;
Твоя, Всевышний, благодать

Еще не блещет надо мною…
Божественную звать, искать,
О ней в слезах молиться не устану;
А ныне… не Исраилю ли манну,
Отец, Создатель, Боже мой,
Так точно Ты послал в безжизненной пустыне,
Как был Тобой мне послан ныне
Мой утешитель временной?
Он пестун мой, он с самой колыбели
Меня в объятия приял:
Уста младенца приучал к свирели,
Растил меня, не покидал
Нигде питомца: обитал со мною
Над зеркальной, широкою Невою;
Со мною странствовал среди Кавказских скал;
Являлся мне с улыбкою и думой
На высоте суровой и угрюмой
Надоблачных, покрытых льдами гор;
Сияньем сладостной лазури

Живил и упоял в Гесперии[61] *мой взор;*
На севере ж вещал мне в воплях бури
И в жалобе взволнованных лесов…
Он мне не изменил единый
Ни под ударами неистовых врагов,
Ни под тяжелым бременем кручины…
И что же? наконец и он
Исчез, казалось, как ничтожный сон;
Казалось, он махнул воздушными крылами,
Взвился, исчез за облаками,
Меня покинул и – навек!
Я застонал, мне душу мрак облек…
Ах! кто такие испытал утраты,
Какие суждено мне было испытать,
Чьи лучшие надежды все пожаты,
Тот может ли не трепетать,
Когда последнее в страданьях утешенье
С ним расстается навсегда?
Но маловерье – слепота:

---

[61] Примечания: 61
Гесперия — см. примеч. к с. 266. *(Примеч. ред.)*

Ты, дивный в чудесах! приял мое моленье;
Ты щедр и благостен, Ты весь любовь;
Ты рек – и возвратился вновь
В мою расцветшую обитель
Болезней сердца исцелитель.
Нет! не потух в моей груди
Огонь небесный вдохновенья:
Опять, опять по светлому пути
Ко мне слетает ангел песнопенья.

11 ноября 1832

Море сна

Мне ведомо море, седой океан:
Над ним беспредельный простерся туман.
Над ним лучезарный не катится щит;
Но звездочка бледная тихо горит.

Пускай океана неведом конец,
Его не боится отважный пловец;
В него меня манит незанятый блеск,
Таинственный шепот и сладостный плеск,

В него погружаюсь один, молчалив,
Когда настает полуночный прилив,
И чуть до груди прикоснется волна,
В больную вливается грудь тишина.

И вдруг я на береге – будто знаком!
Гляжу и вхожу в очарованный дом:
Из окон мне милые лица глядят,
И речи приветные слух веселят.

Не милых ли сердцу я вижу друзей,
Когда-то товарищей жизни моей?
Все, все они здесь! удержать не могли
Ни рок их, ни люди, ни недра земли!

По-прежнему льется живой разговор;
По-прежнему светится дружеский взор…
При вещем сиянии райской звезды
Забыта разлука, забыты беды.

Но ах! пред зарей наступает отлив —
И слышится мне неотрадный призыв…
Развеялось все – и мерцание дня
В пустыне глухой осветило меня.

1832

Родство со стихиями

Есть что-то знакомое, близкое мне
В пучине воздушной, в небесном огне;
Звезды полуночной таинственный свет
От духа родного несет мне привет.

Огромную слышу ли жалобу бурь,
Когда умирают и день и лазурь,
Когда завывает и ломится лес, —
Я так бы и ринулся в волны небес.

Доне́льзя постыли мне тина и прах;
Мне там в золотых погулять бы порах;
Туда призывают и ветер и гром,
Перун прилетает оттуда послом.

Туман бы распутать мне в длинную нить,
Да плащ бы широкий из сизого свить,
Предаться бы вихрю несытой душой,
Средь туч бы летать под безмолвной луной!

Все дале и дале, и путь бы простер
Я в бездну, туда, за сафирный шатер!
О! как бы нырял в океане светил!
О! как бы себя по вселенной разлил!

1834

Он есть

Он есть! – умолкни, лепетанье
Холодных, дерзостных слепцов!
Он есть! – я рук Его созданье;
Он Царь и Бог Своих миров;
В Нем жизнь, и свет, и совершенство;
Благоговеть пред Ним блаженство,
Блаженство называть Творца
Священным именем Отца.

«Не рвися думой за могилу:
Дела! дела! – вот твой удел!
Опрись о собственную силу,
Будь тверд, и доблестен, и смел!
Уверен ты в себе едином:
Так из себя все почерпай, —
И мира будешь властелином,
И обретешь в себе свой рай».

Денницы[62] *падшего ученье!*

---

[62] Примечания: 62
Здесь: *Денница* — одно из имен дьявола. *(Примеч. ред.)*

Слиянье истины и лжи!
Мудрец! – я есмь в сие мгновенье;
А был ли прежде? – мне скажи!
Теперь я мыслю, – а давно ли?
И стал я от своей ли воли?
И как из недр небытия
Вдруг просияло это я?

«Владей страстьми!» – брось лицемерье,
Поведай: радость и печаль,
Любовь и гнев, высокомерье,
И страх, и зависть ты всегда ль
Смирял успешно? Крови пламень
Тушил всегда ли? – Я… не камень:
Бывал я высше суеты,
Но помощию с высоты.

Пусть ум не постигает Бога:
Что нужды? – вижу я Его:
Там среди звездного чертога,
Здесь в глуби сердца моего
И в чудесах моей судьбины!
Так буду жить я без кончины

Неразрушимым бытием.
Могущий, вечный, – но о Нем!

Он недоступен для гордыни,
Он тайна для очей ума;
Блеснуть был должен луч святыни,
Чтобы расторглась наша тьма:
И се блеснул! Я вести внемлю:
Всевышний Сам сошел на землю;
Отец духов, владыка сил,
Бог в Сыне нам Себя явил.

4–5 января 1835

Росинка
(Притча)

Сон побежденный
С выси янтарной
Канул за лес:
Шар лучезарный,
Око вселенной,
Сердце небес,
Всходит и – пало
Тьмы покрывало,
Сумрак исчез.

С синего свода
Токи ли злата
Льются на мир?
С ложа подъята,
Встала Природа,
Села за пир;
Пышет и блещет,
Жизнью трепещет
Легкий эфир.

Сладостный пламень
Горней пучины
Всюду горит:
Холмы, долины,
Море и камень
Мощный живит;
Твердью ли стала
Капля кристалла?
В ней его щит:

В лоне росинки,
Малой, дрожащей
(Дунешь и – нет!),
Чуть тяготящей
Чашу былинки, —
Слава и свет,
Трон исполина,
Зрак властелина
Дней и планет!

С ясной лазури
Солнце вещало:
«Хляби! валы!

Мне ли зерцало
Пленники бури,
Узники мглы?
Дики, свирепы,
Рвите заклепы,
Рушьте скалы!

Капле смиренной
Вас ли, мятежных,
Я предпочту?
С стран безрубежных
К черни надменной,
К вам, в темноту,
В бездну, где грохот,
Скрежет и хохот,
В ад ли сойду?»

Благостный, вечный,
Дивный не в шуме,
Бог не в грозе;
Нет! – в тихой думе,
В глуби сердечной,
В чистой слезе,

В скорби незлобной, —
В деве, подобной
Чистой росе.

16 февраля 1835

19 октября[63]

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В средине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушимых сил!
Блажен! Лицо его, всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая эдемская заря.

А я один средь чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могилой,
Над мрачным гробом всех моих друзей.
В тот гроб бездонный, молнией сраженный,
Последний пал родимый мне поэт…

---

[63] Примечания: 63

19 октября 1811 г. был открыт Царскосельский лицей. Каждый год лицеисты отмечали эту дату. *(Примеч. ред.)*

И вот опять Лицея день священный;
Но уж и Пушкина меж вами нет.

Не принесет он новых песней вам,
И с них не затрепещут перси ваши,
Не выпьет с вами он заздравной чаши;
Он воспарил к заоблачным друзьям.
Он ныне с нашим Дельвигом пирует;
Он ныне с Грибоедовым моим:
По них, по них душа моя тоскует;
Я жадно руки простираю к ним!

Пора и мне! Давно судьба грозит
Мне казней нестерпимого удара:
Она того меня лишает дара,
С которым дух мой неразрывно слит.
Так! перенес я годы заточенья,
Изгнание, и срам, и сиротство;
Но под щитом святого вдохновенья,
Но здесь во мне пылало божество!
Теперь пора! Не пламень, не перун
Меня убил; нет, вязну средь болота,
Горою давят нужды и забота,

И я отвык от позабытых струн.
Мне ангел песней рай в темнице душной
Когда-то созидал из снов златых;
Но без него не труп ли я бездушный
Средь трупов, столь же хладных и немых?

1838

Тени Пушкина

Итак, товарищ вдохновенный,
И ты! – а я на прах священный
Слезы не пролил ни одной:
С привычки к горю и страданьям
Все высохли в груди больной.
Но образ твой моим мечтаньям
В ночах бессонных предстоит,
Но я тяжелой скорбью сыт,
Но, мрачный, близ жены мне милой
И думать о любви забыл…
Там мысли, над твоей могилой!
Смолк шорох благозвучных крыл
Твоих волшебных песнопений,
На небо отлетел твой гений;
А визги желтой клеветы
Глупцов, которые марали,
Как был ты жив, твои черты,
И ныне, в час святой печали,
Бездушные, не замолчали!

Гордись! Ей-богу, стыд и срам
Их подлая любовь! – Пусть жалят!
Тот пуст и гнил, кого все хвалят;
За зависть дорого я дам.
Гордись! Никто тебе не равен,
Никто из сверстников-певцов:
Не смеркнешь ты во мгле веков, —
В веках тебе клеврет Державин.

24 мая 1837

Брату

Минули же и годы заточенья;
А думал я: конца не будет им!
Податели молитв и вдохновенья,
Они парили над челом моим,
И были их отзывы песнопенья.
И что ж? обуреваем и томим
Мятежной грустию, слепец безумный,
Я рвался в мир и суетный, и шумный.

Не для него я создан: только шаг
Ступить успел я за священный праг
Приюта тихих дум – и уж во власти
Глухих забот, и закипели страсти,
И дух земли, непримиримый враг
Небесного, раздрал меня на части:
Затрепетали светлые мечты
И скрылися пред князем темноты.

Мне тяжела, горька мне их утрата
(Душа же с ними свыклась, жизнь срослась) —

Но пусть! – я и без них любовью брата
Счастлив бы был; с ним вместе, не страшась,
Вступил бы я в борьбу – и сопостата
Мы побороли бы; нет, дружных нас
Не одолел бы! – Может быть, и лира
Вновь оживилась бы на лоне мира!

О! почему, неопытный борец,
Рукой неосторожной грудь родную
Я сжал и ранил? – пусть восторжествую,
Пусть и возьму столь лестный мне венец, —
Ах! лучше бы я положил, певец,
Забытый всеми, голову седую
В безвестный темный гроб, чем эту грудь
И без того больную оттолкнуть!

Где время то, когда, уединенный,
К нему я вдаль объятья простирал,
Когда и он, любовью ослепленный,
Меня к себе под кров свой призывал?

Я наконец перешагнул Урал,
Перелетел твой лед, Байкал священный;
И вот свою суровую судьбу
Я внес в его смиренную избу!

Судьбу того, кто с самой колыбели
Был бед звездою всем своим друзьям...
За них подъемля руки к небесам,
Моляся, чтобы скорби пролетели
Над милыми, – сердца их я же сам,
Бывало, растерзаю! Охладели,
Заснули многие; ты не отъят,
Ты мне один остался, друг и брат!

А между тем... Покинем и забудем,
Забудем бури, будто злые сны!
Не станем верить ни страстям, ни людям:
Оставь мне, отпусти мои вины;
Отныне в жизни неразлучны будем!
Ведь той же матерью мы рождены.
Сотрем все пятна с памятной скрижали;

Все пополам: и радость, и печали!

3 сентября 1837
Баргузин

Аргунь[64]

Еще одну я к тем рекам причислил,
Которых берег я, скиталец, посетил, —
И там с утратою своих сердечных сил
Терзался и молчал, но чувствовал, но мыслил.
Разлуку вечную предвидел, – но любил.
Да! вот и эти дни, как призрак, пролетели!
До гроба ли ты будешь молодым,
Мучитель-сердце? – Ты скажи: ужели
Всегда блуждать, стремясь к недостижимой цели,
Твоим желаниям несытым и слепым?
Любить и мыслить... Почему ж не может
Не мыслить, не любить душа моя?
Какой ее злой дух без устали тревожит —

---

[64] Примечания: 64
Аргунь — одна из двух рек, образующих Амур. *(Примеч. ред.)*

И хочет, и велит, чтоб вечно тратил я?

Увы! с последним другом расставанье!

По крайней мере без пятна

Хоть это сбережет воспоминанье

И чувств, и дум моих скупая глубина.

Прими же, о Аргунь, мое благословенье!

Ты лучше для меня, чем пасмурный Онон[65]*:*

И там мне было разлученье;

Но перед тем меня прельщал безумный сон

И чуть не умертвило пробужденье.

30 ноября 1842

[65] Примечания: 65

Онон — правая составляющая Шилки, второй реки, образующей Амур. *(Примеч. ред.)*

Марии Николаевне Волхонской

Людская речь пустой и лицемерный звук,
И душу высказать не может ложь искусства:
Безмолвный взор, пожатье рук —
Вот переводчики избытка дум и чувства.
Но я минутный гость в дому моих друзей,
А в глубине души моей
Одно живет прекрасное желанье:
Оставить я хочу друзьям воспоминанье.
Залог, что тот же я,
Что вас достоин я, друзья…
Клянуся ангелом, который
Святая, путеводная звезда
Всей вашей жизни: на восток, сюда,
К ней стану обращать трепещущие взоры

Среди житейских и сердечных бурь, —
И прояснится вдруг моя лазурь,
И дивное сойдет мне в перси утешенье,
И силу мне подаст, и гордое терпенье.

29 марта 1845
Курган

Участь русских поэтов

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию:
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен...
Стянула петля дерзостную выю.

Не он один; другие вслед ему,
Прекрасной обольщенные мечтою,
Пожалися годиной роковою...
Бог дал огонь их сердцу, свет уму.
Да! чувства в них восторженны и пылки;
Что ж? их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...

Или болезнь наводит ночь и мглу
На очи прозорливцев вдохновенных;
Или рука любезников презренных
Шлет пулю их священному челу;

Или же бунт поднимет чернь глухую,

И чернь того на части разорвет,
Чей блещущий перунами полет
Сияньем о́блил бы страну родную.

1845

⟨Святому Димитрию Ростовскому⟩

Я часто о тебе с друзьями говорю,
Я привлечен к тебе таинственным влеченьем;
В незаходимую ты погружен зарю,
Но близок ты ко мне любовью и жаленьем.

Угодник Господа! Какая связь, скажи,
Между тобою, муж, увенчанный звездами,
И мною, узником грехов, и зол, и лжи,
Вдрожь перепуганным своими же делами.

К тебе влекуся, но – и ты влеком ко мне…
Ужели родственны и впрямь-то души наши
И ты скорбишь в своей надзвездной вышине,

Что я, твой брат, пью жизнь из отравлённой чаши?

20 ноября 1845

Усталость

Мне нужно забвенье, нужна тишина:
Я в волны нырну непробудного сна,
Вы, порванной арфы мятежные звуки,
Умолкните, думы, и чувства, и муки.

Да! чаша житейская желчи полна;
Но выпил же эту я чашу до дна, —
И вот опьянелой, больной головою
Клонюсь и клонюсь к гробовому покою.

Узнал я изгнанье, узнал я тюрьму,
Узнал слепоты нерассветную тьму
И совести грозной узнал укоризны,
И жаль мне невольницы милой отчизны.

Мне нужно забвенье, нужна тишина

. . . . . .

Ноябрь 1845

Слепота

Льет с лазури солнце красное
Реки светлые огня.
День веселый, утро ясное
Для людей – не для меня!

Все одето в ночь унылую,
Все часы мои темны, —
Дал Господь жену мне милую,
Но ⟨не⟩ вижу и жены.

Слышу крики ликования,
Шум и смех моих детей…
Ах, ответ мой – стон страдания:
Нет их для моих очей!

Так бы и нырнул я в чтение,
Им бы душу освежил, —
Но мой жребий ведь затмение;
Нет мне никаких светил!

Жизнь моя едва колышется,
В тяжком изнываю сне…

Счастлив, если хоть послышится
Шаг царицы песней мне!

3 февраля 1846

Сонет

«Опомнись! долго ли? приди в себя и встань

За искру малую чуть тлеющейся веры,

Я милосерд к тебе был без цены и меры,

К тебе и день и ночь протягивал Я длань…

Не думаешь вступать с самим собою в брань;

Не подняли тебя бойцов Моих примеры, —

Ты спишь под лживые стихов своих размеры,

Приносишь ты и Мне, но и Ваалу дань.

Чтоб разлучить тебя с греховной суетою,

Чтоб духу дать прозреть, Я плоть поверг во тьму

Я посетил тебя телесной слепотою».

Он рек – и внемлю я Владыке своему…

О да, служу умом, и чувством, и меч-

тою,
И песнями души единому Ему!

22 февраля 1846

«Да! ровно через год мы свиделись с тобою...»

Да! ровно через год мы свиделись с тобою,

Но, друг и брат, тогда под твой приветный кров

Вступил я полн надежд, и весел, и здоров —

Теперь, измученный и телом, и душою,

Беспомощным, больным, трепещущим слепцом

Поник я под своим страдальческим венцом

И смерти говорил: приди же, избавитель!

Вот я вошел в твою смиренную обитель.

И ожил вдруг душой; и вера и любовь

Вновь встретили меня: уж не бунтует кровь,

И сердце улеглось, и тешусь я мечтою,

И с Богом я мирюсь, и с миром, и с собою!

5 марта 1846

«Счастливицы вольные птицы...»

Счастливицы вольные птицы:
Не знают они ни темницы,
Ни ссылки, ни злой слепоты.
Зачем же родился не птицею ты?

Да! ласточкой, легкой касаткой!
Глядел бы на мир не украдкой,
Весь видел бы вдруг с высоты.
Зачем же родился не птицею ты?

Счастливицы вольные птицы:
Купаются в море денницы.
Им прах незнаком суеты.
Зачем же родился не птицею ты?

Нет Божией птичке работы,
Ни страха, ни слез, ни заботы,
Не слышит она клеветы!
Зачем же родился не птицею ты?

С утра и до вечера Бога
Ты славил бы в выси чертога

Чудесной святой красоты.
Зачем же родился не птицею ты?

Ты пел бы с утра до зарницы
Созданье премудрой десницы,
И звезды, и луг, и цветы,
Зачем же родился не птицею ты?

Ты грязь ненавидишь земную,
Ты просишься в твердь голубую,
Ты рвешься из уз темноты,
Верь: некогда птицею будешь и ты!

Прильнут к раменам тебе крылья,
Взлетишь к небесам без усилья,
И твой искупитель и Бог
Возьмет тебя в райский нетленный чертог!

29 апреля 1846

К. Ф. Рылеев

К временщику
Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»[66]

Надменный временщик[67]*, и подлый и коварный,*

Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,

Неистовый тиран родной страны своей,

Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!

Ты на меня взирать с презрением дерзаешь

И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!

Твоим вниманием не дорожу, подлец;

---

[66] Примечания: 66

Авл Персий Флакк (34–62) — римский поэт, автор сатир. У Персия нет сатиры под таким названием. *(Примеч. ред.)*

[67] Примечания: 67

Стихотворение обращено к Алексею Андреевичу Аракчееву (1769–1834) — начальнику Императорской канцелярии и военных поселений, в которых занятия сельским хозяйством сочетались с муштрой и строгим распорядком. Для современников слово «аракчеевщина» было синонимом грубого произвола. *(Примеч. ред.)*

Из уст твоих хула – достойных хвал венец!

Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!

Могу ль унизиться твоим пренебреженьем,

Коль сам с презрением я на тебя гляжу

И горд, что чувств твоих в себе не нахожу?

Что сей кимвальный звук твоей мгновенной славы?

Что власть ужасная и сан твой величавый?

Ах! лучше скрыть себя в безвестности простой,

Чем, с низкими страстьми и подлою душой,

Себя, для строгого своих сограждан взора,

На суд их выставлять, как будто для позора!

Когда во мне, когда нет доблестей прямых,

Что пользы в сане мне и в почестях

моих?

Не сан, не род – одни достоинства почтенны;

Сеян![68] *и самые цари без них – презренны;*

И в Цицероне мной не консул – сам он чтим

За то, что им спасен от Катилины Рим...[69]

О муж, достойный муж! почто не можешь, снова

Родившись, сограждáн спасти от рока злого?

Тиран, вострепещи! родиться может он,

Иль Кассий, или Брут, иль враг царей

---

[68] Примечания: 68

Сеян Люций Эпиус (ум. 31) — временщик в правление римского императора Тиберия. *(Примеч. ред.)*

[69] Примечания: 69

Марк Туллий Цицерон (106–43 до н. э.) — философ, оратор, политический деятель — раскрыл заговор *Луция Сервия Катилины* (ок. 108–62 до н. э.) против Римской республики. *(Примеч. ред.)*

Катон![70]

О, как на лире я потщусь того прославить,

Отечество мое кто от тебя избавит!

Под лицемерием ты мыслишь, может быть,

От взора общего причины зла укрыть…

Не зная о своем ужасном положенье,

Ты заблуждаешься в несчастном ослепленье.

Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,

Но свойства злобные души не утаишь.

Твои дела тебя изобличат народу;

Познает он – что ты стеснил его свободу,

Налогом тягостным довел до нищеты,

Селения лишил их прежней красоты…

---

[70] Примечания: 70

Гай Лонгин Кассий (ум. 42 до н. э.), *Марк Юний Брут* (85–42 до н. э.) — вожди республиканского заговора против императора Гая Юлия Цезаря. Цезарь был убит ими в 44 г. до н. э. *Катон Младший* (95–46 до н. э.) — убежденный сторонник республики, покончил с собой после воцарения Цезаря. *(Примеч. ред.)*

Тогда вострепещи, о временщик надменный!

Народ тиранствами ужасен разъяренный!

Но если злобный рок, злодея полюбя,

От справедливой мзды и сохранит тебя,

Все трепещи, тиран! За зло и вероломство

Тебе свой приговор произнесет потомство!

⟨***1820***⟩

Видение
Ода на день тезоименитства Его императорского высочества великого князя Александра Николаевича[71], 30 августа 1823 года

1

Какое дивное виденье
Очам представилось моим!
Я вижу в сладком упоеньи:
По сводам неба голубым
Над пробужденным Петроградом
Екатерины тень парит!
Кого-то ищет жадным взглядом,
Чело величием горит…

2

Но вот с устен царицы мудрой,
Как луч, улыбка сорвалась:

---

[71] Примечания: 71
Будущего императора Александра II. *(Примеч. ред.)*

Пред нею отрок златокудрый.
Средь сонма воинов резвясь,
То в длани тяжкий меч приемлет,
То бранный шлем берет у них.
То, трепеща в восторге, внемлет
Рассказам воинов седых.

3

Румянцев, Миних и Суворов
Волнуют в нем и кровь, и ум,
И искрится из юных взоров
Огонь славолюбивых дум.
Проникнут силою рассказа,
Он за Ермоловым вослед
Летит на снежный верх Кавказа
И жаждет славы и побед.

4

Царица тихо ниспускалась
На легком облаке как дым,
И, улыбаясь, любовалась
Прелестным правнуком своим;

Но вдруг Минервы светлоокой
Чудесный лик прияв, она
Слетела, мудрости высокой
Огнем божественным полна.

5

К прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
«Я зрю, твой дух пылает бранью,
Ты любишь громкие дела.
Но для полунощной державы
Довольно лавров и побед,
Довольно громозвучной славы
Протекших, незабвенных лет.

6

Военных подвигов година
Грозою шумной протекла;
Твой век иная ждет судьбина,
Иные ждут тебя дела.
Затмится свод небес лазурных
Непроницаемою мглой;

Настанет век борений бурных
Неправды с правдою святой.

7

Уже воспрянул дух свободы
Против насильственных властей;
Смотри – в волнении народы,
Смотри – в движеньи сонм царей.
Быть может, отрок мой, корона
Тебе назначена Творцом;
Люби народ, чти власть закона,
Учись заране быть царем.

8

Твой долг благотворить народу,
Его любви в делах искать;
Не блеск пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвещенные уставы,
Свободу в мыслях и словах,
Науками очисти нравы
И веру утверди в сердцах.

9

Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства дух неблагородный —
Неправосудье истреби.
Будь блага подданных ревнитель:
Оно есть первый долг царей;
Будь просвещенья покровитель:
Оно надежный друг властей.

10

Старайся дух постигнуть века,
Узнать потребность русских стран,
Будь человек для человека,
Будь гражданин для сограждан.
Будь Антонином на престоле[72],
В чертогах мудрость водвори —
И ты себя прославишь боле,

---

[72] Примечания: 72

Имеется в виду *Антонин Марк Аврелий* (121–180) — римский император в 161–180 гг. и философ.

Чем все герои и цари».

1823

Гражданское мужество
Ода

Кто этот дивный великан,
Одеян светлою бронею,
Чело покойно, стройный стан,
И весь сияет красотою?
Кто сей, украшенный венком,
С мечом, весами и щитом,
Презрев врагов и горделивость,
Стоит гранитною скалой
И давит сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты ль, о мужество граждан,
Неколебимых, благородных,
Не ты ли гений древних стран,
Не ты ли сила душ свободных,
О доблесть, дар благих небес,
Героев мать, вина чудес,

Не ты ль прославила Катонов[73],
От Катилины Рим спасла[74]
И в наши дни всегда была
Опорой твердою законов.

Одушевленные тобой,
Презрев врагов, презрев обиды,
От бед спасали край родной,
Сияя славой, Аристиды[75]*;*
В изгнании, в чужих краях
Не погасали в их сердцах
Любовь к общественному благу,
Любовь к согражданам своим:
Они благотворили им
И там, на стыд ареопагу.

---

[73] Примечания: 73

Имеются в виду *Марк По́рций Като́н Старший* (234–149 до н. э.) — древнеримский политик и писатель, борец против пороков и роскоши, и его правнук *Марк Порций Катон Младший* (см. примеч. к с. 320). *(Примеч. ред.)*

[74] Примечания: 74

См. примеч. к с. 320. *(Примеч. ред.)*

[75] Примечания: 75

Имеется в виду *Аристид* (ок. 530–467 до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец. Из-за интриг был изгнан из Афин, но во время нашествия персов в 480–479 до н. э. вернулся в город, чтобы защитить его от неприятелей. *(Примеч. ред.)*

Ты, ты, которая везде
Была народных благ порукой;
Которой славны на суде
И Панин наш, и Долгорукой[76]*:*
Один, как твердый страж добра,
Дерзал оспоривать Петра;
Другой, презревши гнев судьбины,
И вопль, и клевету врагов,
Совет опровергал льстецов
И был столпом Екатерины.

Велик, кто честь в боях снискал
И, страхом став для чуждых воев,
К своим знаменам приковал
Победу, спутницу героев!
Отчизны щит, гроза врагов,
Он достояние веков;
Певцов возвышенные звуки
Прославят подвиги вождя,

---

[76] Примечания: 76

Никита Иванович Панин (1718–1783) — государственный деятель в правление Екатерины II, совместно с Д. И. Фонвизиным составил проект конституции, которая ограничивала бы власть императрицы; *Яков Федорович Долгоруков* (1639–1720) — князь, сподвижник Петра I, по рассказам современников, позволял себе дерзить Петру, требуя справедливости. *(Примеч. ред.)*

И, юношам об них твердя,
В восторге затрепещут внуки.

Как полная луна порой,
Покрыта о́блаками ночи,
Пробьет внезапно мрак густой
И путникам заблещет в очи —
Так будет вождь, сквозь мрак времен,
Сиять для будущих племен;
Но подвиг воина гигантский
И стыд сраженных им врагов
В суде ума, в суде веков —
Ничто пред доблестью гражданской.

Где славных не было вождей,
К вреду законов и свободы?
От древних лет до наших дней
Гордились ими все народы;
Под их убийственным мечом
Везде лилася кровь ручьем.
Увы, Аттил, Наполеонов
Зрел каждый век своей чредой:
Они являлися толпой…

Но много ль было Цицеронов?..

Лишь Рим, вселенной властелин,
Сей край свободы и законов,
Возмог произвести один
И Брутов двух, и двух Катонов[77]*.*
Но нам ли унывать душой,
Когда еще в стране родной,
Один из дивных исполинов
Екатерины славных дней,
Средь сонма избранных мужей
В совете бодрствует Мордвинов[78]*?*

О, так, сограждане, не нам
В наш век роптать на Провиденье —

---

[77] Примечания: 77

Имеются в виду *Луций Юний Брут* (ок. 540–509 до н. э.) — основатель и один из двух впервые избранных консулов Римской республики, возглавивший восстание против последнего римского царя Тарквиния Гордого, и *Марк Юний Брут* (см. примеч. к с. 320). *(Примеч. ред.)*

[78] Примечания: 78

Николай Семенович Мордвинов (1755–1845) — государственный, военно-морской и общественный деятель. Пользовался большим авторитетом среди декабристов как самый либеральный человек в правительстве. В случае успеха восстания декабристы намеревались ввести Мордвинова в состав Временного правительства. Мордвинов был единственным из членов Верховного уголовного суда, который отказался подписать смертный приговор приговоренным к казни декабристам. *(Примеч. ред.)*

Благодаренье Небесам
За их святое снисхожденье!
От них, для блага русских стран,
Муж добродетельный нам дан;
Уже полвека он Россию
Гражданским мужеством дивит;
Вотще коварство вкруг шипит —
Он наступил ему на выю.

Вотще неправый глас страстей
И с злобой зависть, козни строя,
В безумной дерзости своей
Чернят деяния героя.
Он тверд, покоен, невредим,
С презрением внимая им,
Души возвышенной свободу
Хранит в советах и суде
И гордым мужеством везде
Подпорой власти и народу.

Так в грозной красоте стоит
Седой Эльбрус в тумане мглистом:
Вкруг буря, град, и гром гремит,

И ветр в ущельях воет с свистом,
Внизу несутся облака,
Шумят ручьи, ревет река;
Но тщетны дерзкие порывы:
Эльбрус, кавказских гор краса,
Невозмутим, под небеса
Возносит верх свой горделивый.

1823

Думы

Его высокопревосходительству Николаю Семеновичу Мордвинову с глубочайшим уважением посвящает сочинитель

«Напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине: ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с летами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для совета».

Так говорит Немцевич[79] о священной цели своих исторических песен (Spiewy Historiczne); эту самую цель имел и я, сочиняя думы. Желание славить подвиги добродетельных или славных предков для русских не ново; не новы самый вид и название думы.

Дума, старинное наследие от южных братьев

---

[79] Примечания: 79

Spiewy Historiczne Niemcewicza. См. Предисловие. *(Примеч. К. Ф. Рылеева.)*

наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдашном, Палее, и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них. Сарницкий[80] свидетельствует, что на Руси пелись элегии в память двух храбрых братьев Струсов, павших в 1506 году в битве с валахами. Элегии сии, говорит он, у русских думами называются. Соглашая заунывный голос и телодвижения со словами, народ русский иногда сопровождает пение оных печальными звуками свирели.

В числе предлагаемых дум читатели найдут две пиесы, которые не должны бы войти в сие собрание: это «Рогнеда» и «Олег Вещий». Первая по составу своему более повесть, нежели дума; вторая есть историческая песня (Spiew Historiczny). Она слаба и неудачно исполнена; но я решился поместить ее в числе дум, чтобы показать состав исторических песен Немцевича, одного из лучших поэтов Польши.

---

[80] Примечания: 80

Annales Regni Pol., t. 11, k. 1198. Слово в слово: «Anno 1506 duo fratres Strusii (Felix i Serzy, iak Swadczy Nie-Siecki Herb. IV, 218) adolescentes bellicosi a Valachis occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quas Dumas Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id quod canitur exprimentes, quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit». *(Примеч. К. Ф. Рылеева.)*

Примечания, припечатанные при думах, кроме некоторых, сделаны П. М. Строевым.

Олег Вещий

Рурик, основатель Российского государства, умирая (в 879 г.), оставил малолетнего сына, Игоря, под опекою своего родственника, Олега. Опекун мало-помалу сделался самовластным владетелем. Время его правления примечательно походом к Константинополю в 907 году. Летописцы сказывают, что Олег, приплыв к стенам византийской столицы, велел вытащить ладьи на берег, поставил их на колеса и, развернув паруса, подступил к городу. Изумленные греки заплатили ему дань. Олег умер в 912 году. Его прозвали *Вещим* (мудрым).

1

Наскучив мирной тишиною,
Собрал полки Олег
И с ними полетел грозою
На цареградский брег.

2

Покрылся быстрый Днепр ладьями,
В брегах крутых взревел
И под отважными рулями,
Напенясь, закипел.

3

Дружина храбрая героев
На славные дела,
Сгорая пылкой жаждой боев,
С веселием текла.

4

В пути ей не были преграды
Кремнистых гор скалы,
Днепра подводные громады,
Ни ярых вод валы.

5

Седый Олег, шумящей птицей,

В Евксин[81] *через Лиман —*
И пред Леоновой столицей[82]
Раскинул грозный стан!

6

Мгновенно во́йсками покрылась
Окрестная страна,
И кровь повсюду заструилась, —
Везде кипит война!

7

Горят деревни, селы пышут,
Прах вьется средь долин;
В сердцах убийством хладным дышат
Варяг и славянин.

8

---

[81] Примечания: 81

Евксин, Евксинский понт — древнегреческое название Черного моря. *(Примеч. ред.)*

[82] Примечания: 82

В год похода Олега (907) Византией правил император Лев VI Философ. *(Примеч. ред.)*

Потомки Брута и Камилла[83]
Сокрылися в стенах;
Уже их нега развратила,
Нет мужества в сердцах.

9

Их император самовластный
В чертогах трепетал
И в астрологии, несчастный!
Спасения искал.

10

Меж тем, замыслив приступ смелый,
Ладьи свои Олег,
Развив на каждой парус белый,
Вдруг выдвинул на брег.

11

«Идем, друзья!» – рек князь России

---

[83] Примечания: 83

Марк Фурий Камилл (ок. 446–365 до н. э.) — римский государственный и военный деятель, за изгнание галлов получивший титул второго основателя Рима. Брут — см. примеч. к с. 320. *(Примеч. ред.)*

Геройским племенам —
И шел по суше к Византии,
Как в море по волнам.

12

Боязни, трепету покорный,
Спасти желая трон,
Послов и дань – за мир позорный
К Олегу шлет Леон.

13

Объятый праведным презреньем,
Берет князь русский дань,
Дарит Леона примиреньем —
И прекращает брань.

14

Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.

15

Успехом подвигов довольный
И славой в тех краях,
Олег помчался в град престольный
На быстрых парусах.

16

Народ, узрев с крутого брега
Возврат своих полков,
Прославил подвиги Олега
И восхвалил богов.

17

Весь Киев в пышном пированье
Восторг свой изъявлял
И князю Вещего прозванье
Единогласно дал.

1821 или 1822

Ольга при могиле Игоря

Игорь, сын основателя Российского государства, Рурика, принял правление в 912 году. Первым его подвигом было усмирение возмутившихся древлян. Сие народное славянское племя обитало в лесах нынешней Волынской губернии. Игорь наложил дань, которую древляне платили до 945 года. В сие время ему захотелось умножить сбор, древляне возмутились снова, и корыстолюбивый Игорь погиб: они привязали его к двум деревьям, нагнули их и таким образом разорвали надвое. По нем остался малолетний сын Святослав. Супруга его, Ольга, правила государством около десяти лет; скончалась в 969 году. Церковь причла ее к лику святых жен.

Осенний ветер бушевал,
Крутя дерев листами,
И сосны древние качал
Над мрачными холмами.

С поляны встал седой туман
И все сокрыл от взгляда;
Лишь Игорев синел курган,

Как грозная громада.

Слетала быстро ночь с небес;
Луна меж туч всплывала
И изредка в дремучий лес
Иль в дол лучом сверкала.
Настала полночь… Вдруг вдали
Как шелест по поляне…
То Ольга с Святославом шли
И стали при кургане.

И долго мудрая в тиши
Стояла пред могилой,
С волненьем горестной души
И с думою унылой.
О прошлом, плавая в мечтах,
Она, томясь, вздыхала;
Но огнь блеснул в ее очах,
И мудрая вещала:

«Мой сын! здесь пал родитель твой.
Вот храброго могила!
Но слез не лей: я местью злой
Древлянам заплатила.

Ты видишь: дикою травой
Окрестность вся заглохла,
И кровь, пролитая рекой,
Тут, мнится, не обсохла!..

Так, сын мой! Игорь отомщен;
Моя спокойна совесть;
Но сам виновен в смерти он —
Внемли об оной повесть:
Уже надменный грек, смирен
Кровопролитной бранью,
Покой от северных племен
Купил позорной данью.

И Игорь, бросив меч и щит
К подножию кумира,
Молил Перуна, да хранит
Ненарушимость мира.
Из града в град везде текла
Его деяний слава,
И счастьем мирным процвела
Обширная держава.

Вдруг князя гордая душа

Покой пренебрегает
И, к золоту алчбой дыша,
Тревоги замышляет.
Дружины собралися в стан,
В доспехах ярой брани,
И полетели в край древлян
Сбирать покорства дани.

Древляне дань сполна внесли;
Но Игорь недовольный
Стал вновь налоги брать с земли
С дружиной своевольной.
«О князь! – народ ему вещал, —
Чего еще желаешь?..
От нас последнее ты взял —
И нас же угнетаешь!»

Но князь не внял моленьям сим —
И угнетенных племя
Решилося сразиться с ним
И сбросить ига бремя.
«Погибель хищнику, друзья!
Пускай падет он мертвый!

Его сразит стрела моя,
Иль все мы будем жертвой!» —

Древлянский князь твердил в лесах…
Отважные восстали
И с дикой яростью в сердцах
На Игоря напали.
Дружина хищников легла
Без славы и без чести,
А твой отец, виновник зла,
Пал жертвой лютой мести!

Вот, Святослав, к чему ведет
Несправедливость власти;
И князь несчастлив, и народ,
Где на престоле страсти.
Но вдвое князь – во всех местах
Внимает вопль с укором;
По смерти ждет его в веках
Потомство с приговором.

Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим,

И жить в веках достоин!» —
Так князю-отроку рекла
И, поклонясь кургану,
Мать с сыном тихо потекла
Ко дремлющему стану.

1821 или 1822

Боян

Сочинитель известного *Слова о полку Игореве* называет Бояна *Соловьем старого времени.* Неизвестно, когда жил сей славянский бард. Н. М. Карамзин, в *Пантеоне Росс. Авторов,* говорит о нем так: «Может быть, жил Боян во времена героя Олега; может быть, пел он славный поход сего аргонавта к Царю-граду, или несчастную смерть храброго Святослава, который с горстию своих погиб среди бесчисленных печенегов, или блестящую красоту Гостомысловой правнуки Ольги, ее невинность в сельском уединении, ее славу на троне». Не менее правдоподобно, что Боян был певцом подвигов Великого Владимира и знаменитых его сподвижников: Добрыни, Яна Усмовича, Рогдая. Можно предполагать, что при блистательном дворе Северного Карломана

находились и песнопевцы: их привлекали великолепные пиршества, богатырские потехи и приветливость доброго князя; а славные победы над греками, ляхами, печенегами, ятвягами и болгарами могли воспламенить дух пиитизма в сих диких сынах Севера. И грубые норманны услаждали слух свой песнями скальдов.

На брег Днепра, разбив болгар,
Владимир-Солнце возвратился
И в светлой гриднице, в кругу князей, бояр,
На шумном пиршестве с друзьями веселился…

Мед, в стариках воспламенивши кровь,
Протекшую напомнил младость,
Победы славные, волшебницу-любовь
И лет утраченных былую радость.

Беспечнее веселый круг шумел,
Звучнее гусли раздавались.
Один задумчиво Боян сидел;
В нем думы думами сменялись…

«Какое зрелище мой видит взор! —

Мечтал певец унылый: —
Бояр, князей и витязей собор,
И государь, народу милый!

Дивятся их бесчислию побед
Иноплеменные державы,
И служит, трепеща, завистливый сосед
Для них невольным отголоском славы.

Их именами все места
Исполнены на Севере угрюмом,
И каждый день из уст в уста
Перелетают с шумом…

И я, дивяся их делам,
Пел витязей – и сонмы умолкали,
И персты вещие, по золотым струнам
Летая, славу рокотали!

Но может быть, времян губительных полет
Всесокрушающею силой
Деянья славные погубит в бездне лет,
И будет Русь пространною могилой!..

И песни звучные Бояна-соловья
На пиршествах не станут раздаваться,
Забудут витязей, которых славил я,
И память их хвалой не будет оживляться.

Ах, так – предчувствую: Бояна вещий глас
Веков в пучине необъятной,
Как эхо дальное в безмолвной ночи час
Меж гор, умолкнет невозвратно…

По чувствам пламенным не оценит
Певца потомок юный;
В мрак неизвестности все песни рок умчит,
И звучные порвутся струны!

Но отлети скорей,
Моей души угрюмое мечтанье,
Не погашай последней искры в ней
Надежды – жить хоть именем в преданье».

1821

Михаил Тверской

Ф. В. Булгарину

Несчастный Михаил, сын Тверского князя Ярослава Ярославича, по смерти Андрея Александровича (1304 г.) должен был вступить на великокняжеский престол; но племянник его, Георгий Данилович, князь Московский, начал оспоривать у него сие право. Россия находилась тогда под владычеством моголов: оба князя отправились в Орду, и хан (Тохта) утвердил Михаила. Более десяти лет протекло мирно; но злоба не угасла в сердце Георгия, он не пропускал случая вредить Михаилу. Между тем Тохта умер (1312 г.); ему наследовал сын его, Узбек. Несогласия князей возобновились, и Георгия призвали в Орду (1315 г.). Целые три года он раболепствовал перед Узбеком, дарами и происками снискал себе милостивое расположение и, в довершение всего, женился на сестре его Кончаке (1318 г.). Хан наименовал Георгия старейшим из князей русских и дал ему войско. Михаил выступил к нему навстречу, сразился и одержал победу: татарский полководец Кавгадый и супруга Георгия впали в

плен; последняя умерла скоропостижно в Твери. Раздраженный Узбек призвал Михаила в Орду, жестоко истязал его и, наконец, велел лишить жизни. Церковь причла сего князя-страдальца к лику св. мучеников.

За Узбеком вслед влекомый
Кавгадыем, Михаил
В край чужой и незнакомый
С сыном-юношей вступил.
Мчался Терек быстрым бегом
Меж нависших берегов;
Зрелись гор хребты под снегом
Из-за сизых облаков.

Стан Узбеков за рекою,
На степи, в глуши пестрел;
Всюду воины толпою;
Всюду гул глухой шумел.
Ветхим рубищем покрытый,
С мрачной грустию в груди,
Князь-страдалец знаменитый
Сел в цепях на площади.

Несчастливца обступили

Любопытные толпой:
«Это князь был! – говорили
И качали головой. —
Он обширными странами,
Как Узбек наш, обладал;
Он с отважными полками
Кавгадыя поражал!..»

В речи вслушавшись чужие,
Загрустил сильнее князь;
Вспомнил славу – и впервые
Слезы брызнули из глаз.
«До какого униженья, —
Он мечтал, потупя взор, —
Довели нас заблужденья
И погибельный раздор!

Те, которых трепетали
Хитрый грек и храбрый лях,
Ныне вдруг рабами стали
И пред ханом пали в прах!
Я любил страну родную
И пылал разрушить в ней

Наших бед вину прямую:
Распри злобные князей.

О Георгий! ты виною,
Ты один тому виной,
Если кровь сограждан мною
Пролита в стране родной!
Ты на дядю поднял длани;
Ты в душе был столь жесток,
Что на Русь всю лютость брани
И татар толпы навлек!

Смерть свою давно предвижу;
Для побега други есть, —
Но побегом не унижу
Незапятнанную честь!
Так, прав чести не нарушу;
Пусть мой враг, гонитель мой,
Насыщает в злобе душу
Лютым мщеньем надо мной!

Пусть вымаливает казни!
Тверд и прав в душе своей,
Смерть я встречу без боязни,

Как в боях слетался с ней.
Не хочу своим спасеньем
На родимый край привлечь
Кавгадыя с лютым мщеньем
И Узбека грозный меч!»

Подкрепленный сею думой,
Приподнялся Михаил
И, спокойный, но угрюмый,
Тихо в свой шатер вступил.
Кавгадыем обольщенный,
Между тем младый Узбек,
В сердце трепетный, смятенный,
Смерть невинному изрек…

Уж Георгий с палачами
И коварный друг царя
Шли поспешными шагами
К жертве, злобою горя…
Пред иконою святою
Михаил псалом читал;
Вдруг с той вестью роковою
Отрок княжеский вбежал…

Вслед за ним убийцы с криком
Ворвались в густых толпах:
Блещет гнев во взоре диком,
Злоба алчная в чертах…
Ворвался – и напали…
Как гроза в глухой ночи,
Над упавшим засверкали
Ятаганы и мечи…

Кровь из язв лилась струею…
И пробил его конец:
Сердце хладною рукою
Вырвал дикий Романец.
Князь скончался жертвой мщенья!
С той поры он всюду чтим:
Михаила за мученья
Церковь празднует святым.

1821 или 1822

Димитрий Донской

Подвиги великого князя Димитрия Иоанновича Донского известны всякому русскому. Он был

сын великого князя Московского Иоанна Иоанновича, родился в 1350 году, великокняжеский престол занял 1362 года. Владычествовавшая над Россиею Золотая или Сарайская Орда в его время раздиралась междоусобиями. Один из князей татарских, Мамай, властвовал там под именем Мамант-Салтана, слабого и ничтожного хана. Недовольный великим князем, Мамай отправил (в 1378 г.) мурзу Бегича со множеством татарского войска; ополчение Димитрия встретило их на реке Воже, сразилось мужественно и одержало победу. Раздраженный Мамай, совокупив еще большие толпы иноплеменников, двинулся с ними к пределам России. Димитрий вооружился; противники сошлись на Куликовом поле (при речке Непрядве, впадающей в Дон); бой был жестокий и борьба ужасная (8 сентября 1380 г.). На пространстве двадцати верст кровь русских мешалась с татарскою. Наконец Мамай предался бегству, и Димитрий восторжествовал. Сия знаменитая победа доставила ему великую славу и уважение современников. Потомство наименовало его *Донским.* Димитрий умер в 1389 году.

«Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу

И заодно с презренным ханом
Позорить сильную Москву?
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпами грозными врагов:
За нас и Сергия молитвы,
И прах замученных отцов!

Летим – и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.
Туда! за Дон!.. настало время!
Надежда наша – Бог и меч!
Сразим моголов и, как бремя,
Ярмо Мамая сбросим с плеч!»

Так Дмитрий, рать обозревая,
Красуясь на коне, гремел
И, в помощь Бога призывая,
Перуном грозным полетел…
«К врагам! за Дон! – вскричали войски, —
За вольность, правду и закон!» —
И, повторяя клик геройский,

За князем ринулися в Дон.

Несутся полные отваги,
Волн упреждают быстрый бег;
Летят, как соколы, – и стяги
Противный осенили брег.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и брега реки
И взору вдалеке открыло
Татар несметные полки.

Луга, равнины, долы, горы
Толпами пестрыми кипят;
Всех сил объять не могут взоры…
Повсюду бердыши блестят.
Идут как мрачные дубравы —
И вторят степи гул глухой;
Идут… там хан, здесь чада славы —
И закипел кровавый бой!..

«Бог нам прибежище и сила! —
Рек Дмитрий на челе полков. —
Умрем, когда судьба судила!»
И первый грянул на врагов.

Кровь хлынула – и тучи пыли,
Поднявшись вихрем к небесам,
Светило дня от глаз сокрыли,
И мрак простерся по полям.

Повсюду хлещет кровь ручьями,
Зеленый побагровел дол:
Там русский поражен врагами,
Здесь пал растоптанный могол,
Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч.
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

А там, под тению кургана,
Презревший славу, сан и свет,
Лежит, низвергнув великана,
Отважный инок Пересвет.
Там Белозерский князь и чада,
Достойные его любви,
И о́крест их татар громада,
В своей потопшая крови.

Уж многие из храбрых пали,

Великодушный сонм редел;
Уже враги одолевали,
Татарин дикий свирепел.
К концу клонился бой кровавый,
И черный стяг был пасть готов, —
Как вдруг орлом из-за дубравы
Волынский грянул на врагов.

Враги смешались – от кургана
Промчалось: «Силен русский Бог!» —
И побежала рать тирана,
И сокрушен гордыни рог!
Помчался хан в глухие степи,
За ним шумящим враном страх;
Расторгнул русский рабства цепи
И стал на вражеских костях!..

Но кто там, бледен, близ дубравы,
Обрызган кровию лежит?
Что зрю?.. Первоначальник славы[84],
Димитрий ранен… страшный вид!..
Ужель изречено судьбою

---

[84] Примечания: 84
Выражение летописца. *(Примеч. автора.)*

Ему быть жертвой битвы сей?
Но вот к стенящему герою
Притек сонм воев и князей.

Вот, преклонив трофеи брани,
Гласят: «Ты победил! восстань!»
И князь, воздевши к небу длани:
«Велик нас ополчивший в брань!
Велик! – речет, – к нему молитвы!
Он Сергия услышал глас;
Ему вся слава грозной битвы;
Он, он один прославил нас!»

1822

Смерть Ермака

П. А. Муханову

Под словом «Сибирь» разумеется ныне неизмеримое пространство от хребта Уральского до берегов Восточного океана. Некогда Сибирским царством называлось небольшое татарское владение, коего столица, Искер, находилась на реке Иртыш, впадающей в Обь. В половине XVI века сие царство зависело от России. В 1569 году царь

Кучум *был принят под руку* Иоанна Грозного и обязался платить дань. Между тем сибирские татары и подвластные им остяки и вогуличи вторгались иногда в пермские области. Это заставило российское правительство обратить внимание на обеспечение сих украйн укрепленными местами и умножением в них народонаселения. Богатые в то время купцы Строгоновы получили во владение обширные пустыни на пределах Пермии: им дано было право заселить их и обработать. Сзывая вольницу, сии деятельные помещики обратились к казакам, кои, не признавая над собою никакой верховной власти, грабили на Волге промышленников и купеческие караваны. Летом 1579 года 540 сих удальцов пришли на берега Камы; предводителей у них было пятеро, главный назывался Ермак Тимофеев. Строгоновы присоединили к ним 300 человек разных всельников, снабдили их порохом, свинцом и другими припасами и отправили за Уральские горы (в 1581 г.). В течение следующего года казаки разбили татар во многих сражениях, взяли Искер, пленили Кучумова племянника, царевича Маметкула, и около трех лет господствовали в Сибири. Между тем число их мало-помалу уменьшалось: много погибло от оплошности. Сверженный Кучум

бежал в киргизские степи и замышлял способы истребить казаков. В одну темную ночь (5 августа 1584 г.), при сильном дожде, он учинил неожиданное нападение: казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силе и внезапности удара. Не имея средств к спасению, кроме бегства, Ермак бросился в Иртыш, в намерении переплыть на другую сторону, и погиб в волнах. Летописцы представляют сего казака-героя крепкотелым, осанистым и широкоплечим, он был роста среднего, имел плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные и кудрявые волосы. Несколько лет после сего Сибирь была оставлена россиянами; потом пришли царские войска и снова завладели ею. В течение XVII века беспрерывные завоевания разных удальцов-предводителей отнесли пределы Российского государства к берегам Восточного океана.

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали…
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,

На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, – мнил герой, —
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив

Благословения отчизны, —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы – не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых брегах,
Вздымалися седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, козачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина…

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает…

Плывет… уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря

Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь – дар царя
Стал гибели его виною.

Ревела буря… вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

1821

Иван Сусанин

В исходе 1612 года юный Михаил Феодорович Романов, последняя отрасль Рюриковой династии, скрывался в Костромской области. В то время Москву занимали поляки: сии пришельцы хотели утвердить на российском престоле царевича Владислава, сына короля их Сигизмунда III. Один отряд проникнул в костромские пределы и искал захватить Михаила. Вблизи от его убежища враги

схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы он тайно провел их к жилищу будущего венценосца России. Как верный сын отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь. Он повел поляков в противную сторону и известил Михаила об опасности: бывшие с ним успели увезти его. Раздраженные поляки убили Сусанина. По восшествии на престол Михаила Феодоровича (в 1613 г.) потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участок земли при селе Домнине; ее подтверждали и последующие государи.

«Куда ты ведешь нас?.. не видно ни зги! —

Сусанину с сердцем вскричали враги. —

Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;

Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.

Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;

Но тем Михаила тебе не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует,

Но смерти от ляхов ваш царь не минует!..

Веди ж нас, – так будет тебе за труды;

Иль бойся: не долго у нас до беды!

Заставил всю ночь нас пробиться с метелью…

Но что там чернеет в долине за елью?»

«Деревня! – сарматам[85] *в ответ мужичок. —*

Вот гумна, заборы, а вот и мосток.

За мною! в ворота! – избушечка эта

Во всякое время для гостя нагрета.

Войдите, не бойтесь!» – «Ну то-то, москаль!..

Какая же, братцы, чертовская даль!

Такой я проклятой не видывал ночи,

Слепились от снегу соколии очи…

Жупан мой – хоть выжми, нет нитки сухой! —

Вошед, проворчал так сармат молодой. —

---

[85] Примечания: 85

Сарматы — здесь: поляки. С конца XVI в. среди польской знати (шляхты) было популярно представление о происхождении шляхты от древних кочевников-сарматов. *(Примеч. ред.)*

Вина нам, хозяин! мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша, и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.

Давно уж за по́лночь!.. Сном крепким объяты.
Лежат беззаботно по лавкам сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один, настороже, Сусанин седой
Вполголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны!..

Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и в двери тайком…

«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а ветер еще не затих;
Наводишь тоску лишь на сердце родных!»

«Приводит сам Бог тебя к этому дому,
Мой сын, поспешай же к царю молодому;
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей;
Что гордые ляхи, по злобе своей,
Его потаенно убить замышляют
И новой бедою Москве угрожают!

Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя.
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге». —
«Но что ты затеял? подумай, родной!
Убьют тебя ляхи... Что будет со мной?

И с юной сестрою, и с матерью хи-

лой?» —

«Творец защитит вас святой Своей силой.

Не даст Он погибнуть, родимые, вам:

Покров и помощник Он всем сиротам.

Прощай же, о сын мой, нам дорого время;

И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанин младой

Вскочил и помчался свистящей стрелой.

Луна между тем совершила полкруга;

Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга.

На небе восточном зарделась заря,

Проснулись сарматы – злодеи царя.

«Сусанин! – вскричали, – что молишься Богу?

Теперь уж не время – пора нам в дорогу!»

Оставив деревню шумящей толпой,

В лес темный вступают окольной тропой.

Сусанин ведет их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснет,
То тускло засветит, то вновь пропадет.
Стоят, не шелохнясь, и дуб и береза;
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

Друг за́ другом и́дут в молчанье сарматы;
Все дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес —
Все глуше и диче становится лес!
И вдруг пропадает тропинка пред ними:
И сосны и ели ветвями густыми,

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели,
Вотще настороже тревожное ухо:

Все в том захолустье и мертво и глухо...

«Куда ты завел нас?» – лях старый вскричал.

«Туда, куда нужно! – Сусанин сказал. —

Убейте! замучьте! – моя здесь могила!

Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!

Предателя, мнили, во мне вы нашли:

Их нет и не будет на Русской земли!

В ней каждый отчизну с младенчества любит

И душу изменой свою не погубит».

«Злодей! – закричали враги, закипев, —

Умрешь под мечами!» – «Не страшен ваш гнев!

Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело,

И радостно гибнет за правое дело!

Ни казни, ни смерти и я не боюсь:

Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

«Умри же! – сарматы герою вскричали —

И сабли над старцем, свистя, засверкали. —

Погибни, предатель! Конец твой настал!»

И твердый Сусанин весь в язвах упал!

Снег чистый чистейшая кровь обагрила:

Она для России спасла Михаила!

1822

Наталия Долгорукова

Княгиня Наталия Борисовна, дочь фельдмаршала Шереметева, знаменитого сподвижника Петра Великого. Нежная ее любовь к несчастному своему супругу и непоколебимая твердость в страданиях увековечили ее имя.

Настала осени пора;

В долинах ветры бушевали,

И волны мутного Днепра

Песчаный берег подрывали.

На брег сей дикий и крутой,

Невольно слезы проливая,

Беседовать с своей тоской
Пришла страдалица младая.

«Свершится завтра жребий мой:
Раздастся колокол церковный —
И я навек с своей тоской
Сокроюсь в келии безмолвной!
О, лейтесь, лейтесь же из глаз
Вы, слезы, в месте сем унылом!
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом!

В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам бесприютным.
Была гонима всюду я
Жезлом судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!

В борьбе с враждующей судьбой
Я отцветала в заточеньи;
Мне друг прекрасный и младой

Был дан, как призрак, на мгновенье.
Забыла я родной свой град,
Богатство, почести и знатность,
Чтоб с ним делить в Сибири хлад
И испытать судьбы превратность.

Все с твердостью перенесла
И, бедствуя в стране пустынной,
Для Долгорукого спасла
Любовь души своей невинной.
Он жертвой мести лютой пал,
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя меж снежных скал,
Ему в душе не изменила.

Судьба отраду мне дала
В моем изгнании унылом:
Я утешалась, я жила
Мечтой всегдашнею о милом!
В стране угрюмой и глухой
Она являлась мне как радость
И в душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.

Но завтра, завтра я должна
Навек забыть о страсти нежной;
Живая в гроб заключена,
От жизни отрекусь мятежной.
Забуду все: людей и свет,
И, холодна к любви и злобе,
Суровый выполню обет
Мечтать до гроба лишь о гробе.

О, лейтесь, лейтесь же из глаз
Вы, слезы, в месте сем унылом:
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом.
В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам бесприютным».

Тут, сняв кольцо с своей руки,
Она кольцо поцеловала
И, бросив в глубину реки,
Лицо закрыла и взрыдала:
«Сокройся в шумной глубине,

Ты, перстень, перстень обручальный,
И в монастырской жизни мне
Не оживляй любви печальной!»

Река клубилась в берегах,
Поблеклый лист валился с шумом;
Порывный ветр шумел в полях
И бушевал в лесу угрюмом.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль реки
Дочь Шереметева младая.

Обряд свершился роковой…
Прости последнее веселье!
Одна с угрюмою тоской
Страдалица сокрылась в келье.
Там дни свои в посте влача,
Снедалась грустью безотрадной
И угасала, как свеча,
Как пред иконой огнь лампадный.

1823

Державин

Н. И. Гнедичу

Державин родился 1743 года в Казани. Он был воспитан сперва в доме своих родителей, а после в Казанской гимназии, в 1760-м записан был в инженерную школу, а в следующем году за успехи в математике и за описание болгарских развалин переведен в гвардию в чине поручика, отличился в корпусе, посланном для усмирения Пугачева. В 1777 году поступил в статскую службу, а в 1802 году пожалован был в министры юстиции. Скончался июля 6-го дня 1816 года в поместье своем на берегу Волхова.

«К бессмертным памятникам Екатеринина века принадлежат песнопения Державина. Громкие победы на море и сухом пути, покорение двух царств, унижение гордости Оттоманской Порты, столь страшной для европейских государей, преобразования империи, законы, гражданская свобода, великолепные торжества просвещения, тонкий вкус, все это было сокровищем для гения Державина. Он был Гораций своей государыни… Державин великий живописец… Державин хва-

лит, укоряет и учит… Он возвышает дух нации и каждую минуту дает чувствовать благородство своего духа…» — говорит *г. Мерзляков.*

С дерев валится желтый лист,
Не слышно птиц в лесу угрюмом,
В полях осенних ветров свист,
И плещут волны в берег с шумом.
Над Хутынским монастырем
Приметно солнце догорало,
И на главах златым лучом,
Из туч прокравшись, трепетало.

Какой-то думой омрачен,
Младый певец бродил в ограде;
Но вдруг остановился он,
И заблистал огонь во взгляде:
«Что вижу я?.. на сих брегах, —
Он рек, – для севера священный
Державина ль почиет прах
В обители уединенной?»

И засияли, как росой,
Слезами юноши ресницы,
И он с удвоенной тоской

Сел у подножия гробницы;
И долго молча он сидел,
И, мрачною тревожим думой,
Певец задумчивый глядел
На грустный памятник угрюмо.

Но вдруг, восторженный, вещал:
«Что я напрасно здесь тоскую?
Наш дивный бард не умирал:
Он пел и славил Русь святую!
Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.

Он долг певца постиг вполне.
Он свить горел венок нетленный,
И был в родной своей стране
Органом истины священной.
Везде певец народных благ,
Везде гонимых оборона
И зла непримиримый враг,
Он так твердил любимцам трона:

«Вельможу до́лжны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно!
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно;
Что он орудье власти есть,
Всех царственных подпора зданий;
Должны быть польза, слава, честь
Вся мысль его, цель слов, деяний»[86].

О, так! нет выше ничего
Предназначения поэта:
Святая правда – долг его,
Предмет – полезным быть для света.
Служитель избранный Творца,
Не должен быть ничем он связан;
Святой, высокий сан певца
Он делом оправдать обязан.

Ему неведом низкий страх;
На смерть с презрением взирает
И доблесть в молодых сердцах
Стихом правдивым зажигает.

---

[86] Примечания: 86
См. «Вельможа», соч. Державина. *(Примеч. автора.)*

Над ним кто будет властелин? —
Он добродетель свято ценит
И ей нигде, как верный сын,
И в думах тайных не изменит.

Таков наш бард Державин был, —
Всю жизнь он вел борьбу с пороком;
Судьям ли правду говорил,
Он так гремел с святым пророком:
«Ваш долг на сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять
И свято сохранять законы.

Ваш долг несчастным дать покров,
Всегда спасать от бед невинных,
Исторгнуть бедных из оков,
От сильных защищать бессильных»[87].
Певцу ли ожидать стыда
В суде грядущих поколений?
Не осквернит он никогда
Порочной мыслию творений.

---

[87] Примечания: 87
См. «Властителям и судиям», его же. *(Примеч. автора.)*

Повсюду правды верный жрец,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станет портить он сердец
И развращать народа нравы.
Поклонник пламенный добра,
Ничем себя не опорочит
И освященного пера —
В нечестьи буйном не омочит.

Творцу ли гимн святой звучит
Его восторженная лира —
Словами он, как гром, гремит,
И вторят гимн народы мира.
О, как удел певца высок!
Кто в мире с ним судьбою равен?
Откажет ли и самый рок
Тебе в бессмертии, Державин?

Ты прав, певец: ты будешь жить,
Ты памятник воздвигнул вечный, —
Его не могут сокрушить

Ни гром, ни вихорь быстротечный»[88].
Певец умолк – и тихо встал;
В нем сердце билось, и в волненьи,
Вздохнув, он, отходя, вещал
В каком-то дивном исступленьи:

«О, пусть не буду в гимнах я,
Как наш Державин, дивен, громок, —
Лишь только б молвил про меня
Мой образованный потомок:
„Парил он мыслию в веках,
Седую вызывая древность,
И воспалял в младых сердцах
К общественному благу ревность!“»

1822

[88] Примечания: 88

См. Памятник, подражание Державина Горациевой оде: «Exeäi monumentum aere perennius…» *(Примеч. автора.)*

Воспоминания
Элегия

Посвящается Н. М. Р(ылеев)ой

Еще ли в памяти рисуется твоей
С такою быстротой промчавшаяся младость, —
Когда, Дорида, мы, забыв иных людей,
Вкушали с жаждою любви и жизни сладость?..
Еще ли мил тебе излучистый ручей
И струй его невнятный лепет,
Зеленый лес, и шум младых ветвей,
И листьев говорящий трепет, —
Где мы одни с любовию своей
Под ивою ветвистою сидели:
Распростирала ночь туманный свой покров,
Терялся вдалеке чуть слышный звук свирели,
И рог луны глядел из облаков,
И струйки ручейка журчащие блесте-

ли…
Луны сребристые лучи
На нас, Дорида, упадали
И что-то прелестям твоим в ночи
Небесное земному придавали:
Перерывался разговор,
Сердца в восторгах пылких млели,
К устам уста, тонул во взоре взор,
И вздохи сладкие за вздохами летели.
Не знаю, милая, как ты,
Но я не позабуду про былое:
Мне утешительны, мне сладостны мечты,
Безумство юных дней, тоска и суеты;
И наслаждение сие немое
Так мило мне, как запах от левкоя,
Как первый поцелуй невинной красоты.

1823(?)

⟨На смерть сына⟩

Земли минутный поселенец,
Земли минутная краса,
Зачем так рано, мой младенец,
Ты улетел на небеса?
Зачем в юдоли сей мятежной,
О ангел чистой красоты,
Среди печали безнадежной
Отца и мать покинул ты?

Сентябрь 1824

«Я ль буду в роковое время…»

Я ль буду в роковое время
Позорить Гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, не способен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.

Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги[89].

⟨***1824***⟩

[89] Примечания: 89

Риего-и-Нуньес Рафаэль дель (1784–1823) — испанский политический деятель, был казнен как сторонник республики. *(Примеч. ред.)*

Стансы
(К А. Б⟨естуже⟩ву)

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

С тяжкой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!

Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

⟨***1824***⟩

Элегия

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты.

Напрасно я себя тревожил,
За страсть вполне я награжден:
Я вновь для счастья сердцем ожил,
Исчезла грусть, как смутный сон.

Так, окроплен росой отрадной,
В тот час, когда горит восток,
Вновь воскресает – ночью хладной
Полузавялый василек.

⟨***1824***⟩

К N. N.

Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой,
Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой.

Твой голос нежный, взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.

Сие отрадное участье,
Сие вниманье, милый друг,
Мне снова возвратили счастье
И исцелили мой недуг.

С одра недуга рокового
Я встал и бодр, и весел вновь,
И в сердце запылала снова
К тебе давнишняя любовь.

Так мотылек, порхая в поле
И крылья опалив огнем,

Опять стремится поневоле
К костру, в безумии слепом.

1824 или 1825

К N. N

Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой,
Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой.

Твой милый взор, твой взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.

Твое отрадное участье,
Твое вниманье, милый друг,
Мне снова возвращают счастье
И исцеляют мой недуг.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить;
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.

Полна душа твоя всегда
Одних прекрасных ощущений,

Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений.

Прощаешь ты врагам своим —
Я не знаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движеньями души владею;
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Мне не любовь твоя нужна,
Занятья нужны мне иные:
Отрадна мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет, —
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

1824 или 1825

⟨Посвященье А. А. Бестужеву из поэмы «Войнаровский»⟩

Как странник грустный, одинокий
В степях Аравии пустой,
Из края в край с тоской глубокой
Бродил я в мире сиротой.
Уж к людям холод ненавистный
Приметно в душу проникал,
И я в безумии дерзал
Не верить дружбе бескорыстной.
Незапно ты явился мне:
Повязка с глаз моих упала;
Я разуверился вполне,
И вновь в небесной вышине
Звезда надежды засияла.

Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.
Как Аполлонов строгий сын,

Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства;
Я не Поэт, а Гражданин.

⟨***1824***⟩

Бестужеву

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар, как недруг тайный, взвесил[90]*;*
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.

Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг! Недаром в юноше горит
Любовь к общественному благу!

В чью грудь порой теснится целый свет,
Кого с земли восторг души уносит,
Назло врагам тот завсегда поэт,
Тот славы требует – не просит.

Так и ко мне, храня со мной союз,
С улыбкою и с ласковым приветом,

---

[90] Примечания: 90

А. С. Пушкин дал отрицательную оценку большинству «дум» Рылеева. *(Примеч. ред.)*

Слетит порой толпа вертлявых муз,
И я вдруг делаюсь поэтом.

1825

⟨Князю Е. П. Оболенскому⟩[91]

1

Прими, прими, святый Евгений[92]*,*
Дань благодарную певца,
И слово пламенных хвалений,
И слезы, катящи с лица.
Отныне день твой до могилы
Пребудет свят душе моей:
В сей день твой соимянник милый
Освобожден был от цепей[93]*.*

21 января 1826

---

[91] Примечания: 91

Евгений Петрович Оболенский (1796–1865) — князь, офицер, один из самых деятельных участников восстания декабристов. Находился в Алексеевском равелине Петропавловской крепости в одно время с Рылеевым. *(Примеч. ред.)*

[92] Примечания: 92

21 января — день именин Е. П. Оболенского. Об этом стихотворении Оболенский вспоминал так: «При чтении этих немногих строк радость моя была неизъяснима. Теплая душа Кондратия Федоровича не переставала любить горячо, искренно. Много отрады было в этом чувстве. Я не мог ему отвечать: я не имел искусства уберечь перо, чернила, бумагу: последняя всегда была нумерована». *(Примеч. ред.)*

[93] Примечания: 93

Подразумевается освобождение от ручных кандалов. *(Примеч. ред.)*

2[94]

Мне тошно здесь, как на чужбине.
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто даст крыле мне голубине,
Да полечу и почию[95]*.*
Весь мир как смрадная могила!
Душа из тела рвется вон.
Творец! Ты мне прибежище и сила[96]*,*
Вонми мой вопль, услышь мой стон:
Приникни на мое моленье,
Вонми смирению души,
Пошли друзьям моим спасенье,
А мне даруй грехов прощенье

---

[94] Примечания: 94

Из воспоминаний Оболенского: «Раз добрый наш сторож приносит два кленовых листа и осторожно кладет их в глубину комнаты, в дальний угол, куда не проникал глаз часового. Он уходит. Я спешу к заветному углу, подымаю листья и читаю ⟨…⟩ Кто поймет сочувствие душ, то невидимое соприкосновение, которое внезапно объемлет душу, когда нечто родное, близкое коснется ее, тот поймет и то, что я почувствовал при чтении этих строк. То, что мыслил, чувствовал Кондратий Федорович, сделалось моим, его болезнь сделалась моею, его уныние усвоилось мне, его вопиющий голос вполне отразился в моей душе». *(Примеч. ред.)*

[95] Примечания: 95

Цитата из Псалтири (Пс. 54, 7–9). *(Примеч. ред.)*

[96] Примечания: 96
Цитата из Псалтири (Пс. 45, 2). *(Примеч. ред.)*

И дух от тела разреши.

Между январем и маем 1826

3[97]

* * *

О милый друг, как внятен голос твой,
Как утешителен и сердцу сладок:
Он возвратил душе моей покой
И мысли смутные привел в порядок.
Ты прав: Христос спаситель нам один,
И мир, и истина, и благо наше;
Блажен, в ком дух над плотью властелин,
Кто твердо шествует к Христовой чаше.
Прямой мудрец: он жребий свой вознес,
Он предпочел небесное земному,
И, как Петра, ведет его Христос

---

[97] Примечания: 97

По воспоминаниям Оболенского, это стихотворение, так же как и предыдущее, выколотое на кленовых листьях, он получил последним: «Это была последняя, лебединая песнь Кондратия Федоровича (…) С того времени он замолк, и кленовые листы не являлись уже в заветном углу моей комнаты». *(Примеч. ред.)*

По треволнению мирскому.
Душою чист и сердцем прав,
Перед кончиною подвижник постоянный,
Как Моисей с горы Наав,
Узрит он край обетованный[98].

Для цели мы высокой созданы:
Спасителю, сей истине верховной,
Мы подчинять от всей души должны
И мир вещественный, и мир духовный.
Для смертного ужасен подвиг сей,
Но он к бессмертию стезя прямая;
И благовествуя, мой друг, речет о ней
Сама нам истина святая:

«[И плоть и кровь преграды вам поставит,
Вас будут гнать и предавать,
Осмеивать и дерзостно бесславить,
Торжественно вас будут убивать,

---

[98] Примечания: 98

Гора Наав (Нево) — место кончины пророка Моисея. С вершины горы Моисей увидел Землю обетованную, в которую так и не вошел (Втор. 34: 1–5). *(Примеч. ред.)*

Но тщетный страх не должен вас тревожить.]

И страшны ль те, кто властен жизнь отнять
И этим зла вам причинить не может.
Счастлив, кого Отец мой изберет,
Кто истины здесь будет проповедник;
Тому венец, того блаженство ждет,
Тот Царствия Небесного наследник».

Как радостно, о друг любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу
И, как орел, на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.

Май или июнь 1826

А. С. Пушкин

И. И. Пущину

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое Провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

1826

«Во глубине сибирских руд…»

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

1827

Арион

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны весла. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я – беспечной веры полн, —
Пловцам я пел… Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный…
Погиб и кормщик, и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

⟨***1827***⟩

Краткие сведения об авторах

Александр Александрович Бестужев (Марлинский) (1797–1837)

Происходил из старинного дворянского рода. Родился в Петербурге. Учился в Горном корпусе. В 1816 г. поступил на военную службу, был адъютантом главноуправляющих путями сообщения генерала А. А. Бетанкура и герцога А. Вюртембергского. Печатался с 1817 г., в 1822–1825 гг. совместно с К. Ф. Рылеевым издавал альманах «Полярная звезда», в котором в разное время участвовали А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, В. А. Жуковский, И. А. Крылов и другие известные поэты и писатели. В «Полярной звезде» публиковались романы и критические статьи Бестужева, принесшие ему известность. В январе 1824 г. вступил в Северное общество декабристов. Привел на Сенатскую площадь батальон Московского полка. После поражения восстания явился на гауптвахту Зимнего дворца, не дожидаясь ареста. Был приговорен к смертной казни, замененной двадцатью годами каторги (срок был сокращен до пятнадцати лет). После годичного заключения

в крепости Роченсальм сослан на поселение в Якутск. В 1829 г. отправился рядовым на Кавказ. В 1830 г. получил возможность вернуться к литературному труду, начал печататься под псевдонимом Марлинский (по местечку Марли в Петергофе, где квартировался лейб-гвардии Драгунский полк, в котором Бестужев служил в юности). Писал романтические повести и рассказы, быстро ставшие популярными. Участвовал во многих сражениях Кавказской войны, награжден Георгиевским крестом, в 1835 г. произведен в унтер-офицеры, в 1836 г. — в прапорщики. Погиб в бою у мыса Адлер. Приключенческие повести Марлинского пользовались большим успехом у читателей и переиздавались в конце XIX века.

Александр Иванович Одоевский (1802–1839)

Происходил из княжеского рода Одоевских. Родился в Петербурге. Получил домашнее образование. В 1821 г. поступил в лейб-гвардии Конный полк. В начале 1825 г. вступил в Северное общество декабристов, участвовал в восстании на Сенатской площади. После поражения добровольно явился к петербургскому обер-полицмейстеру. Был приговорен к двенадцати годам каторги (срок сократили до восьми лет). В 1827–1832 гг.

отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. Оттуда написал знаменитый ответ на послание «В Сибирь» А. С. Пушкина, слова «Из искры возгорится пламя» из стихотворения Одоевского стали крылатыми. В 1832 г. отправлен на поселение в Иркутскую губернию. В 1837 г. по собственному прошению определен рядовым в действующую армию на Кавказ. Как поэт-романтик, оказал значительное влияние на творчество М. Ю. Лермонтова, с которым познакомился во время службы на Кавказе (Лермонтов посвятил памяти Одоевского стихотворение). Умер в 1839 г. от малярийной лихорадки во время строительства форта Лазарева. Могила не сохранилась. При жизни Одоевский печатался нечасто, многие произведения были опубликованы анонимно. Первый небольшой сборник стихотворений Одоевского, подготовленный его другом-декабристом А. Е. Розеном, вышел в свет в конце XIX века.

Павел Александрович Катенин (1792–1853)

Происходил из старинного дворянского рода, получил домашнее образование. Родился в усадьбе Шаево под Костромой. С 1810 г. служил в лейб-гвардии Преображенском полку, в том же году начал печататься. Предпочитал писать о

«предметах древних или чуждых»: античности, европейском Средневековье, древней русской истории, переводил поэзию и драматургию. Много работал для театра, в соавторстве с Грибоедовым написал комедию «Студент» (1817). Переписывался с Пушкиным, оставил воспоминания о нем. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах армии 1813–1814 гг. В конце 1816 г. вступил в Союз спасения, позднее стал одним из руководителей другой декабристской организации — «Военного общества». В 1820 г. уволен в отставку в чине полковника. В 1822 г. по распоряжению императора был выслан из столицы за скандал в театре, несколько лет провел в Шаеве. Вернулся в Петербург в августе 1825 г., но в восстании на Сенатской площади не участвовал и избежал осуждения по делу декабристов. В 1833–1838 гг. служил на Кавказе. Повторно вышел в отставку в чине генерал-майора и уехал в родовое имение, где прожил до конца жизни.

Федор Николаевич Глинка (1786–1880)

Родился в селе Сутоки Духовщинского уезда Смоленской губернии в семье мелкопоместного дворянина. Воспитывался в Первом кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, в 1802 г. поступил

на военную службу. Участвовал в Аустерлицком сражении (1805) и сражениях Отечественной войны 1812 г., Заграничных походах, был адъютантом генерала М. А. Милорадовича. Получил известность как автор книги «Письма русского офицера…» (1808, 1815–1816) и военно-патриотических «песен», а также многочисленных переложений псалмов (за что от Пушкина, с которым был дружен, получил прозвище «псалмопевец»). С 1816 г. служил в Измайловском полку. Был членом Союза спасения и Союза благоденствия. Придерживался умеренных взглядов: выступал за сохранение монархии, был против военного переворота. Не участвовал в восстании декабристов, но знал о его подготовке, пытался предостеречь зачинщиков от «насилий». Несколько месяцев находился под следствием в Петропавловской крепости. Был оправдан и освобожден, но переведен на гражданскую службу в Олонецкую губернию. Позднее служил в Твери и Орле. В 1834 г. вышел в отставку. В 1840-х гг. сблизился с кругом московских славянофилов, участвовал в издании журнала «Москвитянин». С 1862 г. жил в Твери, занимался благотворительностью и принимал участие в общественных делах. Умер в возрасте 93 лет, был похоронен с во-

инскими почестями. Некоторые стихотворения Глинки стали популярными романсами. Главное место в его творчестве занимала духовная поэзия, к которой он обращался и в юности, и в глубокой старости.

Николай Алексеевич Чижов (1803–1848)

Родился в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Воспитывался в пансионе в Николаеве. Некоторое время служил в Черноморском флоте, затем был переведен в Санкт-Петербург. В 1821 г. участвовал в исследовательской экспедиции к Новой Земле под командованием Ф. П. Литке. В 1825 г. вступил в Северное общество, участвовал в восстании на Сенатской площади. Приговорен к ссылке на вечное поселение в Сибирь, позднее срок сократили до 20 лет. Провел семь лет в Олекминске Якутской губернии. По ходатайству матери зачислен рядовым в один из сибирских линейных батальонов. Во время службы в Тобольске подружился с поэтом П. П. Ершовым. В 1840 г. дослужился до офицерского чина, возвращавшего дворянство, в 1843 г. получил разрешение на переезд в центральные губернии. В последние годы был управляющим имениями князей Горчаковых. Умер в селе Троицком Орловской

губернии. Стихотворения Чижова, написанные до ссылки, не сохранились.

Владимир Федосеевич Раевский (1795–1872)

Родился в семье курского помещика среднего достатка. Воспитывался в Московском благородном пансионе, его соучеником был А. С. Грибоедов. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Отличился в Бородинском сражении, награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». В 1815–1822 гг. продолжал военную службу на юге России, в Кишиневе подружился с А. С. Пушкиным. В 1819 г. вступил в Союз благоденствия. Задолго до восстания на Сенатской площади, еще в феврале 1822 г., был обвинен в «возмутительных внушениях» солдатам и юнкерам (впоследствии Раевского назовут «первым декабристом»). Провел в заключении около пяти лет, несколько месяцев находился в Петропавловской крепости. В октябре 1827 г. был лишен дворянского чина и орденов и навечно сослан на поселение в Иркутскую губернию, жил в селе Олонки. В 1829 г. женился на крестьянке, крещеной бурятке Евдокии Середкиной, в семье родились девять детей. В Олонках успешно

занимался торговлей и сельским хозяйством, выращивал не только хлеб, но и арбузы и дыни. Открыл школу для крестьянских детей, некоторое время преподавал в ней. Писал стихи и воспоминания. После объявления в 1856 г. амнистии декабристам был восстановлен в правах. В 1858 г. на некоторое время уезжал из Сибири, затем вернулся туда навсегда. Умер на семьдесят восьмом году жизни, похоронен в Олонках. В XIX в. мемуары Раевского считались утерянными, но в XX в. были обнаружены и опубликованы.

Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797–1846)

Сын саксонского дворянина. Родился в Петербурге, детство провел в Эстляндии. В 1811 г. поступил в Царскосельский лицей. Был близким другом А. С. Пушкина. Рано начал интересоваться литературой, с 1815 г. печатался в журналах «Амфион» и «Сын отечества». Окончил лицей с серебряной медалью, вместе с Пушкиным был зачислен в Коллегию иностранных дел. В 1820 г. вышел в отставку, некоторое время путешествовал по Европе. В Париже читал публичные лекции о русской литературе в антимонархическом обществе «Атеней». По требованию русского посольства «вольнолюбивые» лекции были пре-

кращены и Кюхельбекер вернулся в Россию. В 1821–1822 гг. служил на Кавказе чиновником особых поручений при А. П. Ермолове, в эти годы познакомился и подружился с А. С. Грибоедовым. В 1823–1825 гг. жил в Москве, совместно с писателем В. Ф. Одоевским (двоюродным братом А. И. Одоевского) издавал альманах «Мнемозина». Весной 1825 г. переехал в Петербург, за две недели до восстания декабристов вступил в Северное общество. На Сенатской площади стрелял в великого князя Михаила Павловича (брата императора) и генерала А. Л. Воинова. После поражения восставших бежал за границу, но был арестован в Праге. Приговорен к смертной казни, замененной пятнадцатью годами одиночного заключения и вечной ссылкой в Сибирь. В 1826–1835 гг. находился в крепостях на северо-западе России, в 1836 г. отправлен на поселение в Сибирь. Несколько лет провел в городе Баргузин Иркутской губернии, где уже жил его брат Михаил, тоже декабрист. Женился на дочери почтмейстера Дросиде Артеновой, продолжал заниматься литературой. В 1839–1844 гг. жил в Акшинской крепости, в 1845 г. переселился в Курган, спустя год — в Тобольск. Незадолго до смерти в 1845 г. потерял зрение. Умер от чахотки, похоронен в Тобольске. Произ-

ведения Кюхельбекера, написанные после 1825 г., почти не печатались при его жизни и были изданы Ю. Н. Тыняновым в 1939 г. Кюхельбекеру посвящен роман Ю. Н. Тынянова «Кюхля» (1925).

Кондратий Федорович Рылеев (1795–1826)

Родился в семье отставного офицера в усадьбе Батово на реке Оредеж. Воспитывался в Первом кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. Участвовал в Заграничных походах 1812–1814 гг. В 1818 г. вышел в отставку, в 1820 г. женился на дочери помещика Наталье Тевяшевой и переехал в Санкт-Петербург. Служил в Санкт-Петербургской палате уголовного суда, затем был правителем дел канцелярии Российско-Американской компании. Литературный дебют — сатирическая ода «К временщику», адресатом которой был граф А. А. Аракчеев. С 1821 г. состоял в Вольном обществе любителей российской словесности. Имел знакомство со многими известными поэтами и писателями, в том числе с А. С. Пушкиным, с которым состоял в переписке. В 1821–1823 гг. работал над циклом «Думы» из патриотических стихотворений на исторические сюжеты, в 1825 г. «Думы» вышли в свет. Слова стихотворения, посвященного Ермаку, впоследствии были положены на

музыку. В 1822–1825 гг. совместно с А. А. Бестужевым издавал альманах «Полярная звезда». В 1823 г. стал членом Северного общества декабристов, вскоре возглавил его наиболее радикальное крыло. Один из руководителей восстания на Сенатской площади. На следствии раскаивался как «главный виновник происшествий», просил казни себе и помилования другим декабристам. Провел семь месяцев в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Вместе с М. П. Бестужевым-Рюминым, С. И. Муравьевым-Апостолом, П. И. Пестелем и П. Г. Каховским повешен на валу кронверка Петропавловской крепости. Место могилы неизвестно. Стихотворения Рылеева долгое время были запрещены и распространялись в списках. Их первой издательницей стала дочь Рылеева, Анастасия.

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

Пушкин не был участником тайных политических обществ, но был знаком со многими декабристами: с детства близко дружил с соучениками по лицею И. И. Пущиным и В. К. Кюхельбекером; во время южной ссылки много общался с «первым декабристом» В. Ф. Раевским; переписывался с А. А. Бестужевым (Марлинским) и К. Ф. Рылее-

вым и публиковал некоторые стихотворения в альманахе «Полярная звезда», который они издавали. Пушкин никогда не отрекался от дружбы с декабристами, но и не высказывался о том, как относится к их политической программе. Так и поэты-декабристы высоко ценили его раннюю «свободолюбивую» лирику, но сдержанно отзывались о произведениях, в которых не находили гражданских тем. 14 декабря 1825 г. Пушкин был в ссылке в Михайловском. По воспоминаниям знакомых, поэт собирался тайно приехать в Петербург в середине декабря, но в последнюю минуту передумал и только по счастливой случайности не оказался на Сенатской площади. Декабристам посвящены несколько его стихотворений: «И. И. Пущину» и «Во глубине сибирских руд» (1826) и «Арион» (1827) — переложение древнегреческого мифа о поэте, чудом спасшемся во время кораблекрушения. Эти стихотворения включены в настоящий сборник.

Словарь устаревших слов

Вотще — напрасно, тщетно.

Выя — шея.

Вперúть — устремить, резко направить.

Денница — утренняя звезда, заря.

Десна (десница) — правая рука.

Длань — рука, ладонь.

Зрак — взгляд, взор.

Кимвал — парный музыкальный ударный инструмент, предшественник современных тарелок.

Клеврет — соперник.

Кумир — идол.

Ланиты — щеки.

Ловитва — охота.

Одр — постель, ложе.

Оратай — пахарь.

Перл — жемчужина.

Перси — грудь.

Перст — палец.

Перуны — стрелы, молнии.

Праща́ — древнее боевое ручное оружие для метания камней.

Рамена́ — плечи.

Скуде́ль — глиняный сосуд.

Твердь — небо.

Фиал — бокал, кубок.

Хлябь — бездна, глубина.

Цевница — старинный духовой музыкальный инструмент, многоствольная флейта, свирель.

Чело — лоб.

Краткий словарь мифологических имен

Абеона (греч.) — богиня, покровительница отъезжающих.

Аврора (рим.) — богиня зари.

Амфион (греч.) — сын Зевса, царь Фив. Музыкант, игру которого слушали даже звери и камни.

Аполлон (Феб; греч.) — сын Зевса и богини Лето, бог света, покровитель искусств.

Атропа (греч.) — одна из трех мойр, богинь судьбы.

Беллона (рим.) — богиня войны.

Ваал — библейское название языческого бога народов Палестины и Финикии.

Вакх (Бахус, Дионис) (греч.) — сын Зевса, младший из богов-олимпийцев, бог винограда и виноделия, покровитель всего растущего, друг Аполлона и муз.

Геба (греч.) — богиня вечной юности; она подносила на Олимпе богам их напиток — нектар.

Грации (рим.) — богини юности, красоты и радости. Соответствуют греческим харитам.

Дорида (греч.) — божество океана, одна из трех тысяч нимф-океанид.

Зефир (греч.) — олицетворение теплого западного ветра.

Клио (греч.) — муза истории.

Крон (Хронос; греч.) — одно из верховных божеств, олицетворение времени.

Крез (греч.) — баснословно богатый царь Лидии.

Лары (рим.) — души предков, охранители домашнего очага.

Музы (греч.) — девять богинь — покровительниц искусств и наук.

Немезида (греч.) — крылатая богиня возмездия.

Нептун (рим.) — бог морей и океанов.

Нимфы (греч.) — божества природы, девушки, олицетворяющие различные живительные и плодоносные природные силы.

Парки (рим.) — три богини судьбы, прядущие нить человеческой жизни.

Пенаты (рим.) — боги — покровители домашнего очага.

Перун (слав.) — бог грома и молнии.

Протей (греч.) — морское божество, обладавшее способностью принимать облик различных существ.

Тантал (греч.) — фригийский царь, за преступления против богов обреченный ими на вечные муки.

Феб (греч.) — одно из имен Аполлона, означающее «лучезарный, сияющий».

Филомела (греч.) — афинская царевна, превращенная богами в ласточку; в поэзии — соловей.

Флегетон (греч.) — одна из пяти рек подземного царства мертвых.

Хариты (греч.) — см. Грации.

Эдем (греч.) — рай.

Эреб (греч.) — олицетворение вечного мрака.